ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ



№ 5

Май 1939 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"



ЛЕНИН

Радуле М. Стийенский

Рис. Ю. Кискачи

За непрозрачной пеленой тумана,
На Западе,
Лежит, обнажена,
Вспоенная прибоями Ядрана, [1]
Юнацкая кременная страна.
Ее баюкал ветер беспокойный
В часы кипучей первобытной мглы,
Могучей речи научили войны,
Вскормили красноклювые орлы,
На каменных ее ладонях выжжен
След рукояти древнего меча.
О, седина потрескавшихся хижин,
Стеклянный плеск прохладного ключа,
Задымленные гроздья винограда,
Младенчества далекая пора,
Моя любовь,
Полынная отрада,
Страна моя,
О, Черная Гора!

Пока еще огонь клокочет в жилах,
Я слышу звон ханджаров родовых
И крепко помню клятвы на могилах
Вольнолюбивых прадедов моих.
Мы обещали своему народу,
Пока от подлой пули не падем,
Подобно им,
Гайдуцкую свободу
Оборонять наследственным щитом.
И предо мною проплывает снова
Русалочий предутренний туман,
Я снова слышу окрик часового,
Я вижу разметавшийся Ядран
И слово правды,
Ленинское слово,
На боевых знаменах партизан.

Я помню годы пред восстаньем [2].
Помню,
Как над горами нависала мгла,
И ветер выл,
И на каменоломню
Похожа Черногория была.
В глухих пещерах притаились вилы [3]
Зеленокудрые,—
Им не давали петь,—
Всходили травы из последней силы,
И прозеленью покрывалась медь
Щита, которого не удержали
Защитники родной земли моей.

---

[1] Ядран — Ядранское — Адриатическое море.

[2] Речь идет о восстании 1921 года. Руководила им коммунистическая партия Югославии.

[3] Вилы — русалки, феи, нимфы народных поверий.

Как слезы, горькой стала от печали
Слепая влага проливных дождей.
И пробил час.
Юнацкая столица
Правдолюбивой кровью облилась,
И воля, как подстреленная птица,
Упала ниц.
Ее втоптали в грязь.
Ее из пулеметов иноземных
Расстреливали контраши [1] в упор,
Но свет сиял в зеницах несравненных,
И жил ее неослепленный взор.

— Вам говорю я, о братья сербы!
Как вы могли допустить такое?
Разве забыто Косово поле [2],
Косово поле, древняя слава?
Реет над Белградом черный ворон,
Черный ворон — проклятое знамя.
Горе нам, горе! Гибнет свобода,
Славы народной милая млада!

Над мертвыми рыдали черногорки,
И в грозный хор сливались голоса,
И залпов злобные скороговорки
В те ночи разрывали небеса.
Но слово правды,
Ленинское слово,
До слуха оглушенного дошло,
И стало небо траурное снова
Для взора ослепленного светло.
И на горе зардел костер восстанья,
И в четы [3] черногорцы собрались,
И мы дрались за наше достоянье,
За волю посрамленную дрались.
В тот год, врага преследуя, как зверя,
Прислушиваясь к ленинским словам,
Влюбленный в жизнь и в будущее веря,
Я с четой пробирался по горам.

Родимый край!
О, этот мир широкий,
Простор, который за сердце берет!
Клокочущие горные потоки

[1] Контраши — контрреволюционеры.
[2] Косово поле — место воспетой в народных песнях битвы за независимость Сербии (XIV век).
[3] Чета — отряд.

И реки мы переходили в брод,
Студеные озера обходили,
Топтали мы альпийские луга,
Окружены сияньем снежной пыли,
Лавиной низвергались на врага.
Кипели тучи на дорогах наших,
И дождь хлестал по гребням ржавых скал,
Но порох в самодельных патронташах
За переходы не отсыревал.
Сражались мы, как древле наши деды,
А в сердце бился юношеский пыл,
Пылали звезды, как глаза победы,—
И я клянусь, что с нами Ленин был.
Он отгонял смертельную тревогу
От раненых в сражении сердец,
Он вел нас в бой,
Указывал дорогу
И формовал расплавленный свинец,
Он с нами шел сквозь буковые пущи,
Он с нами был в пороховом дыму,
Он с нами был среди народной гущи,
Когда мы разошлись по одному,
Он хмурых пастухов учил свободе,
Разбрасывал листовки в городах,—
Он и поднесь живет в моем народе,
Он и поднесь живет в моих горах.

И выгорели радуги павлиньи,
Померкло небо родины моей,
И ночь меня нашла в тюрьме, в Цетинье,
Лишенного винтовки и друзей.
На мне лежала каменная груда
Сырой тюрьмы.
А все-таки я жив.
Я крикнул:
— Ленин! —
И бежал оттуда,
Гранит тюремный переворошив.
Седой гусляр меня в селеньи встретил
И дал мне пить, и я упал без сил.
Сгустилась тьма, и крикнул поздний петел,
И мой учитель гусли мне вручил
И так сказал:
— Сын мой любимый, беги отсюда,
Стийенский камень кровью сочится,
Подлые вороны завладели
Матерью нашей, родной землею.
Я учил тебя словом и делом
Родине милой служить до гроба,—

Звонкие гусли свои целую,
Передаю тебе во владенье,
Посети далекую Россию,
Час настанет — назад возвращайся,
Песню сложи о том, что видел.
Люди молвят: в Которскую бухту
Светлый корабль вошел, как лебедь,
Дальние вести к нам долетают.
Только и слышно вокруг, что — Ленин.
Старый услышит — помолодеет,
Момче[1] услышит — рванется в битву,
А юница золотом вышивает
Имя это по красному полю,
Вышьет имя — и всю багряницу
Лилиями окаймляет.

На розовом граните мавзолея
Дыханье жизни напечатлено.
Играет март. И небо, голубея,
Плывет ко мне в открытое окно.
А самолет могучей грудью дышит,
И вся Москва звенит у самых глаз,
Восходит день — и Ленин это слышит.
Он не умрет.
Он не оставит нас.

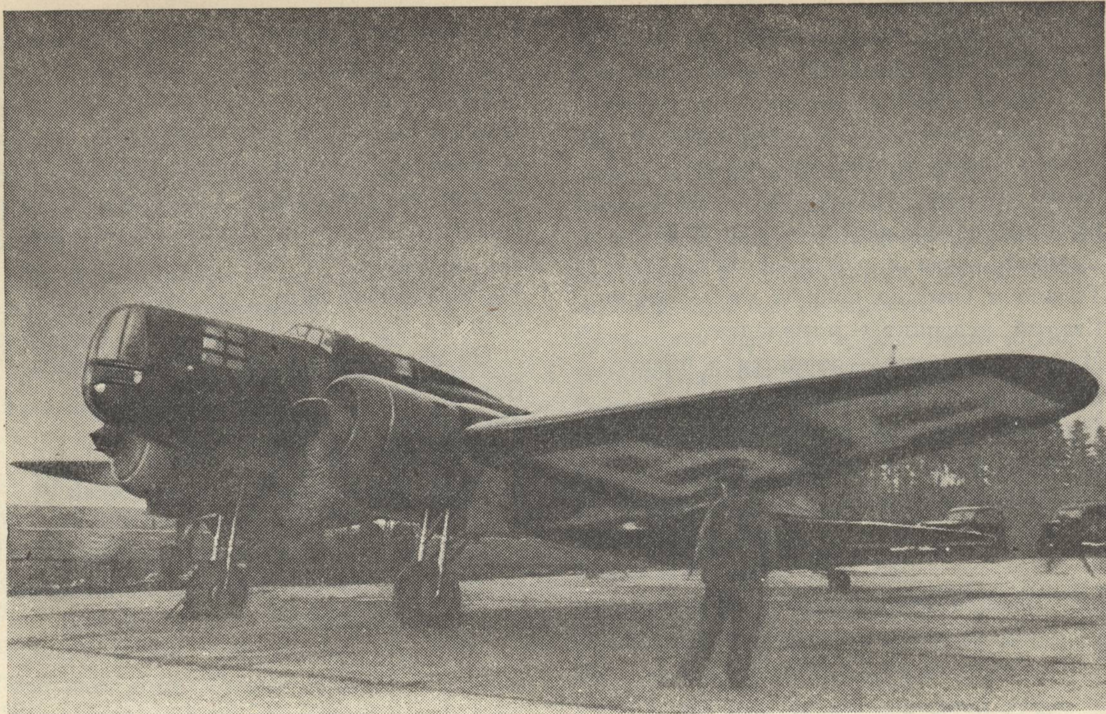
Он повернется к нам в пол-оборота,
Заговорит...
Он не оставит нас.
Теперь он занят с'ездовской работой.
Со всей землей он говорит сейчас.

Перевел с сербского
Арсений Тарковский

---

[1] Момче — юноша.





На аэродроме 28 апреля. *Фото А. Егорова.*

Новый воздушный путь

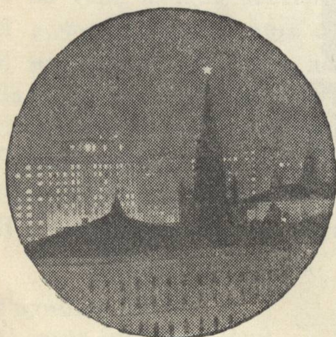
М. Слепнев,
Герой Советского Союза

Самое срочное письмо из Москвы до Нью-Йорка идет восемь — девять дней. Большое путешествие совершает это письмо. Из Москвы до Парижа оно идет поездом, в Париже, «пересев» в другой поезд, следует до канала Ламанш. Там его переносят на пароход, на котором оно идет до Лондона. В Лондоне письмо попадает на другой пароход. Дальше — Нью-Йорк, но до него еще шесть дней волны Атлантического океана шумят за бортом парохода.

Советские летчики Коккинаки и Гордиенко в десять раз сократили путь из Москвы в Соединенные штаты Америки.

Они летели на самолете «Москва». Это двухмоторная металлическая машина с убирающимися шасси и металлическими винтами. Так как колеса в воздухе убираются, эта машина развивает скорость значительно бо́льшую чем самолеты с неубирающимися шасси. Самолет оборудован хорошими радиостанциями для приема и передачи сообщений, точными приборами для контроля за работой мотора, автопилотом.

«Москва» была заправлена бензином, отфильтрованным через замшу, чтобы в бензин не попала вода. Ведь замша пропускает только бензин, а воду задерживает. Машина весила 12 600 килограммов и неохотно набирала высоту.



28 апреля 1939 года, в 4 часа 19 минут утра по московскому времени, самолет «Москва» вылетел в беспосадочный перелет по маршруту Москва — Соединенные штаты Америки. Вскоре после старта с самолета стали поступать радиограммы; их передавал штурман Гордиенко.

Поднявшись в воздух и сделав прощальный круг, самолет лег на курс и помчался в далекий путь. Финский залив, Ботнический залив и Скандинавский полуостров остались позади. Самолет вышел на простор бурного Атлантического океана. Коккинаки повел его по радиокомпасу на Рейкьявик — главный город Исландии. Радиокомпас — замечательный прибор, состоящий из приемной радиостанции и циферблата со стрелкой. Если настроить приемник на радиостанцию, на которую нужно лететь, включить радиокомпас и следить за тем, чтобы стрелка стояла все время на нуле, независимо от ветра и скорости, самолет обязательно прилетит к городу, где находится радиостанция.

Гордиенко мастерски работал с радиоаппаратурой. До самой Америки он держал связь с Москвой и сумел передать около 70 радиограмм. По количеству переданных знаков это очень много для самолетной радиостанции.

Пилот все время был занят управлением самолета, и штурману пришлось по совместительству сделаться буфетчиком. Клиент воздушного буфета оказался требовательным. Все, что предлагал «буфетчик», пилоту не нравилось. Оказывается, на большой высоте вкусовые ощущения резко меняются. Пища, которая была вкусной на земле, на высоте 6 тысяч метров при 48-градусном морозе оказалась невкусной. К тому же жареная курица, шоколод, яблоки замерзли и сделались как камень, а летчики долго были в полете и проголодались. Яблоки пришлось отогревать теплом собственного тела. Коккинаки и Гордиенко положили по мороженому яблоку за пазуху и, отогрев их, с'ели.

Самолет от Москвы до Исландии делал в среднем 330 километров в час. Это была хорошая скорость.

— Все в порядке,— радировал Гордиенко.

Позади было 3500 километров пройденного пути.

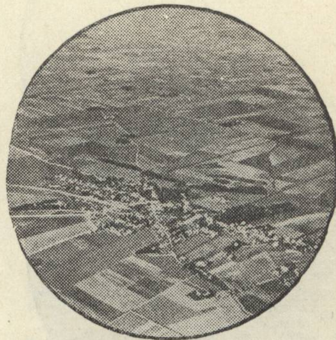
Вскоре из-за встречного циклона пришлось подняться на высоту 7 тысяч метров. Летчики надели кислородные приборы. Начался второй этап полета — над Атлантическим океаном от Исландии до мыса Фэруэль. Тут Гордиенко получил метеорологическую сводку, предупреждавшую, что между Гренландией и Лабрадором — циклон. Пилот постарался попасть в правую половину циклона, благодаря чему самолет получил добавочную скорость от попутного ветра, что принесло летчикам немалую радость. За два часа «Москва» пролетела тысячу километров от мыса Фэруэль до Лабрадора со скоростью 500 километров в час.

Впереди были видны берега Америки. Оставался последний этап перелета, но погода быстро ухудшалась. Самолет мчался на высоте 9 тысяч метров. Почти 4 часа летчики шли, ориентируясь только по компасу. Кончался запас кислорода. Под самолетом была сплошная облачность. А тут еще Гордиенко получил телеграмму, самую неприятную за все время пути: «Нью-йоркский аэропорт не принимает самолетов, аэродром закрыт, посадка запрещена».

Наступала ночь. Первая ночь за время полета. Дальше лететь было бессмысленно, возвращаться назад — нельзя: позади было море. Коккинаки решил садиться. Самолет пробил густую завесу облаков и быстро начал снижаться. Летчик стал выбирать место, где бы можно было «зацепиться глазом за землю». Кружась низко над островом, летчики увидели очертание бере-



8 часов 47 минут. Находимся в районе Гельсинки.



9 часов 55 минут. Находимся у берега Швеции. Лобовой ветер.



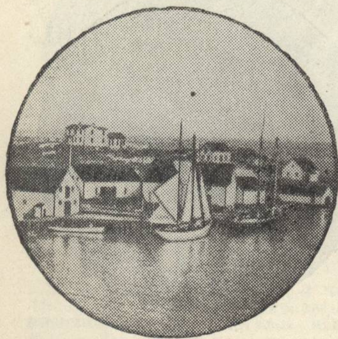
11 часов 48 минут. Материальная часть в порядке. Все хорошо. Иду курсом на Рейкьявик (Исландия).



18 часов 15 минут. Вижу берега Гренландии. Материальная часть в порядке.



18 часов 51 минута. Все в порядке. Красивая Гренландия.



21 час 55 минут. Летим над Лабрадором...



Командир самолета «Москва» Герой Советского Союза комбриг В. К. Коккинаки и штурман майор М. Х. Гордиенко.

Фото А. Егорова.

га, который быстро затягивался низким густым туманом. Гордиенко написал Коккинаки записку: «Под нами лед, изредка вода». Коккинаки спускался все ниже и ниже. И вот уже машина шла бреющим полетом.

Целых 30 минут метался самолет над маленьким островом. разыскивая место для посадки. Но подходящего места летчик не находил. На лед садиться было нельзя: его покрывали темные пятна, означавшие разводья. Коккинаки решил сесть на береговую кромку, сесть, не выпуская шасси. Вот уже высокая прошлогодняя трава шуршит под крылом машины, правый мотор натыкается на какой-то пень, машина разворачивается вправо и останавливается.

Коккинаки кричит:

— Гордиенко! Цел?

— Цел!

— Ну, значит, приехали. Вылезай.

Летчики вышли из самолета и осмотрелись. Машина лежала на мягкой, болотистой почве, рядом с болотом, покрытым толстой коркой льда. Хотели сообщить по радио о посадке, но до аварийной радиостанции добраться было не так-то легко: станция находится в задней части фюзеляжа, а фюзеляж соприкасался с землей — подлезть было нельзя.

Через полчаса к летчикам, перепрыгивая с кочки на кочку, прибежали местные жители-рыбаки. Коккинаки попросил их со-

общить в Нью-Йорк о месте посадки самолета, а сам лег в надутую штурманом резиновую лодку и заснул. Спал Коккинаки так крепко, как спят только люди, которые невероятно устали. Владимиру Константиновичу было от чего устать: 23 часа просидел он за штурвалом!

Попробуйте, ребята, просидеть хотя бы в кресле 23 часа, и вы поймете, почему Коккинаки так быстро и крепко заснул. А ведь кресло и кабина пилота — не одно и то же! Сидеть в кресле удобно, «земля» близко, «погода» в комнате хорошая, лицо не связано кислородной маской. А Владимир Константинович Коккинаки пробыл целые сутки на болтающемся самолете, внимательно следя все время за полусотней приборов и не выпуская из рук штурвала.

Коккинаки спал уже десять часов. За это время рыбаки сбегали домой и принесли пищу. Владимир Константинович поблагодарил их, но есть не стал, он показал пальцами, что есть не хочет, а с удовольствием вздремнет еще немного. Повернувшись на другой бок, он снова заснул.

***

В дождливый день над аэродромом Нью-Йорка показался долгожданный «Локхид», на котором летели Коккинаки и Гордиенко. Героев встречала тысячная толпа американских граждан. Когда летчики вышли из самолета, полпред Советского Союза в США тов. К. А. Уманский вручил им телеграмму товарища Молотова и товарища Сталина, которые от имени Советского Правительства и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков горячо поздравляли пилотов с благополучным завершением выдающегося перелета Москва — Северная Америка.

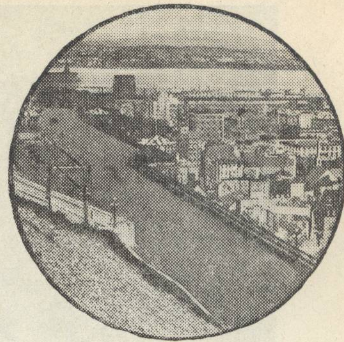
Американцы восхищались героизмом и мастерством советских летчиков.

Американские летчики с завистью слушали рассказ Коккинаки об этом замечательном перелете. Они завидовали советским летчикам: ведь только в нашей стране летчикам предоставляются все возможности для совершения таких перелетов. В Америке много талантливых летчиков, которые, может быть, и могли бы совершить большой перелет, но у них на это нет средств. Если перелет не приносит тут же реальной прибыли его организатору, конечно, не летчику, а капиталисту, то на такой перелет ни один капиталист денег не дает.

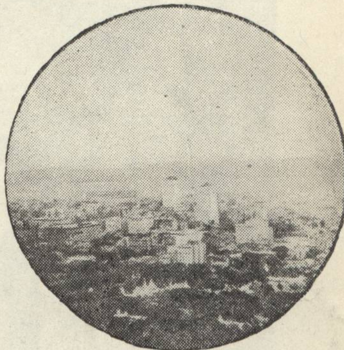
***

Коккинаки проложил самый короткий путь из Москвы в Америку. Самолет «Москва» долетел до Америки за одни сутки. Недалеко то время, когда по этому пути регулярно будут летать самолеты — перевозить пассажиров, грузы, почту. Путь этот, как показал перелет, очень сложный и требует изучения. Особенно трудны участки Исландия, Гренландия, Лабрадор. Здесь всегда распространяется так называемый гренландский язык циклонов. Для перевозки пассажиров нужна и специальная закрытая кабина. Неудобно же пассажиру лететь целый день с маской на лице.

Мы уверены, что эти вопросы в самом недалеком будущем будут успешно разрешены. Гарантией этому является любовь советского народа к своей мощной авиации и огромное внимание, которое уделяет авиации и нам, летчикам, наш любимый Сталин.



22 часа 48 минут. Высота полета—7000 метров. Залив Св. Лаврентия...



22 часа 57 минут. Все в порядке. Высота полета — 9000 метров...

На снимке: город Монтреаль, находящийся невдалеке от залива Св. Лаврентия.



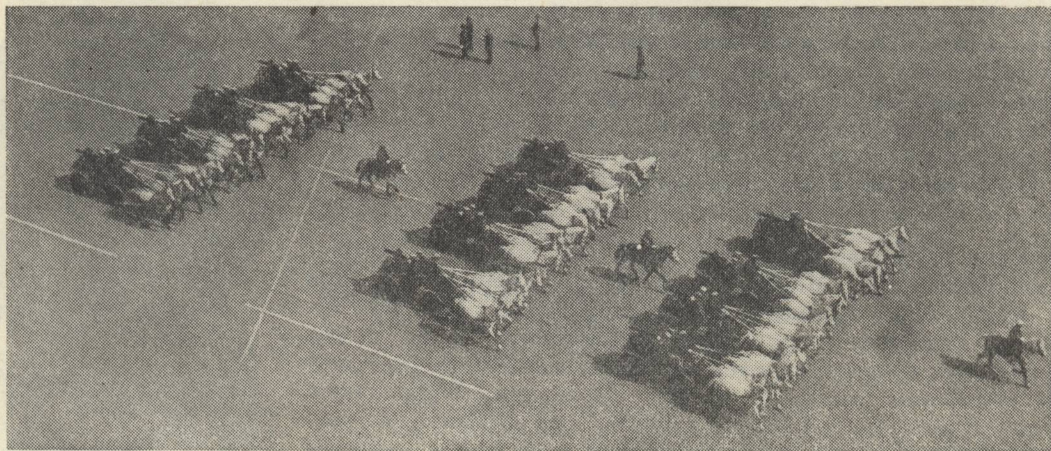
Экипаж, желая во чтобы то ни стало пройти к Нью-Йорку, героически пробивал себе путь, вышел на высоту 9000 метров, но приближение ночи и дальнейшее ухудшение погоды заставили его вернуться к заливу Св. Лаврентия и совершить посадку на острове Мискоу.

За 22 часа 56 минут советские пилоты пролетели без посадки 8000 километров.

В. К. Коккинаки и М. Х. Гордиенко проложили новый кратчайший путь между СССР и Америкой через Атлантический океан.



Весело и радостно праздновала советская счастливая детвора Первое мая. Вместе со взрослыми по улицам городов и сел прошли стройные ряды пионеров и школьников. День был теплый, солнечный. Ребята были одеты в летние костюмы. На снимке: пионеры и школьники Орехово-Зуева на демонстрации.



Во многих городах нашей родины Первого мая состоялись военные парады. В стальных шлемах, вооруженные винтовками, автоматами, гранатометами, шли бойцы стрелковых частей. Сытые кони, звучно цокая копытами, мчали лихих кавалеристов. Заполняя площади ревом моторов, неслись стальные крепости — танки. Легко катились противотанковые орудия, гаубицы. В голубом небе реяли самолеты. Красная Армия демонстрировала свою мощь, свою готовность в любую минуту разгромить врага на земле, на воде, в воздухе. На снимке: пулеметные тачанки проходят по Красной площади.

Верный помощник партии

С неослабным вниманием следил ленинско-сталинский комсомол за работой XVIII с'езда героической партии большевиков. Решения с'езда горячо одобрены всей советской молодежью — многомиллионной армией пламенных патриотов.

Передовой отряд советской молодежи — комсомол всегда был с партией, он ее активнейший помощник и верный оплот.

Нет для комсомола более почетного долга, чем всемерная помощь партии в ее великой созидательной работе. Неразрывная связь с партией Ленина — Сталина, воспитание молодежи в духе коммунизма, подготовка юных граждан страны социализма к вступлению в ряды ВКП(б) — основа основ в работе комсомольских организаций.

XVIII с'езд партии указал всему советскому народу путь к новым победам; наметил грандиозную программу перехода от социализма к коммунизму. Замечательные перспективы, которые открыл с'езд партии, вдохновили комсомол, всю советскую молодежь как и весь наш народ на дальнейшую борьбу за торжество коммунизма.

Большевистская партия уделяет комсомолу огромное внимание, делает все для того, чтобы инициатива молодежи находила широкое распространение, помогает молодежи проявить свои творческие способности.

Решения XVIII с'езда партии определили крутой поворот в жизни комсомола: все организации ВЛКСМ обязаны более активно участвовать в государственной и хозяйственной жизни.

В уставе ВКП(б), принятом на XVIII с'езде, записано:

«ВЛКСМ является активным помощником партии во всем государственном и хозяйственном строительстве. Комсомольские организации должны быть на деле активными проводниками партийных директив во всех областях социалистического строительства...»

Замечательными делами во славу Родины отвечает комсомол своей родной большевистской партии. На фабриках и заводах, на транспорте, в колхозах, в Красной Армии, в нашей славной авиации и Военно-Морском Флоте — всюду комсомол и несоюзная молодежь показывают образцы героизма, преданности делу партии.

Состоявшийся в апреле VIII пленум ЦК ВЛКСМ обязал все комсомольские организации, всех членов ВЛКСМ настойчиво и упорно проводить в жизнь постановления XVIII с'езда ВКП(б), широко раз'яснять решения с'езда среди комсомольцев и несоюзной молодежи, неустанно готовить полноценные кадры для социалистического хозяйства.

Пленум одобрил инициативу молодежи прожекторного завода имени Л. М. Кагановича и передовиков сельского хозяйства Тульской области об участии молодежи в социалистическом соревновании имени Третьей Сталинской Пятилетки. В это соревнование необходимо вовлечь всю молодежь.

По плану третьей пятилетки, в степях Казахстана, от города Акмолинска до станции Карталы, будет строиться новая железная дорога. Эта дорога свяжет Магнитогорск с Карагандой, магнитогорское железо с карагандинским углем.

Большевики решили построить эту большую дорогу в один год.

Полтавские комсомольцы-железнодорожники, узнав о строительстве новой дороги, вызвались ехать на эту стройку. На их призыв откликнулись комсомольцы других краев и областей Союза. Всю новую дорогу, все 812 километров, будут строить молодые патриоты Советской страны.

Недавно партия и правительство приняли специальное решение об увеличении добычи угля в Подмосковном угольном бассейне. Тульские комсомольцы с энтузиазмом выполняют это важнейшее решение. Они взяли шефство над пятью шахтами-новостройками и решили послать для работы в шахты 1500 молодых работников.

На Ленинградском заводе имени Сталина строятся гидротурбины для огромных электрических станций на Волге. Таких мощных турбин нет нигде в мире. Над заказами «Большой Волги» шефствуют комсомольцы. На каждой детали этого заказа комсомольцы написали красными буквами «Большая Волга» и следят, чтобы эти детали обрабатывались хорошо и быстро. Комсомольская бригада тов. Щербакова собирает самый сложный механизм турби-

ны — регулятор. Недавно бригада собрала регулятор за 14 дней вместо 30 дней по плану.

Так комсомол мобилизует свои силы на выполнение третьей пятилетки — великого плана сталинских работ.

На этом пленуме комсомол принял шефство над созданием большого морского и океанского флотов СССР, над строительством «Второго Баку» между Волгой и Уралом, над развитием Подмосковного угольного бассейна, над строительством Дворца Советов, Куйбышевского гидроузла, железной дороги Акмолинск — Карталы, Амурстальстроя. Из числа молодых колхозниц комсомол взялся подготовить 100 тысяч трактористок.

На судостроительные заводы, в шахты Подмосковного бассейна, на Дальний Восток, в Казахстан поедут десятки тысяч комсомольцев. Воодушевленные любовью к своей Родине, беспредельно преданные партии и любимому Сталину, пламенные молодые патриоты покажут образцы работы на стройках третьей пятилетки.

Враги народа, продажные фашистские лакеи, обманным путем пробравшиеся в ЦК ВЛКСМ, пытались оторвать комсомол от партии. С помощью Центрального Комитета ВКП(б), лично товарища Сталина враги были разоблачены. Теперь комсомол, как никогда, крепко связан с партией Ленина — Сталина, тесно сплочен вокруг нее.

И, выполняя указания партии, пленум обязал весь комсомол повышать революционную бдительность, крепче и упорней готовиться к обороне нашей социалистической Родины, быть готовым в любой момент стать на защиту священных границ Советского Союза.

С'езд партии принял решение о том, что молодежь с 18 лет может вступать в ряды ВКП(б). Это знак большого доверия молодым растущим силам Советской страны. Лучшие из комсомольцев и комсомолок, беззаветно преданные социалистической Родине, вступают в ряды большевистской партии.

Но, для того чтобы подготовить из себя крепких большевиков, молодежи нужно много и упорно учиться, овладевать марксистско-ленинской теорией. И пленум обязал всех комсомольцев сочетать свою работу на всех участках социалистического строительства с повседневной глубокой учебой.

Пленум предложил всем комсомольским организациям лучше работать с пионерами и школьниками. Теперь в Центральном комитете комсомола, в обкомах, крайкомах и горкомах будут специальные секретари по работе среди школьной молодежи и пионеров.

Решения пленума обязывают лучше работать и нас, пионеров. Каждый отряд, каждое звено должно по мере своих сил помогать партии и комсомолу. Пионеры должны бороться за хорошую дисциплину, за образцовый порядок, за высокую успеваемость. В советской школе не должно быть второгодников. Пионеры обязаны личным примером показывать всем ребятам, как нужно учиться, помогать отстающим школьникам стать хорошими учениками.

Пионеры и пионерки! Партия призывает вас настойчиво овладевать знаниями, готовить из себя хороших борцов за дело Ленина — Сталина. Готовьтесь стать в ряды ленинско-сталинского комсомола активными, трудолюбивыми.

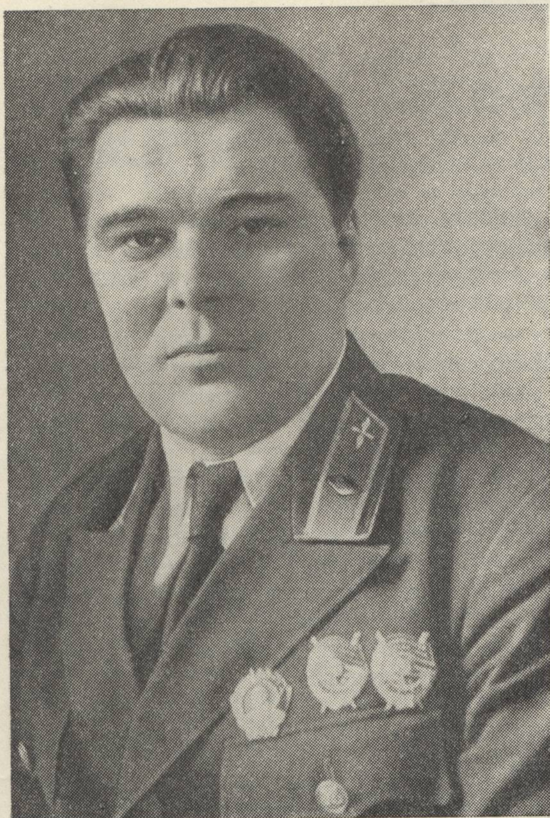
Берите пример с пионеров колхоза «Победа труда», Сасовского района, Рязанской области. Они проводят очень интересный опыт — обновление семян. Колхоз выделил им гектар яровой пшеницы. За несколько дней до начала цветения пшеницы пионеры вышли в поле и ножницами срезали усики у колосков. После этого пыльца с других колосков могла свободно попасть на подстриженные колосья. Когда настала пора уборки, звено собрало все подстриженные колосья и обмолотило их отдельно, получились золотые полновесные зерна. Со своего участка пионеры собрали 32 центнера пшеницы, в четыре раза больше, чем в среднем с гектара собрал колхоз. Звеньевую Нюру Давыдову премировали.

Это было три года назад. В следующем году звено взяло шефство уже над двумя гектарами пшеницы, и опять ребята собрали урожай, намного превышающий средний урожай по колхозу.

Звено Нюры Давыдовой — кандидат на участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

В городе и деревне зимой и летом будем всегда помогать партии и комсомолу. Начнем с небольших общественных дел и будем на них учиться верно служить нашей Родине. Это будет хороший пионерский ответ на решения VIII пленума ЦК ВЛКСМ.

А. К. Серов и П. Д. Осипенко





Советская молодежь не забудет их имена

Ленинско-Сталинский комсомол вместе со всем советским народом глубоко переживает тяжелую утрату — безвременную гибель Героев Советского Союза товарищей Анатолия Константиновича Серова и Полины Денисовны Осипенко.

Вся жизнь славных сталинских питомцев—товарищей Серова и Осипенко—была примером беззаветной борьбы за торжество идей большевистской партии Ленина — Сталина. Горячо любили они свой народ, страстно ненавидели врагов. Настойчивые в достижении поставленной цели, скромные и отзывчивые, товарищи Серов и Осипенко пользовались глубоким уважением советской молодежи. Являясь членами Ленинско-Сталинского комсомола, они воодушевляли весь комсомол на упорную борьбу за дело коммунизма.

Никогда не умрет светлая память о товарищах Серове и Осипенко. Их замечательная жизнь, полная героизма и отваги, служит примером для комсомола и всей советской молодежи, зовет к еще более упорной и настойчивой борьбе за дело партии Ленина — Сталина.

ЦК ВЛКСМ

Монтеры

Ян Петерсен

Перевод с немецкого И. Татариновой

Рис. Ю. Кискачи

Я шагаю из угла в угол по кухоньке, останавливаюсь у окна. Сумерки превращают задний двор в узкую серую кишку. Только в левом углу, на крыше соседского дома, лежит полоска чуть посветлее. По ней проплывают зеленые и красные блики: огни трамвая, проходящего поблизости.

— Уж не напало ли на тебя сомнение? — слышу я за собой голос Оскара.

Он сидит, облокотившись на стол. В темноте вырисовываются его богатырские плечи в белой рубашке, лицо кажется бледным пятном, но я чувствую на себе его взгляд.

— Осторожность еще не значит сомнение.

— Осторожен я всегда, это само собой понятно,— отзывается Оскар.

«Почему Эмиль ничего не говорит?» — думаю я. Он стоит, прислонясь к плите, время от времени попыхивает папироской. Оба они работают монтерами в одной электрической фирме. Мы уже часто пользовались для нелегальной деятельности теми местами, куда их посылали работать. Эмиль — спокойный парень. «Верно, так всегда и останется в подчинении у Оскара»,— думаю я. Он очень привязан к Оскару. Тот для него все равно, что старший, опытный брат.

— Как давно вы там работаете, в этом новом месте? — спрашиваю я.

— Три дня,— говорит Оскар.— И проработаем еще не меньше недели. Мы устраиваем световую рекламу по всему фасаду для кафе,— знаешь?

— Знаю, отлично знаю.

Молчание. Затем я опять завожу разговор:

— Уже завтра же начать печатать листовки да еще в полдень, среди бела дня,— ну никак я этого в толк не возьму. Уговор-то был на конец недели. Не слишком ли мы торопимся? Ведь мы подвергаем риску все дело!

Оскар встает, подходит к окну, говорит:

— Я же тебе все об'яснил подробно. Надо применяться к обстоятельствам. Сегодня представился чрезвычайно удобный случай пронести и спрятать там мимеограф и бумагу. Завтра мы приступим к своей монтерской работе только днем, потому что раньше будет занята пожарная лестница. Еще раз говорю тебе: в пустующее помещение картинной галереи ни одна человеческая душа не забредет. Кроме того мы взяли у швейцара ключи от дверей. Он уверен, что мы держим там наши инструменты!

— Все так, все так, но среди бела дня печатать листовки! Да еще на таком бойком месте!

— Среди бела дня, среди бела дня! — с нетерпением повторяет Оскар.— Чем невероятнее, тем для нас спокойнее! Ведь с пожарной лестницы у нас вся улица как на ладони!

Я долго все обдумываю. «Среди бела дня, среди бела дня», — не выходит у меня из головы. Но я знаю: Оскар лучше меня умеет оценить положение...

— Будь по-твоему, завтра,— говорю я.

— Наконец-то,— с облегчением вздыхает Оскар.

Он задергивает занавесочку, включает свет. Эмиль все еще стоит у плиты. Он, улыбаясь, кивает мне. Рядом с Оскаром он кажется маленьким, чуть ли не хрупким. Белокурые волосы подчеркивают юношеское и веселое выражение его лица. Раз Эмиль с нами, ничего не случится: он еще так молод!.. Оскар идет к столу, выдвигает ящик, достает бумагу. Смотрит на меня. Крепкое, рабочее лицо с крупными чертами, умные серые глаза.

— Заверни свой рабочий костюм,— говорит он.— Завтра тебе надо быть настоящим монтером.

Я снимаю с гвоздя у дверей синие штаны, блузу, затем крепко пожимаю товарищам руки.

* * *

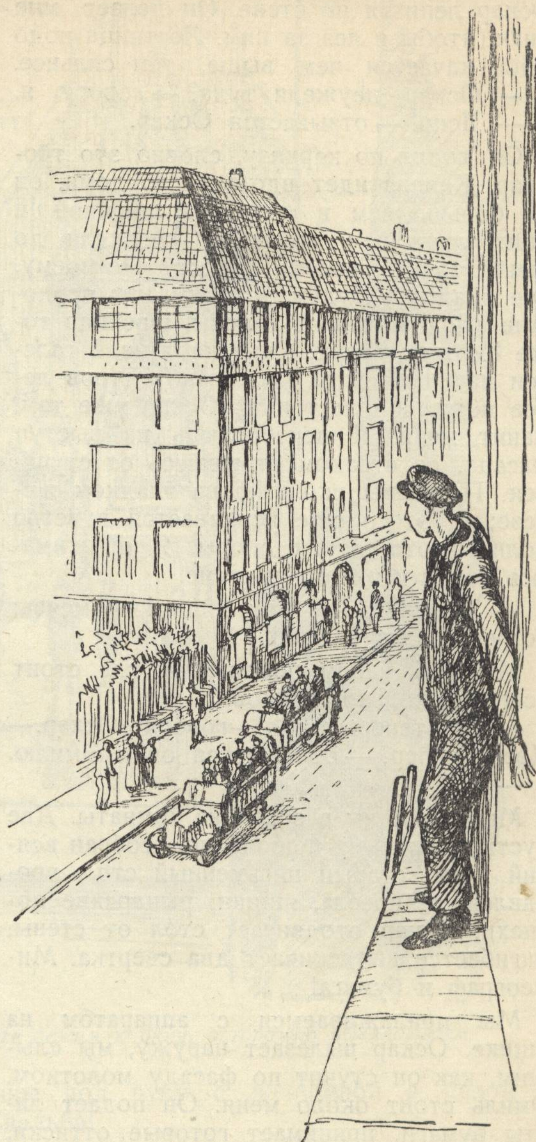
Мы медленно идем по улице. Три монтера в синей замазанной одежде. На левом плече у меня связка электрического провода. Это Оскар дал мне, когда мы встретились. «На тебе украшение»,— сказал он. Мы идем молча. Да и говорить не о чем. По тротуарам взад и вперед спешат прохожие. По широкой асфальтированной мостовой непрерывным потоком катятся автомобили. На больших перекрестках висят светофоры, на остальных углах стоят шупо и взмахивают руками. Мы в деловом квартале Берлина.

— Вон там,— говорит Оскар.

Солидное здание с гладким модным фасадом, наполовину занятым огромными окнами кафе. Стеклянная стена, прерываемая только широкими медными полосами. Металл блестит на солнце. Над кафе четыре больших окна, на них написано: «Картинная галерея Нейман». На этих четырех окнах наклеены яркожелтые плакаты: «Сдается внаймы». Все остальные помещения заняты под конторы. Длинные ряды окон. У входа в кафе стоит швейцар в пестрой ливрее. Проходя, Оскар говорит: «Хейль Гитлер!» Швейцар подымает руку. Дойдя до конца дома, мы входим в широкий в'езд для автомобилей. С левой руки тянется высокий забор. За ним видна небольшая церквушка, окруженная кустами. Должно быть, очень старая. Красноватые камни тронуты временем, порталы перегружены завитушками и украшениями. Церковь нарушает прямую линию улицы. Она чуточку отступила вглубь, словно чувствует, что она здесь последний свидетель былых времен: ведь по другую сторону от нее тоже только конторы, магазины, рестораны.

В'езд для автомобилей заканчивается свободной площадкой. Вот и пожарная лестница!

Мы выдвигаем ее на улицу, перед кафе. Оскар подсовывает под оба большие колеса пожарной лестницы тормозные башмаки, вставляет два железных стержня, затем принимается накручивать рукоятку. Широкая лестница раздвигается, растет вверх по стене: шесть метров, восемь метров! Мы с Эмилем огораживаем место работы, вешаем окаймленные красным дощечки с надписью «Осторожно!»



Со всей скоростью, на которую я способен, пробираюсь по выступу.

Оскар подмигивает нам, кивает на дощечки.

— Ну еще б тебе не осторожно! — шепчет он.

Эмиль пошел отворить окна в картинной галерее. Оскар лезет по лестнице. Наверху он переходит со ступеньки на выступ фасада. Мне выступ представляется очень узеньким. Кажется, будто

Оскар лепится по стене. Он делает мне знак, чтобы я лез за ним. Лестница подо мной качается чем выше, тем сильнее.

— Оскар, неужели туда? — говорю я.

— Ясно! — отзывается Оскар.

Он ходит по карнизу, словно это тротуар. Карниз идет вдоль всего дома, он не больше чем в полметра шириной и обит листовым железом. Неужели до земли только восемь метров? По-моему, все двадцать будут. Я вижу, как прохожие запрокидывают головы, швейцар тоже смотрит вверх. Окна картинной галереи начинаются на несколько метров левее пожарной лестницы. Оскар уже там, манит меня. Я перебираюсь на выступ фасада, со страхом отрываюсь от ступенек. Подошвы скользят на гладком железе; от этого еще усиливается чувство полного отсутствия опоры. Я прижимаюсь телом и руками к стене.

— Ты шел как по яйцам! — смеясь, встречает меня Оскар.

Мы в большом помещении, где стоит всего несколько ящиков.

— Ну, теперь живо!—говорит Оскар.— Двери запер? — обращается он к Эмилю.

— Да.

Мы проходим в соседние комнаты. Две пусты, в третьей, в последней, собран всякий хлам: старый письменный стол, продавленные кресла, ящики, рыцарские доспехи. Оскар отодвигает стол от стены, нагибается, вытаскивает два свертка. Мимеограф и бумага!

Мы прилаживаемся с аппаратом на ящике. Оскар вылезает наружу, мы слышим, как он стучит по фасаду молотком. Эмиль стоит около меня. Он подает листы бумаги, принимает готовые оттиски, складывает их крест-накрест на соседнем ящике. Я беру лист, накладываю на него восковку, покрываю смазанной краской кисеей, прокатываю резиновым валиком.

Мы работаем молча. Только раз Эмиль говорит:

— Заголовок для листовки хороший! Удачная маскировка!

На странице крупным шрифтом набрано:

«Необходима воздушная оборона!»

Стопка чистой бумаги уменьшается. Оскар влезает в окно, подходит к нам.

— Теперь, Ян, надо тебе побыть за окном, на наружной стене,—говорит он.— Мы с Эмилем поработаем здесь.

— Зачем? — я с удивлением смотрю на него.

— Надо, чтобы швейцар при кафе видел, что ты работаешь. Ты для него новое лицо. Он, может быть, уже удивляется, куда ты запропастился.

— Я не могу удержаться на таком узком краешке, да еще если руки будут заняты! Как я буду работать? Я ведь в этом деле ничего не смыслю. Если я...

— Ты только делай вид! — перебивает Оскар.— Стой на лестнице, там в стене дыра есть, надо ее выдолбить поглубже,— он делает нетерпеливый жест.— Ступай, долго разговаривать нельзя! Молоток и шламбур в сумке с инструментами, я повесил ее на лестницу.

Я прижимаюсь всем телом к ступенькам, бью молотком по блестящему шламбуру. Дело спорится, я и не предполагал, что так пойдет. Оскар, верно, крикнет меня, когда пора будет его сменить. Он прав: самая дерзкая затея в то же время и самая безопасная. Внизу под окном проходят сотни людей, мы, так сказать, под постоянным надзором швейцара — и никто ничего не подозревает. Яркое солнце печет мне спину, я вспотел. Каждый удар звучит певуче, металл бьет по металлу. По временам я прерываю работу, гляжу на улицу. Кто это там в двух грузовиках... в обоих... охранники?!. Так и есть! Ну и что такого? Выехали на прогулку или на ученье... Машины приближаются. У меня замирает сердце. Машины останавливаются! В двадцати метрах от нас, у самой церкви! Охранники прыгают с грузовиков. Вылезают здесь, именно здесь?! Я бросаю инструменты в сумку. Со всей скоростью, на которую я способен, пробираюсь по выступу, влезаю в окно:

— Оскар, внизу охранники!

Оскар разом оборачивается.

— Что?! — вырывается у него.

Мы вместе бежим к окну, осторожно выглядываем. Черные мундиры заполнили уж весь тротуар.

— Быстрее все прятать! — голос Оскара звучит хрипло, но уверенно.

Мы приходим в себя. Мы собираем стопку бумаги. Оскар хватает аппарат. Неужели кто-нибудь выдал? Что если они оцепили дом... если облава?! Мы опять спешим в первую комнату.

— Кому-нибудь еще о листовках говорил? — я с трудом выдавливаю из себя слова.

— Только одному товарищу из головки.

В таком случае не может быть, чтобы охранники... И снова голос Оскара:

— Нам выйти нельзя, а ты снимай рабочий костюм — уходи!

Я медлю. Оскар с угрожающим видом подступает ко мне.

— Уходи сейчас же! Через черный ход! Ну же!

В душе ужасная пустота. Они оба... Эмиль!

— Оставайся на улице... если что... сейчас же дай знать Рихарду.

Голос Оскара еще звучит у меня в ушах, дверь хлопает, щелкает замок.

* * *

Я стою на другой стороне, на ярком солнце, но меня знобит. А что если охранники уже в доме? Целая группа их стоит в широком в'езде для автомобилей, налево, около церкви. Пешеходы спокойно идут своей дорогой, машины катятся как ни в чем не бывало, нигде нет затора... Что же это значит? Но на выступе фасада моих товарищей нет! Не будь ничего, они продолжали бы работу на стене. Минуты тянутся для меня как часы. Вот они! Резко выделяются на светлой стене синие рабочие костюмы. Значит, пока еще опасности нет! Что же тогда это такое с охранниками-то? Та группа, что стоит во в'езде для автомобилей, приходит в движение. Она выстраивается перед церковью. Теперь только я замечаю, что церковные двери открыты и на паперти постлан красный ковер. В это мгновение раздается колокольный звон. «У них, верно, какое-нибудь торжество!» — мелькает у меня в голове. Меня вдруг волной захлестывает радость. Вскоре перед церковью останавливается несколько автомобилей. Охранники выстроились шпалерами, руки у всех подняты. По ступенькам входит человек в черном мундире под руку с женщиной в белом. Свадьба!



Мы вместе бежим к окну, осторожно выглядываем.

* * *

Я тихонько стучусь в дверь картинной галереи. Оскар отворяет мне. Не успеваю я еще открыть рот, а он уж говорит:

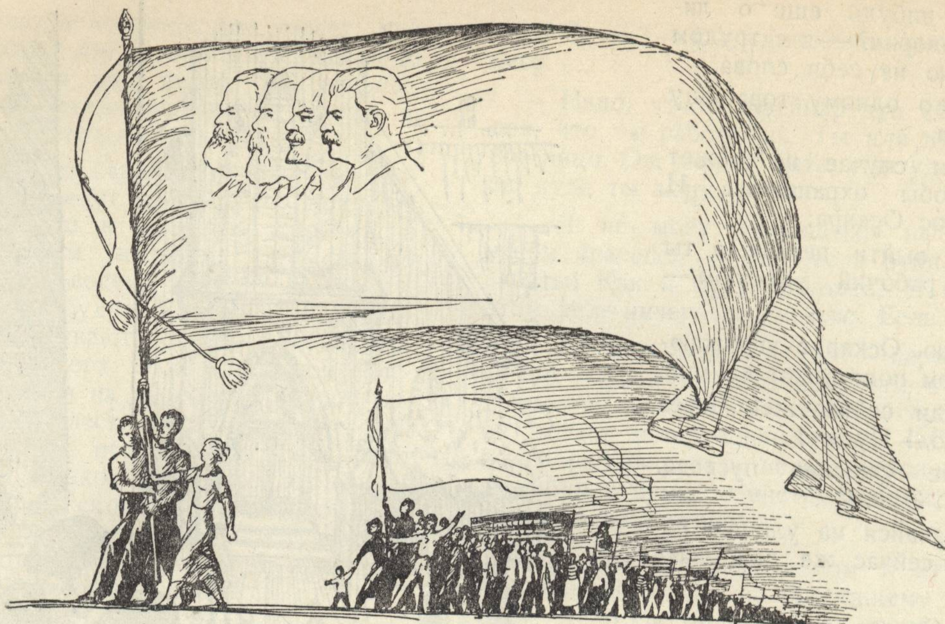
— Много шуму из ничего!

Голос у него тот же, что обычно, он даже усмехается.

— Ну, а теперь что?

— Докончим, что осталось, а как же иначе? Работать-то все равно до конца дня надо!

Я смотрю на Эмиля. Он все еще бледен, но глаза его так блестят, словно говорят: «Вот он какой, Оскар!»



О коммунизме

С. Пичугин

В октябре 1917 года рабочие и крестьяне нашей страны свергли власть помещиков и капиталистов и стали сами распоряжаться землей, лесами, фабриками, заводами, шахтами; стали строить жизнь по-своему, т. е. без хозяев, без эксплоатации.

Двадцать один год прошел с тех пор. Неузнаваемо изменилась наша страна. Она стала богатой, передовой, могучей. Царская Россия до октября 1917 года была тюрьмой народов. А теперь на той же самой земле люди живут новой, счастливой жизнью.

Происходивший в марте этого года XVIII с'езд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) сказал, что наша страна, весь советский народ вступили в новую полосу своей жизни. Мы завершаем стройку социалистического общества, на знамени которого написано: «От каждого по его способностям, каждому по его труду», и будем постепенно переходить к коммунистическому обществу, на знамени которого будет написано: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

Великие учители трудящихся: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — давно предсказали, что, достигнув социализма, общество будет переходить к коммунизму.

Еще в 1917 году, накануне Великой Октябрьской социалистической революции, Владимир Ильич Ленин писал о том, что сразу от капитализма к коммунизму перейти нельзя. Сначала будет социализм, т. е. общее владение промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и всеми другими богатствами общества. При этом продукты между членами общества будут распределяться по мере работы каждого. А уж потом социализм будет постепенно перерастать в коммунизм.

Социализм—это только первая ступень, первая фаза коммунистического общества, а коммунизм является его высшей ступенью. Коммунистическое общество было мечтой лучших, передовых людей всех времен, людей, которые ненавидели старый общественный строй, державшийся на эксплоатации человека человеком, на неравенстве, на угнетении.

Наш счастливый советский народ, руководимый ленинско-сталинской партией, успешно осуществляет эту мечту. Мы уже

вступаем в коммунистическое общество, и очертания его вырисовываются перед нами во всей своей грандиозности и красоте.

Коммунистическое общество представляется нам в образе величественного, прекрасного здания, полного света, красок, радости. И, действительно, люди в этом обществе будут жить радостной, прекрасной жизнью, ибо целью жизни каждого будет забота о всеобщем счастье.

Труд — основа жизни

Как будут жить люди при коммунизме, как они будут трудиться? Такой вопрос часто задают нам читатели журнала. На вопрос о труде и хочется прежде всего ответить.

С тех пор как существует человеческое общество, труд был и останется основой жизни людей. Для того чтобы поддерживать жизнь, нужно питаться, одеваться, иметь жилище. Это первооснова существования человека. А все эти необходимые средства существования создаются трудом. Ведь все вещи, которые нас окружают,— все это результат труда, и не одного человека, а многих людей. Таким образом, труд является основой существования человеческого общества. Труд всегда был и всегда будет.

Но труд труду—рознь. Вся суть в том, на кого трудится человек, кто пользуется этим трудом. Рабовладельческое общество, существовавшее тысячу лет, тоже было основано на труде, но на труде рабов. Это был унизительный, каторжный труд. И не даром рабы только о том и мечтали, чтобы освободиться от труда. Ведь для рабовладельца было все равно, что раб, что домашнее животное. Лошадь кормят до тех пор, пока она возит. Как только она перестает возить, ее отправляют на живодерню. Так поступали и с рабами. Римские патриции, например, своими рабами кормили рыбу в аквариумах.

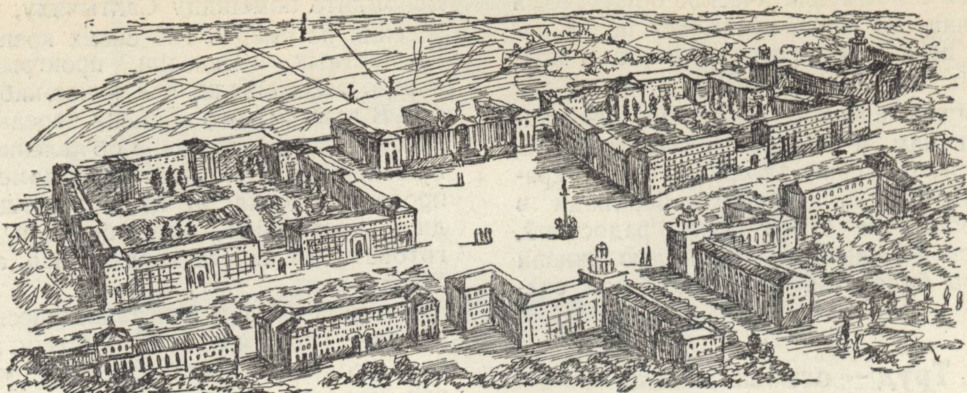
На смену рабовладельческому строю пришел строй крепостнический. Основой хозяйства этого общества была земля, а земля принадлежала помещикам. Кто же трудился на этой земле? Помещик? Нет. Помещик вел праздную, паразитическую жизнь, а трудился на него от зари до темной ночи крепостной крестьянин. Между рабом и крепостным разница небольшая. Вспомните помещицу Салтычиху, которая засекла на смерть 139 своих крепостных. Крепостных продавали, проигрывали в карты, выменивали, как какие-нибудь вещи. В газетах того времени нередко можно было встретить такие об'явления: «Мещанской части 4-й квартал, в доме № 377 продается девка 21 году, умеющая гладить, крахмалить, шить белье и кушать готовить, да карета двухместная, а также сей двор».

А каков труд в капиталистическом обществе? Кто там создает фабрики, заводы, кто производит великолепные машины, кто создает все для удобства жизни? Конечно, рабочий. А кому принадлежит все, что производит рабочий? Капиталисту. Значит, капиталист присваивает труд рабочего, оставляя ему лишь столько, сколько нужно для того, чтобы рабочий не умер от голода, чтобы его можно было дальше эксплоатировать. В капиталистическом обществе рабочий не считается человеком. Он считается либо токарем, либо слесарем, либо кузнецом, либо машинистом. Старые рабочие-путиловцы вспоминают, что на заводе их никогда не называли по фамилиям, а только по номерам. Номера эти были крупно написаны на рабочей одежде.

Капиталисту не нужен человек, ему нужна рабочая сила. Когда он в этой рабочей силе перестает нуждаться, то выбрасывает рабочего на улицу.

Американский автомобильный король Форд владеет огромными заводами. Они построены по последнему слову техники. Всему миру известен фордовский конвейер — это огромная лента, на которой собирается автомобиль. Вдоль этой ленты стоят рабочие, каждый из них проделывает определенную операцию. Конвейер движется очень быстро. Только успеет рабочий поставить колесо или завинтить гайку, установить на место деталь, как уже под'езжает следующая машина. Только успевай поворачиваться! Работа на фордовском конвейере такая напряженная, что люди преждевременно седеют. А раз человек седой,—значит, он стар, решают мастера, значит, он не может работать с той же энергией, что раньше, надо его уволить. И чтобы не лишиться работы, куска хлеба, фордовские рабочие красят себе волосы.

Возвратясь домой после работы на конвейере фордовский рабочий в изнеможении падает на кровать, но и во сне он



Таким будет новый социалистический город Караганда, который уже строится в Казахстане, на том месте, где несколько лет тому назад можно было встретить лишь юрты кочевников.

видит губительный конвейер и во сне он повторяет заученные движения.

Законно задать вопрос: может ли труд пролетария при капитализме, как и труд раба, как и труд крепостного, быть радостным? Может ли такой труд дать человеку наслаждение? Нет. От такого труда каждый хочет освободиться. Труд на хозяев-эксплоататоров является тяжелым бременем.

Когда труд стал делом чести

Совсем иначе трудятся люди у нас, где нет ни помещиков, ни капиталистов, а есть рабочие, крестьяне и интеллигенция. У нас каждый работает на свое общество, на свое государство, т. е. в конечном счете на себя самого, потому что чем богаче наше государство, тем лучше живется каждому гражданину. У нас человек получает от труда радость, так как он сознает, что его труд помогает улучшать жизнь всего общества.

В нашей стране труд овеян славой. Герои труда у нас в первом ряду. Мы все о них знаем, мы о них пишем и говорим с гордостью. Все наши знатные люди — это люди труда. Этого раньше не было. Кто был самым известным человеком в старой России? Царь. А что он сделал для народа? Он угнетал народ, расстреливал и вешал тех, кто пытался вести борьбу против угнетателей. К тому же надо сказать, что это был неумный человек и вдобавок пьяница. Один из царских прихлебателей хотел опубликовать выступления царя, сделать книгу из его речей. Но когда собрали эти речи и сделали книгу, то оказалось, что все речи царя были какой-то невразумительной болтовней на банкетах и приемах и неизменно заканчивались: «я пью за...» Вот каким ничтожеством был этот человек.

До революции делали «героями» воров и бандитов. В капиталистических странах и сейчас показывают на киноэкранах людей, которые умеют ловко воровать. Воры, бандиты, сыщики — вот «герои» капиталистического общества.

Совсем не то в СССР. Наши герои — это люди, которые своим трудом, своими подвигами умножают богатства и славу нашей родины. Это люди, защищающие социалистическую родину от посягательств врагов.

С первых же дней Советской власти люди, которые не работали, а вели паразитический образ жизни, были окружены презрением народа. Это презрение к тунеядцам: к попам, буржуям, спекулянтам, кулакам,— к людям, которые не хотят трудиться, а хотят жить за счет труда других, воспитала у граждан СССР партия большевиков и Советская власть.

Но можно ли сказать, что у нас уже для всех труд стал необходимой потребностью? Нет, этого сказать еще нельзя. В нашем обществе провозглашен лозунг: «Кто не работает, тот не ест». И мы боремся с теми, кто не хочет работать и хочет жить за счет труда других. Понятно, что этот лозунг относится к людям здоровым и взрослым, т. е. к тем, кто может и должен трудиться. У нас есть еще отсталые люди, в сознании которых сильны пережитки капитализма. Эти пережитки выражаются в недобросовестном отношении к труду, в желании урвать у государства побольше, а дать ему поменьше, в нарушении государственной произ-



Перед вами главный проспект Краматорского завода тяжелого машиностроения имени Сталина. Высокие, полные света и воздуха цехи завода окружены зеленью, цветниками. Приятно и радостно работать на таком заводе.

водственной дисциплины. Таких людей в нашем обществе становится все меньше и меньше, но все же они еще есть, и их необходимо перевоспитать. Надо помочь таким людям поскорее освободиться от тех привычек, которые им привило капиталистическое общество.

Но в нашем обществе есть уже образцы коммунистического отношения к труду, и с каждым днем их становится все больше и больше.

Владимир Ильич Ленин писал, что коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа.

И вот, когда мы читаем в газетах, что в Магнитогорске рабочий-строитель, увидев, как из лопнувшей водопроводной трубы хлещет вода, подмывая штабели дорогого фасонного кирпича, сбросил с себя пиджак, рубашку, заткнул ими дыру и три часа стоял по колено в воде, придерживая эту пробку, пока не подошли другие рабочие и не помогли ликвидировать аварию,— мы думаем: это и есть образец настоящего коммунистического труда.

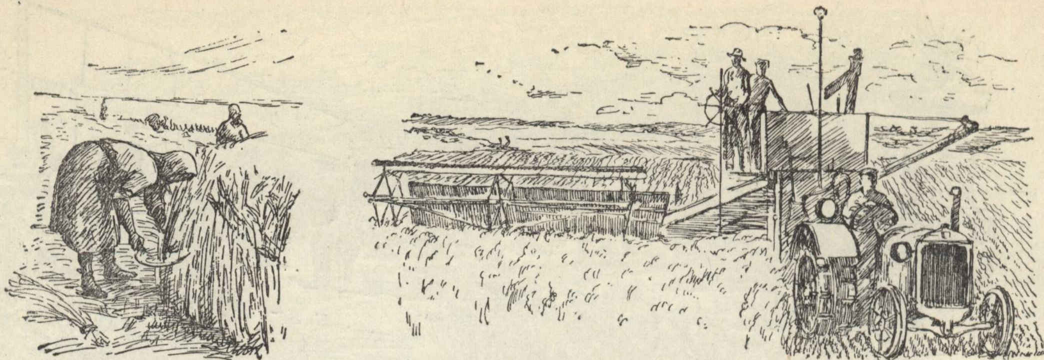
Или возьмем другой пример: наши герои-летчики, конструкторы, ученые получают в награду за свои подвиги, открытия, изобретения большие суммы денег— 30—50—100 тысяч рублей. Если бы человек получил такие деньги в старой России или в капиталистическом обществе сейчас, он перестал бы сам трудиться, а открыл бы небольшое предприятие, нанял бы рабочих и стал бы жить за счет эксплоатации этих рабочих. И в условиях капитализма это — закономерное явление. А у нас происходит совсем обратное. Наши люди, получившие награды, не только не перестают трудиться, а работают еще с бо́льшим энтузиазмом. Это для человека капиталистического мира необычно, это поражает его сознание, и он не понимает, почему это так.

А понять это просто. Ведь для наших героев, стахановцев дело не в деньгах, а в особом, новом отношении к труду. Свободный труд на свое общество стал для них радостью, наслаждением. Вот в коммунистическом обществе труд для всех превратится в наслаждение, в первую потребность человека.

Пройдут годы — мы выполним не только третью, но и еще несколько пятилеток. На наших предприятиях будет огромная производительность труда. У нас будет изобилие продуктов и самых разнообразных предметов потребления. Каждому члену общества все будет обеспечено по его потребностям. Будут ли люди трудиться в таких условиях? Не наступит ли царство всеобщей лени, благодушия и успокоения? Нет, этого не будет.

Наши учители Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин предвидели этот вопрос и дали на него ясный ответ.

Они сказали: несмотря на то что все люди при коммунизме будут обеспечены по потребностям и каждый сможет получить всего столько, сколько он захочет, несмотря на это люди будут работать еще с бо́льшим рвением, еще с бо́льшей стара-



Сколько грустных песен сложил народ о тяжелой работе жнеца. «Страда»—так называли раньше время уборки урожая. Теперь в Советском Союзе тяжелую работу жнеца выполняют комбайны. Комбайнер, штурвальный да водитель на тракторе выполняют работу сотен жнецов.

тельностью, чем они это делают сейчас. И это действительно так. Об этом нам уже сейчас говорит отношение к труду наших стахановцев, передовых советских людей. Раз труд станет потребностью человека, источником его радости и наслаждения, то трудно даже представить себе возможность существования в коммунистическом обществе людей, уклоняющихся от труда.

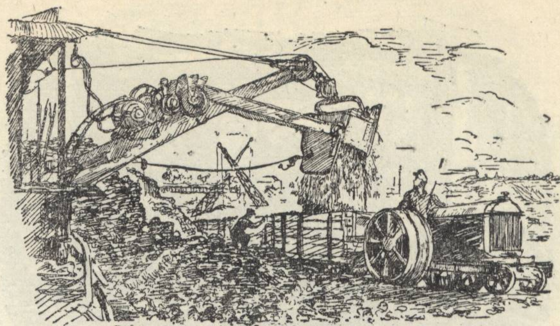
Надо сказать, что тогда изменится не только отношение людей к труду, но и сам труд станет другим. Прежде всего он станет легким трудом. Уже и теперь советский рабочий работает совсем не так, как работали раньше на фабрике в царской России. Тогда работали по 10—12 и даже 14 часов в сутки, а теперь — по 6—7 часов. Да и самые условия труда стали значительно легче. А в коммунистическом обществе рабочий день будет еще менее продолжительным. Кроме того все тяжелые и неприятные работы будут выполняться машинами.

На наших глазах изменяется труд. Еще недавно, например, улицы подметали дворники с помощью метел. А сейчас мы видим, что улицы в наших больших городах очищаются машинами. На земляных работах экскаваторы заменили тяжелый ручной труд землекопа. Вместо носильщиков работают под'емные краны, вместо молотобойцев — паровые молоты. И чем дальше, тем все больше и больше тяжелый ручной труд будет вытесняться и заменяться машинами. Человек постепенно перекладывает тяжелую работу на плечи машин, а за собой оставляет только контроль и управление машинами.

Но, может быть, вообще машина заменит человека, т. е. сделает ненужным труд человека? Нет, этого никогда не будет. Человек всегда будет работать, и простор для его деятельности будет всегда велик.

Буржуазные писатели очень много писали о том, что можно сконструировать механического человека и на его плечи переложить всю работу. Они и назвали этого своего механического человека «роботом». Капиталистам, испытывающим неприятности во время забастовки рабочих, эта «идея» пришлась по нраву. Но все-таки до сих пор этот механический человек не создан да и не может быть создан. Всякая деятельность требует человеческого сознания, ума, а мы знаем, что это из винтиков и колесиков не создается. Машина облегчает труд человека и в какой-то мере заменяет его, но свести на-нет роль человека в труде она не может. Наоборот, роль человека вырастет. Труд становится более легким, но более ответственным. Он требует знаний, культуры. Копать лопатой—трудное дело, но вместе с тем простое. Копать землю экскаватором легче, но несравненно сложнее.

Вместе с механизацией, с заменой ручного труда машинным, будет идти и автоматизация производства. Что это значит? Поясним на простейшем примере. У нас есть телефоны простые и есть автоматические. Когда вы снимаете трубку простого телефона, то на телефонной станции зажигается лампочка. Телефонистка спрашивает, какой номер вам нужен, и соединяет с другим аппаратом. А если телефон автоматический, то вы набираете нужный вам номер и без помощи телефонистки соединяетесь с тем, кому звоните.

Труд землекопа облегчили экскаваторы. Эти механические землекопы роют котлованы для фундаментов зданий, воздвигают плотины, прокладывают железнодорожные насыпи.

Труд телефонистки выполняет очень сложный прибор-автомат.

Автоматы применяются во всех областях народного хозяйства. На электрических станциях приспособлены такие автоматы, которые включают или выключают динамомашины, в зависимости от того, много или мало потребляется в сети электрической энергии. На токарных станках автоматы сами выбрасывают готовую деталь и зажимают новый кусок стали для обработки и т. д.

В плане третьей пятилетки записано, что надо побольше строить станков-автоматов, быстрей автоматизировать все отрасли народного хозяйства.

Но автоматизация требует особой ответственности человека за работу. Если человек управляет целой электростанцией, то это требует от него больших знаний, высокой культуры.

При коммунизме труд будет широко механизирован и автоматизирован. Работать человеку будет легко и приятно. И работать придется меньше руками и больше головой.

Здесь мы подходим к еще одной очень важной черте коммунистического общества. При коммунизме не будет противоположности между физическим и умственным трудом.

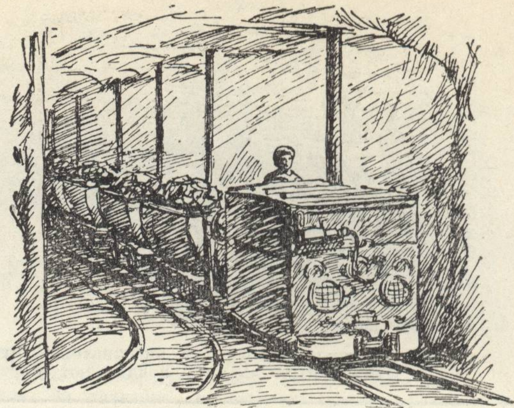
Уже сейчас можно наблюдать, как постепенно труд физический приближается к труду умственному. Все вы знаете стахановца Ивана Гудова. Он поставил замечательный рекорд, перевыполнив норму в три тысячи раз. Как же это ему удалось сделать? Он придумал такое приспособление, которое дало возможность на одном станке обрабатывать не одну деталь, как раньше, а сразу 40 деталей. Как видите, Гудов соединил свой физический труд, труд рабочего, с трудом умственным, с трудом инженера.

При капитализме существует непроходимая грань между трудом физическим и трудом умственным. На капиталистическом заводе инженер, техник служат капиталисту. Там рабочий заинтересован в том, чтобы сделать поменьше, поменьше своего труда отдать капиталисту, а инженер, который служит капиталисту, старается заставить рабочего отдать капиталисту побольше труда. Там рабочий никогда не задумается над тем, чтобы улучшить производство, так как это производство не его и жизни его это не улучшит. Поэтому там рабочий работает руками, а инженер—головой. Рабочий там не может стать инженером и потому, что для того, чтобы стать инженером, надо учиться, а в капиталистическом обществе двери высших учебных заведений для рабочих закрыты. А у нас теперь учится не только молодежь, но учатся взрослые и пожилые рабочие и получают среднее, а то и высшее образование. В коммунистическом обществе труд умственный и труд физический сольются воедино.

Каждому по его потребностям

Мы рассказали, как в коммунистическом обществе люди будут трудиться. А теперь посмотрим, как люди будут удовлетворять свои потребности.

Сейчас мы живем в таком обществе, где каждому дается не по потребностям, а по его труду. Что это значит? А это значит, что за разный труд люди получают разную оплату. Почему же у нас нет распределения по потребностям? Вот машинист паровоза. Чтобы стать машини-

В шахтах, где раньше саночник, согнувшись в три погибели, тянул тяжелые деревянные санки, груженые углем, теперь бегут по рельсам юркие электровозы.

стом, этот человек затратил много труда на ученье. Ведь не всякий человек может управлять паровозом. А вот подметальщик на путях. Он не учился специально для этого. Каждый может справиться с его обязанностями. У машиниста труд квалифицированный, а у подметальщика труд неквалифицированный. Если бы и тот и другой получали одинаково по потребностям, то что заставляло бы рабочего добиваться высокой квалификации? Поскольку есть разница между трудом квалифицированным и неквалифицированным, постольку нельзя ставить тех и других в одинаковые условия оплаты труда.

В коммунистическом обществе всякий труд будет трудом квалифицированным. Каждый будет стремиться к труду, так как труд будет приятен и легок. И тогда каждый человек за свой труд будет получать все, что ему нужно, для того чтобы удовлетворить все свои потребности.

Но необходимо правильно понимать, что значит потребность человека. Потребности у человека бывают самые разнообразные, начиная от хлеба насущного и кончая театром, музыкой и всякими другими потребностями культурного человека.

Потребности не есть что-то неизменное и раз навсегда данное. Потребности изменяются с изменением условий жизни людей. Чем лучше живут люди, тем разнообразнее их потребности. А в коммунистическом обществе будет обилие всех продуктов и предметов потребления,— следовательно, и потребности человека будут разнообразнее и сложнее. Когда человек сыт, ему хочется развлечься, когда он голоден, ему не до веселья. Удовлетворение одной потребности рождает другие.

Но у некоторых мещански настроенных людей наблюдается неправильное и даже абсурдное представление о потребностях человека. Такие люди думают, что в коммунистическом обществе люди будут брать себе по нескольку десятков костюмов, по нескольку автомобилей и т. д. Эти люди не могут понять что коммунизм «предполагает и нетеперешнюю производительность труда и *нетеперешнего* обывателя, способного «зря», вроде как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (Ленин).

Говорят, что царица Елизавета Петровна имела 600 платьев и в течение дня меняла их по 12 раз. Может ли появиться такая потребность у человека коммунистического общества? Конечно, нет. Царица вела паразитический образ жизни. Высококультурный человек коммунистического общества жить в праздности не будет,— следовательно, не будет измышлять себе такие абсурдные потребности. Люди будут одеваться со вкусом, красиво, хорошо, но вряд ли кто-нибудь из них пожелает иметь у себя слишком много платьев и отдавать им свое время, которое можно будет использовать для труда, спорта, чтения.

Враги коммунизма, враги народа, пытались изобразить коммунистическое общество таким, где все люди будут одинаковы: у всех будут одинаковые вкусы, одинаковые платья, все будут вставать и ложиться в один и тот же час. Конечно,





На наших фабриках и заводах станки-автоматы облегчают труд рабочего. Они шьют ботинки в сотни раз быстрей самых ловких сапожников, обтачивают стальные детали в сотни раз быстрей самых опытных токарей.

так изображать коммунистическое общество могут только враги его.

Мы уже теперь видим, как свободные народы СССР проявляют самые разнообразные свои таланты и способности. Расцветают яркие человеческие индивидуальности, разнообразятся вкусы и потребности людей.

Когда всего мало, когда общество бедно, тогда обеднены и вкусы людей. Когда общество богато, тогда есть место для проявления самых разнообразных вкусов.

К удовлетворению всех потребностей человека мы будем переходить постепенно. Уже и сейчас есть зародыш коммунизма в удовлетворении потребностей советского человека. Но мы так привыкли к этому, что и не замечаем.

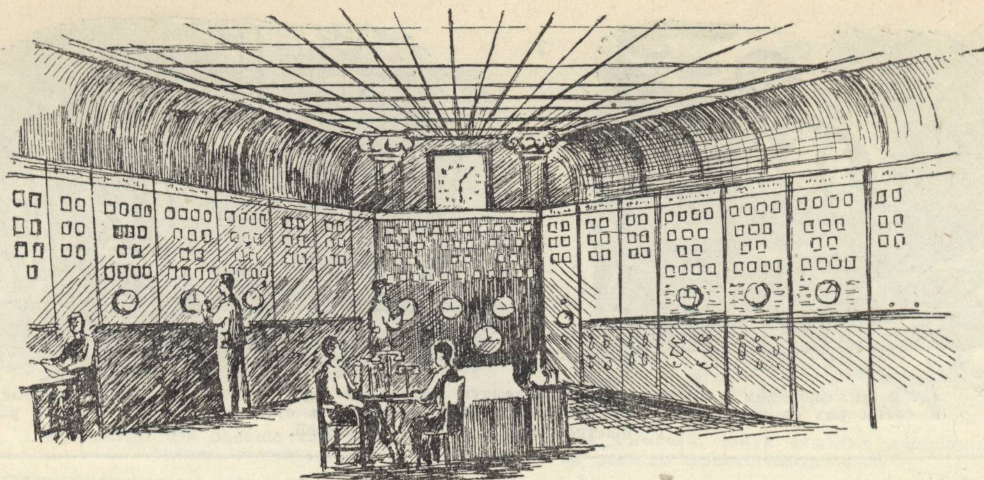
Вот например в капиталистических странах в университете может учиться только состоятельный человек. А у нас образование бесплатное. У нас бесплатное лечение. Этого нет ни в одной капиталистической стране.

Распределение по потребностям начнется раньше всего в той области, где скорее всего мы сможем добиться изобилия продуктов. Хлеб удовлетворяет насущную потребность человека. И очень возможно, что в недалеком будущем хлеба в Советском Союзе будет столько, что мы сможем выдавать его бесплатно. Можно представить, что через некоторое время все граждане Советской страны смогут бесплатно пользоваться автобусами, трамваями, электрическим освещением. Вот так, постепенно, мы будем переходить к осуществлению принципа коммунизма — от каждого по его способностям, каждому по его потребностям.

Государство при коммунизме

А как будет при коммунизме с государством? Останется оно или отомрет? На этот вопрос ответил товарищ Сталин на XVIII с'езде ВКП(б).

Не всегда существовало государство. При первобытно-общинном строе государства не было. Государство возникло при переходе к рабовладельческому строю, когда общество раскололось на враждебные друг другу классы, из которых одни — рабовладельцы — стали присваивать себе труд других — труд рабов. Государство в рабовладельческом, крепостном и капиталистическом строе является особой машиной, при помощи которой эксплоататоры держат в узде угнетенные классы. Эта машина состоит из армии, полиции, тюрем, суда, чиновников. При рабовладельческом строе государство было направлено против рабов, оно имело наемные войска, которые усмиряли рабов, рабовладельческий суд, чиновников, сборщиков податей и налогов, тюрьмы и т. д. При крепостном строе государство держит в узде крепостных крестьян, оно имеет феодальное войско, полицию, суд крепостников и огромный чиновничий аппарат. При капиталистическом строе государство подавляет рабочих. Оно имеет постоянную или вольнонаемную армию, полицию, буржуазный суд и колоссальную армию чиновников. Кроме функции подавления угнетенных классов внутри страны государство выполняет в рабовладельческом, крепостном и капиталистическом строе и другую функцию — расширять собственную территорию и оборонять от захвата другими государствами.



Это пульт управления Днепрогэса. Несколько человек, сидящих в этом зале, командуют миллионами лошадиных сил.

Как поступил рабочий класс с буржуазным государством? Он его сломал, уничтожил. В первые же годы Советской власти были уничтожены царская армия, полиция, суд, царские тюрьмы и чиновничий аппарат.

Но рабочим и крестьянам, ставшим хозяевами своей страны, нужно было подавить сопротивление и уничтожить помещиков, буржуазию и кулаков, отстоять родину от белогвардейцев, поддержанных силами капиталистов четырнадцати стран, постоянно крепить оборону страны и начинать строить социалистическое общество. Поэтому им пришлось сразу же после захвата власти создать государство нового типа—диктатуру рабочего класса.

Диктатура рабочего класса — небывалое в истории государство потому, что все прежние государства были оружием в руках эксплоататоров против угнетенных, диктатура же рабочего класса является орудием в руках рабочих и крестьян против эксплоататоров.

Со времени Октябрьской социалистической революции наше государство прошло в своем развитии две фазы. Первая фаза началась с первых дней Октябрьской революции, с 1917 года, и закончилась, когда внутри нашей страны были ликвидированы классы эксплоататоров,— наше государство уничтожило помещиков, буржуазию и кулаков. Отстояло страну от военного нападения белогвардейцев и интервентов. Заложило фундамент социалистического общества.

Вторая фаза в развитии нашего государства началась по окончании первой фазы и продолжалась до принятия Сталинской Конституции. Во второй фазе наше государство существенно изменилось. Первым долгом изменились его функции. Поскольку помещики, буржуазия, кулаки уничтожены, то подавлять внутри страны стало некого — функция военного подавления, которая раньше имела главное значение, теперь стала ненужной, и вследствие этого она отпала. Зато народилась новая функция — функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Развилась вовсю функция хозяйственно-организаторская и воспитательная. Что же касается нашей Красной Армии, наших карательных органов и разведки, то они своим острием направлены уже не во внутрь страны, а против капиталистического окружения. Из всего этого видно, как сильно изменились функции нашего государства.

Наше государство стало демократией для всех: в нем уничтожено деление на людей, имеющих право выбирать и быть избранными в верховные государственные органы, и людей, не имеющих этих прав. Все граждане Советского Союза имеют право избирать и быть избранными вне зависимости от их социального положения и происхождения.

Одним словом, наше государство и по своим функциям и по своей форме стало совершенно новым, социалистическим государством. Наша дальнейшая задача со-

стоит в том, чтобы крепить и усиливать его мощь.

Но что будет с нашим государством, когда мы в нашей стране построим коммунистическое общество? Нужны ли будут в коммунистическом обществе Красная Армия, НКВД, суд? Все зависит от того, что будет к тому времени вокруг нас. Если к тому времени, когда у нас уже будет построено коммунистическое общество, в главных капиталистических странах победят рабочие и крестьяне и вместо капиталистических стран нашу страну будут окружать страны социалистические, то наше государство будет ненужно и отомрет. А если к тому времени, когда у нас в стране будет построено коммунистическое общество, в главных капиталистических странах еще будут господствовать капиталисты и капиталистические страны попрежнему будут окружать нашу страну, тогда наше государство будет сохраняться и укрепляться вплоть до победы социалистической революции в главных капиталистических странах, вплоть до полной замены капиталистического окружения нашей страны социалистическим.

Человек человеку — друг

Чтобы стать достойными коммунистического общества, мы должны воспитать себя сознательными коммунистами, людьми, беззаветно преданными своей родине, коммунистической партии, советскому народу.

Мы должны очистить свое сознание и волю от всей той грязи, которую занесло в них капиталистическое общество. Ведь в течение многих веков люди жили, как волки, враждуя и ненавидя друг друга. Крестьянин радовался, если на поле у соседа упал град и побил весь хлеб, так как теперь он сможет продать свой хлеб дороже. Архитектор мечтал, чтобы было побольше пожаров в городе, тогда будут строить новые дома и он на этом заработает. Стекольщик желал, чтобы пошел сильный град и побил у всех стекла. Доктор только и хотел, чтобы побольше было больных. И не потому, что эти люди от природы плохие, злые, а потому, что общество было так устроено: либо ты грабь другого — либо он тебя ограбит, либо ты вырвешься вверх по трупам своих ближних — либо по тебе будут шагать другие. Если взять историю любого миллионера, любого капиталиста, то это сплошная цепь преступлений, уничтожения слабых людей. В капиталистическом обществе иначе и не может быть.

Наш лозунг — человек человеку — друг. У нас для всех есть работа, каждый может приложить к общему делу свои силы, развить свои таланты. У нас нет места гнусной конкуренции между людьми. Когда мы соревнуемся, мы не только сами двигаемся вперед, но и помогаем продвинуться вперед товарищам.

Но остатки, или пережитки капитализма в сознании людей очень живучи. Они нет-нет и проявляются в прогулах, в воровстве, в хамском отношении к товарищу, в клевете, в подсиживании. С этими пережитками нам нужно неустанно бороться.

Ребята, вы будете строить коммунистическое общество и будете жить в этом обществе. Строго следите, чтобы не проникали в ваше сознание, в ваше поведение пережитки старого, грязного! Любите труд, уважайте людей труда, учитесь у Ленина и Сталина любить свой народ и отдавать ему все свои силы и способности! Будьте пламенными патриотами нашей родины! Только тот может быть понастоящему счастлив, кто делает счастливыми других.

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин говорил: «Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной».

Стройте свою жизнь по Сталину, учитесь у него отдавать всего себя достижению великой цели! Тогда ваша жизнь будет полной, яркой, интересной жизнью коммунистического человека.





БУТЫЛКА МОЛОКА

Альберт Мальц

Перевод с английского Т. Озерской *Рис. В. Цельмера*

— Тут я залезу в фургон.

— Ты что-то забыл!

— Что? Нет, я все помню.

— Нет, забыл,— сказал отец.— Что с тобой?

Мальчик нахмурился, сдвинул брови. Он был маленький, лет десяти, не больше. Его заострившееся, изможденное личико посинело от холода. Он часто мигал, силясь разогнать сон.

— Ну, что же дальше?

— Я не помню.

— Что ж, ты хочешь, чтоб тебя поймали, дурачок?

— Не поймают. Мало ли я играл в такие игры — это одно и то же. Я сумею.

— Где ж тебе суметь, когда ты даже не можешь рассказать толком, что ты будешь делать?

— Ладно, вот посмотришь!

— Нечего мне на тебя смотреть, а пойдем-ка мы сейчас домой, вот что!

— Зачем же, чорт возьми!

— Опять ты ругаешься? От этого толку мало — заруби себе на носу. Сто раз я тебе говорил, я не желаю слушать твою ругню. Хулиган из тебя выйдет, больше ничего!

Оба замолчали.

Отец вздохнул. «Прежде в это время я еще только вставал,— думал он.— Вставал и садился за горячий завтрак. А потом шел на троллейбусную остановку, и в руке у меня болтался судок с едой, чтобы еще разок позавтракать на работе».

Он смахнул снег со своих жестких черных усов. «Бедная маленькая обезьянка,— думал он,— слишком рано я его поднял. Ему бы сейчас домой да в постель».

— Ну что ж,— спросил он сына,— вспомнил?

Мальчик покачал головой. Его маленькое остроносое личико угрюмо сморщилось.

— Ты что это — реветь собрался?

— Я не реву,— возразил мальчик.— Я не маленький.

— Ну, ведешь ты себя совсем как маленький. Сколько тебе ни повторяй, ничего не можешь запомнить.

— Ух!..

Мальчик спрыгнул с под'езда и схватил пригоршню снега.

— Это еще зачем?

— Я взял немножко снега.

— Я не слепой, мог бы мне этого не рассказывать. Зачем он тебе?

— Снежок хочу слепить.

— Больше ты ничего не хочешь? А я думал, ты хочешь помочь своей больной сестренке.

— Ну, конечно, хочу!

— Нет, ты не хочешь. Ты не хочешь, раз ты думаешь о чем угодно, только не о том, что ты должен делать. Поди сюда!

Он схватил мальчика за руку и втащил в под'езд:

— Ты забыл про пакет! Ты забыл самое главное! Как я могу на тебя положиться, когда ты забыл про пакет!

— Я не забыл, папа,— ответил мальчик.— Он у меня в кармане, видишь? Я не думал, что ты спрашиваешь про него.

— Повтори мне все от начала до конца. Я хочу знать, что ты все помнишь. Вынь пакет. Он должен быть у тебя наготове.

Мальчик вытащил из кармана смятый бумажный пакет и подул в него, чтобы расправить.

— Ну, что ты будешь делать дальше?

— Я буду ждать, пока молочник не уйдет за дом.

— Какой дом?

— Вон тот дом.

— Зеленый?

— Нет, следующий.

— А почему не зеленый?

— Ах, папа, я же знаю,— сказал мальчик.— Ну зачем повторять все сначала!

— Если ты не хочешь отвечать, идем домой!

— Ну, потому что в зеленом доме он заходит только в крайний под'езд, а там ему надо пройти через весь двор... Послушай, папа, ну чего ты боишься? Я сумею.

— Я знаю, что ты сумеешь,— ответил отец.— Но нужно все предусмотреть. У тебя руки не замерзли?

— Немножко.

— Возьми пакет подмышку.

Отец зажал в своих широких загрубелых ладонях маленькие, бледные ручонки сына и стал их потихоньку растирать:

— Ну, говори дальше.

— Когда он завернет за угол, я подбегу и схвачу бутылку, засуну ее в пакет и сейчас же назад.

— Побежишь сломя голову?

— Нет, просто пойду.

— Ну, а если он тебя увидит и погонится за тобой, — тут уж ты пустишься наутек?

— Нет, я не побегу. Я подожду, пока он меня схватит, и тогда примусь реветь.

— А ну, как ты не сумеешь заплакать?

— Ну, вот еще! Я пробовал,— мальчик рассмеялся.— Дженни даже поверила, что я взаправду. Я притворился, будто мне задали трепку!

— Тише, не ори так!

— Руки согрелись, папа.

— Засунь их в карманы. Я подержу пакет. Ну, что же ты будешь делать, если тебя поймают?

— Я все буду плакать, а ты подойдешь и скажешь, что ты знаешь меня и что я бедный мальчик...

— Молчи!

Отец зажал мальчику рот:

— Кто-то идет сюда. Притворись, будто тебе что-то в глаз попало.

Мальчик зажмурил один глаз и широко раскрыл другой. Отец наклонился к нему, словно рассматривая глаз.

Бездомный бродяга протащился мимо них, еле волоча ноги, пробираясь как слепой сквозь снежный вихрь. Голова у него была повязана мешком. «Этому еще хуже чем нам»,— подумал отец.

Они смотрели ему вслед, пока снегопад не стер его очертаний.

— Снег пошел сильнее,— прошептал мальчик.— Молочник не разглядит меня через улицу. Я могу взять две бутылки.

— Одной хватит. Ну, а потом, когда я скажу ему, что тебя знаю, что потом?

— Ты скажешь ему, что я бедный мальчик, и у меня больная мать, и что я сделал это ради нее, и чтобы он меня отпустил, и что ты позаботишься, чтобы я этого никогда больше не делал... Вот и все, папа, правда?

— Да, теперь все,— отец вздохнул и вытер усы.— Есть хочешь?

— Немножко.

Отец стиснул его руку:

— Потерпи. Я тоже голоден. Знаешь. что нужно сделать? Вот: плюнь и похлопай себя по животу.

Он сплюнул в снег и хлопнул себя несколько раз по животу:

— Ну-ка, валяй!

Мальчик последовал его примеру. Они рассмеялись.

— Это мы вроде как только что поели, и в животах у нас полное довольство,— об'яснил ему отец.

— Ну да, я только что с'ел два яйца и миску каши! — воскликнул мальчик.

Они снова засмеялись.

— Ладно, надо потерпеть.

Внезапно отец насторожился. Его большое тело сгорбилось, когда он выглянул из под'езда:

— Вон фургон молочника! Держи пакет. Не выходи, пока я тебе не скажу.

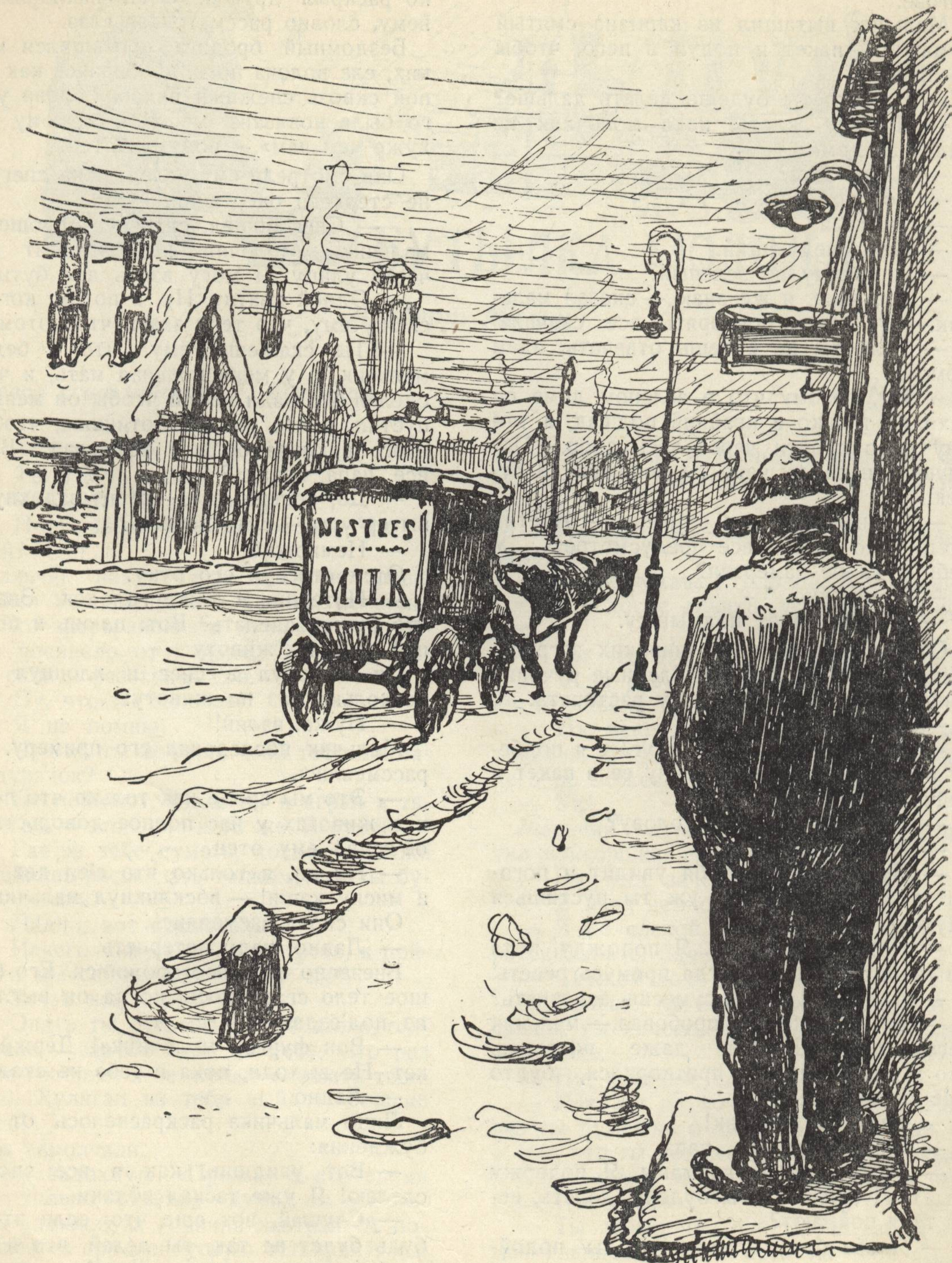
— Ладно.

Лицо мальчика раскраснелось от возбуждения:

— Вот увидишь, как я все здорово сделаю! Я уже таскал яблоки.

— Слушай, вот еще что: если что-нибудь будет не так, ты делай, что я тебе крикну. Если я крикну «Беги!», — удирай! Слышишь, удирай, что бы тут ни произошло.

— Хорошо.



Он вскочил на сиденье фургона.

— Ты обещаешь мне?
— Обещаю.
— Что бы со мной ни случилось, слышишь!
— Ладно.
Молочный фургон медленно двигался по улице. Отец и сын притаились в под'езде.
— Сейчас он поровняется с водокачкой. Не трусь, сынок. Ну, ну... Ступай!
Мальчик вышел из под'езда. Он неторопливо зашагал по рыхлому снегу, высоко поднимая ноги.
«Нужно было сказать ему, чтобы он поглубже надвинул шапку. Снег залепит ему глаза»,— подумал отец. Он дышал тяжело, широко раскрыв рот. Грудь его вздымалась, и каждый вздох вызывал странное, болезненное ощущение.
Молочник завернул за угол и скрылся за домом. Фигура мальчика вдруг метнулась вперед. Он вскочил на сиденье фургона и исчез внутри. «Как долго его нет,— думал отец.— О, господи, как долго его нет!»
Мальчик спрыгнул назад в мягкий снег. Он сунул бутылку в пакет и быстро зашагал по улице. Молочник возвращался обратно. Отец не спускал с него глаз. Молочник свернул к следующему дому. Все было кончено. Все в порядке. Опасность миновала.
Отец разгладил усы. Судорога сжала ему горло. Потом он глубоко вздохнул и пошел вслед за мальчиком.
Мальчик дожидался его на следующем углу. Его лицо сияло.
— Я все сделал! Я ведь так все сделал, правда? — спросил он.
— Да, да, сынок, так, — ответил отец. Он потрепал его по щеке.
— Давай я понесу.
— Я сам, мне не тяжело.
— Ну, неси.
— Чорт побери, это было совсем легко, папа! Я мог взять еще одну,— он бежал, еле поспевая за отцом, скользя в пушистом снегу.— Завтра я возьму две. Можно, папа?
Отец молчал.
— Папа,— мальчик потянул его за рукав.
— Ты что?
— Можно?
— Что можно?
— То, что я спросил?
— Я не слышал.
— Можно, я возьму две бутылки завтра? Это совсем легко. Я могу стянуть две.


Они медленно побрели дальше.

— Нет.
— Право, я могу.
— Нет.
Они шли молча.
— Вот, если рассказать ребятам! — сказал мальчик.
Отец остановился:
— Заикнись только кому-нибудь, я тебе шею сверну! Слышишь? Шею сверну!
— Да нет, я не скажу. Я знаю. Я только так подумал.
— Это — воровство! — сказал отец.— Воровство.
— Конечно. Я знаю, папа. Слушай, пойдем, я замерз.
Они снова пошли. Они шли, нагнув головы, снег бил им в лицо.
— У тебя ноги не промокли?
— Немножко.
— Когда я достану работу, я куплю тебе калоши. И сапоги. Высокие сапоги. Будешь бегать по снегу, сколько тебе вздумается, и никогда не промочишь ног.

— Может быть, бюро помощи безработным даст тебе калоши для меня? — спросил мальчик.

— Может быть. Я уже просил у них. Я попрошу еще.

— А я не боюсь промокнуть.

Отец опять внезапно остановился:

— Ты знаешь, что воровство—скверное дело? Знаешь ты это?

— Конечно, я знаю, папа.

— Ты знаешь, что мы делаем это только ради твоей сестры?

— Ну, конечно, знаю.

— Я никогда не крал,— сказал отец.— Я всю жизнь работал, как вол. Я хороший работник. Мы не знали нищеты. Ты можешь спросить мать.

— Папа,— сказал мальчик,— ты не бойся, я не стану вором. Воровать гадко, я знаю.

— Ты сказал, что уже таскал яблоки.

— Ну, папа, это — совсем другое. Все мальчишки воруют яблоки.

— Я знаю,— сказал отец.

— Но я не хочу быть вором. Я вырасту большой и сильный, как ты, папа. И буду работать. Честное слово!

Отец нагнулся и посмотрел сыну в лицо. «Куда тебе,— подумал он.— Когда мне было столько же лет, как тебе, я был на целую голову выше. Бедный маленький заморыш, они не дают тебе вырасти!»

— Пойдем, папа, я замерз,— сказал мальчик.

Они медленно побрели дальше по чистому, свежевыпавшему снегу.

На Днепре



Киевские школьницы на прогулке.

Первого Мая...



Оглушительный взрыв потряс воздух. Камни площади Хаймаркет обагрились кровью рабочих демонстрантов. Толпы людей бросились с площади в соседние улицы, но там их уже поджидали отряды солдат и полиции.

Бомбу бросили подкупленные полицейские, а вину за взрыв они свалили на рабочих, организовавших на этой площади свой митинг. Сотни активных рабочих были брошены в тюрьмы, многие приговорены к смертной казни.

Произошла эта дикая расправа в Чикаго 1 мая 1886 года. Так в потоках крови капиталисты потопили всеобщую забастовку чикагских рабочих.

Жестокой расправой с бастующими капиталисты думали запугать рабочих. Но они ошиблись. В ознаменование героической борьбы чикагских товарищей рабочие организации Америки решили ежегодно в день 1 мая проводить массовые демонстрации. Такое же решение приняли и рабочие организации Франции, а через год первый конгресс II интернационала постановил ежегодно в день 1 мая проводить во всех странах мира демонстрации трудящихся.

Так 1 Мая стало международным праздником, смотром революционных сил рабочих всех стран, праздником борьбы и труда.



Впервые во всем мире рабочие праздновали 1 Мая в 1890 году.

Карла Маркса тогда уже не было в живых. И Фридрих Энгельс, вспоминая о своем великом друге, вместе с которым они много лет назад бросили клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», писал в тот день:

«Лишь немного голосов откликнулось, когда мы сорок два года назад кинули в мир этот призыв накануне первой парижской революции, в которой пролетариат выступил с собственными требованиями. Но 28 сентября 1864 г. пролетарии большинства западно-европейских стран об'единились в славной памяти Международное товарищество рабочих. Правда, сам Интернационал жил всего только девять лет. Но основанный им вечный союз пролетариев всех стран живет еще и живет сильнее, чем когда бы то ни было; лучшим доказательством этого является как раз сегодняшний день. Ибо сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в единую армию под единым знаменем... О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!»

На нашем рисунке вы видите Фридриха Энгельса и дочь Карла Маркса—Элеонору Маркс—на первомайском митинге в Лондоне, в Гайд-парке. Тысячи людей с красными знаменами и плакатами заполнили огромную площадь. В этот день в Лондоне демонстрировало пятьсот тысяч трудящихся. Энгельс своими глазами видел, как осуществляется мечта его жизни, как, разбуженные Марксом и им, поднимаются на борьбу миллионы угнетенных.



Вместе с рабочими других стран праздновали 1 Мая и русские рабочие. Тайно собирались они где-нибудь за городом, на лесных полянах, слушали горячие речи ораторов, читали революционные листовки. Накануне 1 Мая 1896 года Владимир Ильич, сидя в тюрьме, куда его запрятали жандармы, писал первомайскую листовку. Тайно от тюремщиков передал он ее товарищам, те отпечатали листовку на гектографе, и вот 1 Мая петербургские рабочие читали горячие ленинские слова:

«И поднимется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает».

Ильича сослали в Сибирь. Надежда Константиновна вспоминает, как в далекой ссылке, в селе Шушенском, встречали они 1 Мая. Несколько ссыльных революционеров собрались в комнатенке у товарища и принялись дружно петь:

«День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся, удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,

Нас хотят изловить,
За решотку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом...
Гоп-га! Гоп-га!»

«Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать май в поле...

...А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...»



На широком кремлевском дворе кипит работа. Владимир Ильич поднимает тяжелое бревно и вместе с товарищем несет его в другой конец двора...

В этот день горячо работала вся Советская страна. Всероссийским коммунистическим субботником было отмечено празднование 1 Мая 1920 года.

Еще не окончилась гражданская война. Белополяки наступали на Украину. На Дальнем Востоке вновь полезли на нашу землю японские интервенты.

Но Владимир Ильич видел уже приближающийся конец гражданской войны, и он думал о мирном труде, о коммунистическом труде, который вырвет Советскую страну из пут разрухи, укрепит ее, сделает ее могучей страной социализма. Он видел в субботниках зародыш нового труда, свободного, добровольного, труда на общее благо.

В тот же день, вечером, Владимир Ильич писал:

«Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание привычку, во вседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину в коммунистический труд... Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые заскорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как бесконечно слабая советская власть на наших глазах нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую, всемирную силу...»

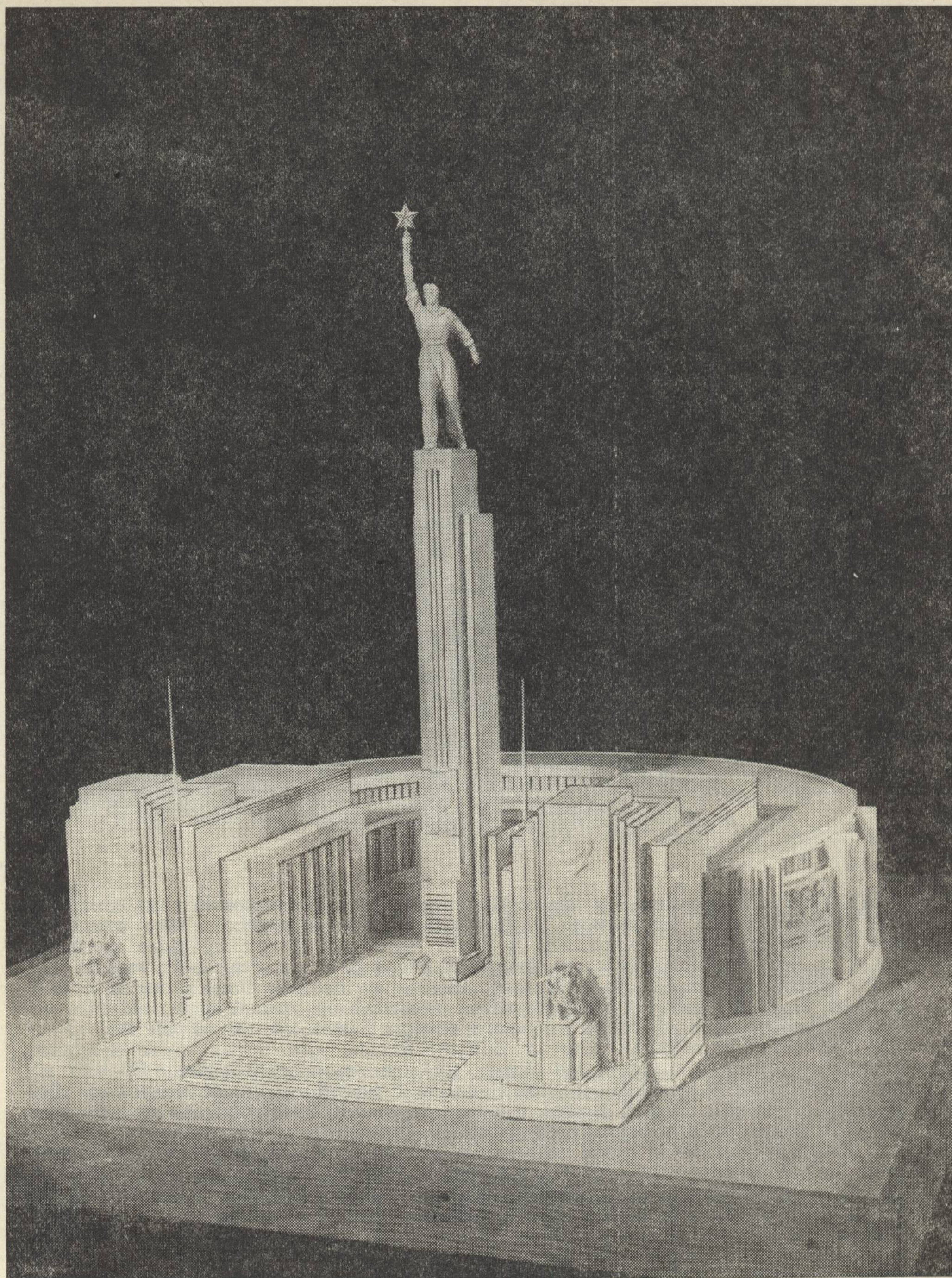


Это было несколько лет назад. Как всегда, в первомайский день колонны демонстрантов заполнили улицы. На Красной площади все двадцать три районных потока сливались в один. Взметнув вверх красные знамена, сотни тысяч демонстрантов—трудящихся столицы — шли мимо мавзолея. На левом крыле мавзолея стоял Сталин вместе со своими ближайшими соратниками. Подняв руку, он приветствовал великий советский народ. И тысячи людей приветствовали своего любимого вождя. Несмолкаемое «Ура!» Возгласы: «Да здравствует великая партия большевиков!», «Да здравствует товарищ Сталин!»—неслись по площади. Вдруг на мгновение стало тихо. Только на мгновение. Потом приветствия разразились с новой силой. К мавзолею шла девочка с букетом цветов. Бойко, с сияющим лицом взбежала она по ступенькам и отдала букет товарищу Сталину.

Каждый из нас в душе завидовал этой девочке, каждый из нас хотел быть на ее месте, чтобы лично выразить товарищу Сталину свою любовь.

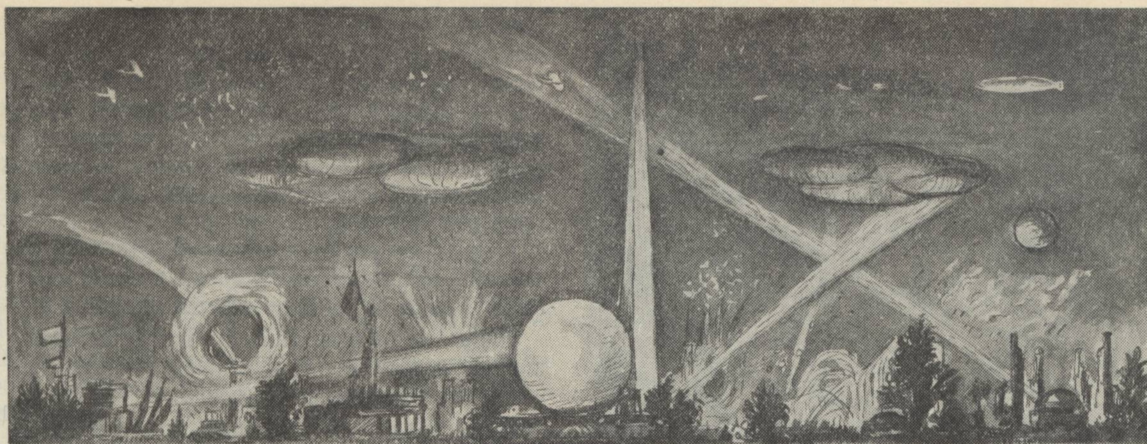
Сталин — знамя наших побед. Под его руководством народы Советской страны построили социализм и живут счастливо. Но товарищ Сталин учит нас ни на минуту не забывать о наших братьях в других странах. И, выходя на первомайскую демонстрацию, мы сердцем и мыслями с пролетариями Германии и Италии, которых душат фашисты. Наши сердца и мысли с народом Китая, который самоотверженно борется против японских захватчиков. Наши сердца с героическим, свободолюбивым народом Испании.

Шагая в первомайских колоннах, мы несем горячие слова привета великому Сталину, чье имя во всем мире звучит как призыв к борьбе, к победе трудящихся над эксплоататорами, тому, кто уверенно ведет народы нашей страны к коммунизму.



Модель советского павильона на Ньюйоркской выставке. Главный вход павильона украшен барельефами Ленина и Сталина и двумя скульптурными группами, отображающими героев Октября и героев социалистического строительства.

В центре площади, образуемой крыльями советского павильона, возвышается обелиск. На этом обелиске установлена фигура трудящегося, сделанная из нержавеющей стали.



„МИР ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ“
Нью-Йоркская выставка

Б. М. Иофан

30 апреля 1939 года в Нью-Йорке открылась Всемирная выставка. В этот день как раз исполнилось 150 лет с тех пор, как Джордж Вашингтон стал первым президентом Соединенных штатов Америки. Самые удивительные известия передавала печать об этой выставке. Самое название ее—«Строительство мира завтрашнего дня»—возбуждало всеобщий интерес. Писали о том, что американцы задумали превзойти все мировые выставки, какие только устраивались. Говорили, что в Нью-Йорке как бы задались целью облечь в плоть и кровь мечты Жюля Верна и посетители выставки увидят машины завтрашнего дня, город завтрашнего дня, какие-то искусственные острова и даже совершат в ракете путешествие в межпланетное пространство! Мы читали о таинственном стальном цилиндре, с помощью которого американцы собираются разговаривать прямо с нашими отдаленными потомками: в этом цилиндре будет зарыто описание техники и культуры XX века, составленное лучшими учеными, а надпись приглашает вскрыть цилиндр не раньше чем через 5 тысяч лет!

Многие страны принимают участие в американской выставке. Советский Союз построил свой павильон, в котором показаны огромные достижения нашей страны, единственной страны, по-настоящему создающей завтрашний день человечества—коммунизм.

Этот павильон строился по проекту и под наблюдением крупнейшего советского архитектора-орденоносца Бориса Михайловича Иофана, которому принадлежит также и проект самого замечательного здания в мире — Дворца Советов.

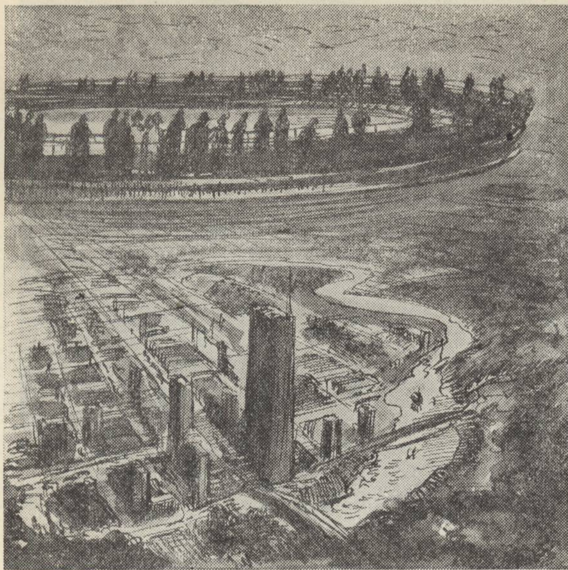
Редакция журнала «Пионер» попросила Б. М. Иофана рассказать о Нью-Йорке и Ньюйоркской выставке. Вот что рассказал тов. Иофан ученикам московских школ, собравшимся в редакции.

Город Нью-Йорк производит особое впечатление: он непохож ни на какой другой большой город мира. Океанский пароход подходит к Нью-Йорку обыкновенно утром. И вдруг на горизонте встает необычайный силуэт. Перед вами словно нагромождение гор, но эти горы строго геометрической формы. Видно, что они созданы рукой человека. Величественная и фантастическая картина!

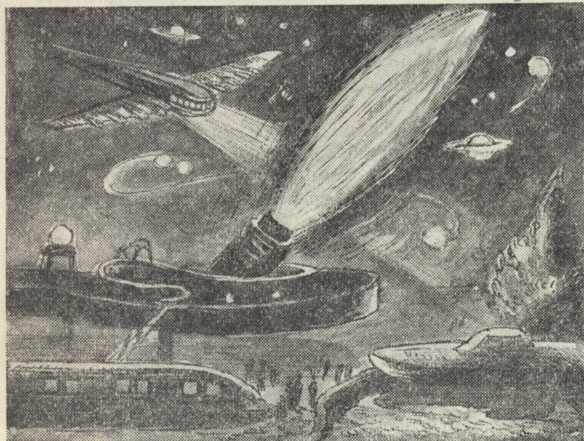
Но вот вы сходите на берег, проделываете множество формальностей, наконец, садитесь в автомобиль. В лязге, в грохоте, в невероятной сутолоке вы едете по тесным улицам-ущельям. Только узкая полоска бледного неба видна где-то наверху.

В Нью-Йорке есть Пятая Авеню — «улица миллиардеров». Многие туристы судят о городе только по этой парадной улице.

Но стоит отойти на несколько сот метров от нарядной Авеню, как попадаешь в рабочие кварталы. Тесные, грязные улочки, унылые дома. Никакой зелени, почти нет дворов — зачем «пропадать» месту? — рассуждают владельцы таких



С «ковра-самолета», скользящего внутри Перисферы, посетители увидят «город будущего». Его дома окружены садами. По реке бесшумно плывут пароходы. 30 тысяч крошечных автомобилей проносятся по улицам. Но автомобили больше не оставляют за собой бензинного угара. Этот фантастический город построен как бы по контрасту с действительным городом — Нью-Йорком. В нем есть все, о чем напрасно мечтают жители улиц-ущелий.



...Пассажиры пересаживаются из сверхскоростных поездов и невиданных ракетосамолетов будущего в междупланетный корабль. Выстрел из катапульты. Через иллюминаторы вы видите, как мимо вас, сияя, проплывают небесные тела...

Это путешествие через мировые пространства сможет проделать, не покидая территории выставки, посетитель павильона транспорта.

домов. В середине домов квартиры совсем без окон, со всех сторон окруженные другими такими же нищими, убогими жилищами. Американцы эти кварталы называют адом. Из них уходишь совершенно подавленным. Ночью здесь мрак — поразительный контраст с залитыми огнями улицами богачей.

Нью-Йорк не знает зелени. Ни бульваров, ни садов. Единственный парк на весь город, да и то скорее сквер чем парк.

Очень невесело, тяжело жить человеку в таком городе. Эта жизнь изматывает человека, быстро старит его.

Я не был в Нью-Йорке почти 4 года, и за это время там выстроили только один дом. А когда я вернулся в Москву, после недолгой поездки в Америку, оказалось, что за мое отсутствие у нас выстроена почти целая улица. Да какая улица! Старую, тесную улицу Горького нельзя было узнать.

Конечно, американцы умеют быстро и хорошо строить. Но в капиталистических условиях становится все труднее использовать богатую технику. В Америке есть, например, механизмы для покраски домов, для быстрой разборки ненужных строений. Этими механизмами сейчас запрещено пользоваться. Как встарину, взбираются с ведерками маляры, и множество людей долбят молотками стены, которые нужно разобрать. Так надеются ослабить безработицу, как будто безработица происходит оттого, что машины облегчают человеческий труд.

Сейчас в Америке решили устроить грандиозную выставку, гордо названную «Строительство мира завтрашнего дня». Показать жизнь, какой она на самом деле будет завтра, конечно, не под силу устроителям Ньюйоркской выставки. Да, собственно, и не это интересует американские тресты и торговые фирмы (именно они и устраивают выставку!). Выставка — это очень прибыльное дело. Под пышным названием «Строительство мира завтрашнего дня» на самом деле скрывается колоссальная реклама американской техники и промышленности.

Рассчитано, что выставку посетят за 6 месяцев десятки миллионов человек. Сколько они оставят долларов! Некоторые американские дельцы уже лелеют розовые надежды: «золотые потоки хлынут в Соединенные штаты, оживится торговля, кончится застой в делах...»

Для того чтобы перевезти огромную массу посетителей, равную населению целой большой страны, — к выставке подведено метро, автострады, открыта пароходная линия по заливу, построен даже аэродром, на который будут ежедневно опускаться 200 самолетов. Посетители смогут попасть на выставку по земле, под землей, по воде и по воздуху.

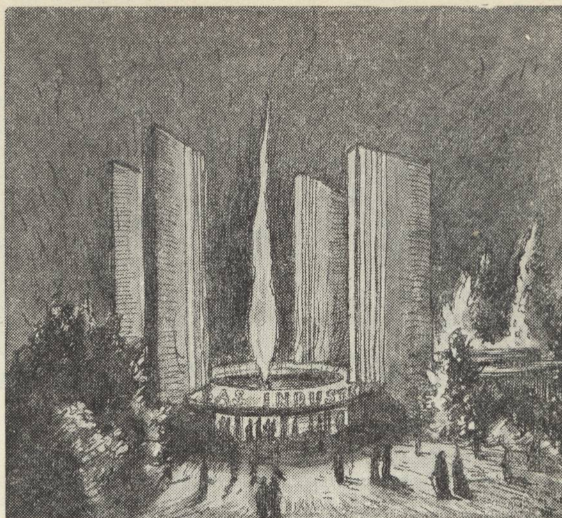
Парижская международная выставка 1938 года считалась очень большой. Но Ньюйоркская в 5 раз больше Парижской. Она вытянулась на 6 с половиной километров в длину и на километр в ширину.

Выставка раскинулась в окрестностях Нью-Йорка. До нее от Нью-Йорка примерно такое же расстояние, как от Москвы до Кунцева.

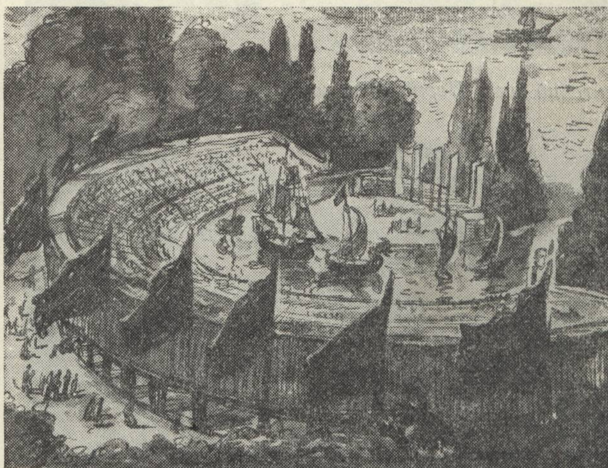
...По главной аллее вы попадаете на площадь. Перед вами высятся два огромных сооружения — Перисфера и Трилон. Перисфера — это гигантский шар, 60 метров в диаметре. Внутри нее мог бы поместиться 15-этажный дом. Колонны, на которые опирается шар, скрыты струями фонтанов. Шар словно висит в струях воды над озером. Вечерами множество прожекторов будут освещать разноцветным светом фонтаны и Перисферу. И тогда зрителям покажется, будто колоссальный шар медленно вращается.

Трилон—это трехгранная стальная игла высотой в 220 метров. Это высота 50-этажного небоскреба. На вершине Трилона стоят мощные репродукторы, «голос» которых будет слышен по всей выставке. И Трилон и Перисфера должны показать могущество современной техники. Даже формой их, сухой, нарочито геометрической, американцы хотят подчеркнуть это. Нельзя сказать, что эти геометрические фигуры очень красивы.

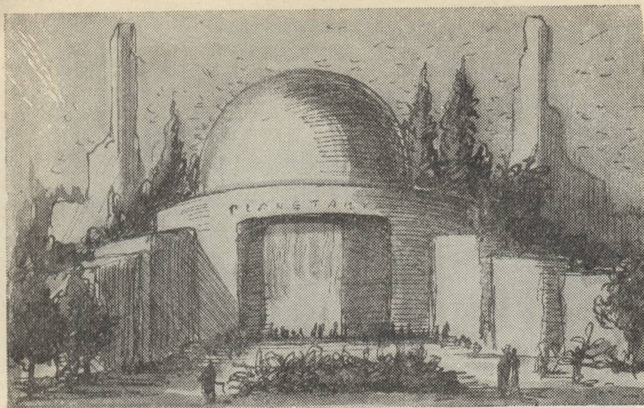
Но вот вы поднимаетесь внутрь Перисферы по движущимся лестницам, садитесь на особую платформу «ковер-самолет», медленно скользящий вдоль внутренних стен гигантского шара. Смотрите вниз. Вам кажется, что вы парите в воздухе. Внизу, далеко под собой, вы видите «город будущего». Плывут модели пароходов, несутся курьерские поезда, сверкают широкие окна домов, работают заводы, по улицам снуют тысячи автомобилей. Освещение сменяется, и вот вы видите, как в городе под вами меркнет день и загораются ночные огни.



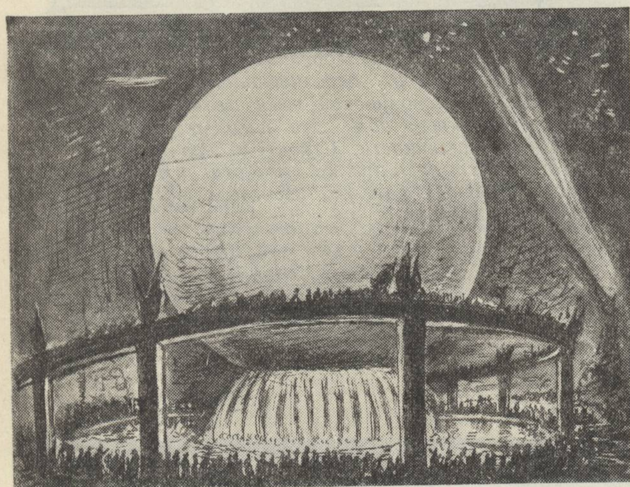
Что это за чудовищная горелка? Кому и зачем понадобилось зажечь переливающийся двенадцатью цветами исполинский язык пламени высотой в пятиэтажный дом? Это павильон трестов газовой промышленности. Строители его надеются, что гигантская горелка поможет им сбыть миллионы обычных горелок, изготовляющихся на трестовских заводах.



Огромный амфитеатр окружает опоясанный искусственной рекой «остров развлечений». На этом острове исполняются оперы и феерии. Отсюда взвивается фейерверк. Раззолоченные причудливые суда плывут по реке.



30 апреля 1939 года в планетарии показали «небо» таким, каким оно было 150 лет назад, когда Джордж Вашингтон стал первым президентом США.



Гигантский шар Перисферы кажется висящим в струях воды.



Водяной «фасад» павильона фирмы «Эдиссон».

Этот «город будущего» построен как бы по контрасту с действительным городом — Нью-Йорком. В нем есть все, о чем напрасно мечтают жители улиц-ущелий.

Никаких «ущелий»: дома — коттеджи, дома — дачи. Все в зелени. Это город-сад. Воздух чист и прозрачен. Даже автомобили проносятся там, не оставляя за собой тяжелого бензинного угара. Это фантастический город, город — мечта американского обывателя.

Надо думать, что и навсегда он останется фантастическим городом. Люди не станут строить таких городов — и совсем не потому, что они не смогут их построить. Люди коммунистического общества построят города гораздо лучшие, гораздо более прекрасные чем неправдоподобный город в Перисфере. Этот же город только «спорит» с тем, что мешает людям жить в современных капиталистических городах, но он совсем не показывает, как на самом деле будут жить люди в будущем в городах коммунистического общества. Заменить небоскребы «сельской идиллией» — еще не значит построить город будущего.

Вокруг Перисферы и Трилона располагаются другие американские павильоны. Американские тресты, конечно, стараются показать здесь товар лицом: ведь каждый павильон—это реклама какого-то треста!..

В павильоне «Дженераль Моторс Компани» перед вами в несколько минут собирают автомобиль. Тысячи всевозможных сортов стекол выставлены в павильоне стекольной промышленности. Гигантская искусственная молния, сопровождаемая грохотом, похожим на громовой раскат, сверкает в павильоне электропромышленности. Вы сможете сесть в модель ракеты в транспортном павильоне и совершить, не покидая территории выставки, «междупланетное путешествие».

Издали вы различаете павильон строительной промышленности, над которым высится башня. Это здание построено из 40 различных строительных материалов. А внутри показывают все способы строительства.

Все сделано, чтобы ошеломить, поразить вас всемогуществом американской техники. Вам должно показаться (так задумана выставка), что вы перенесены чуть ли не в мир фантастических романов Уэллса и Жюля Верна.

Один из «аттракционов» выставки так прямо и можно назвать — «разговор... с завтрашним днем»!

На территории выставки будет зарыт цилиндр из нержавеющей стали. В нем спрятаны документы, в которых лучшие ученые (в их числе и знаменитый физик Эйнштейн) рассказывают, что такое представляла собой наша техника, наша культура в XX веке. Кому рассказывают? Кто прочтет эти документы? Надпись на обелиске просит вскрыть этот цилиндр только через 5 тысяч лет.

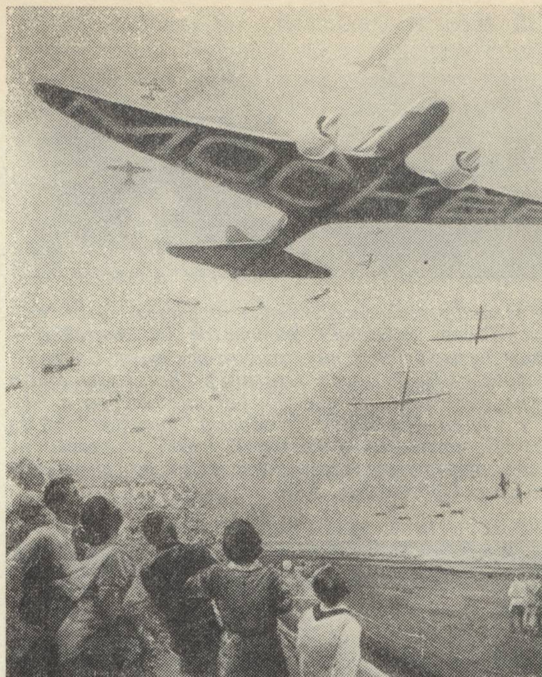
Ничего научного в этом «мероприятии» нет. Всю затею с цилиндром придумала и осуществила не американская академия наук, не ученое общество, не Эйнштейн, а... фирма Вестингауз, та самая, что делает автоматические тормоза! Цилиндр и обелиск обращены к потомкам, но сегодня — это реклама Вестингауза.

Рядом с американскими павильоны других капиталистических государств особого интереса не представляют. Здания, которые воздвигли эти государства, построены без каких-либо глубоких идей. Фашистская Германия на выставке вообще не участвует. А павильон фашистской Италии способен только отпугнуть посетителя: это реклама войны, реклама насилия, средневековых ужасов. Да больше фашистам — душителям науки и культуры, поджигателям войн — и похвалиться нечем. Японцы выстроили деревянное здание, напоминающее сарай. Американцы говорят, что металл, очевидно, Япония расходует для другой цели: для грабительской войны в Китае. Какой насмешкой звучат слова «строительство мира завтрашнего дня» в применении ко всем этим павильонам!

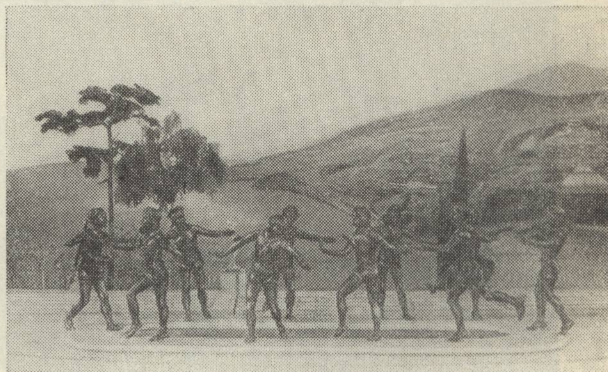
Советский Союз, принимающий участие на выставке, — это единственная страна в мире, которая строит настоящий завтрашний день человечества — коммунизм.

В нашем павильоне показаны грандиозные достижения Советского Союза.

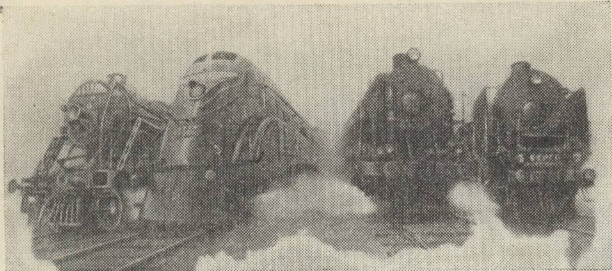
Победы нашей техники, открытия нашей науки, гигантский рост нашей промышленности, социалистического сельского хозяйства, покорение Арктики, переделка всего лица нашей страны — неслыханный и нигде раньше небывалый рост культуры и богатства целого народа... На одной шестой части земного шара построено в основном социалистиче-



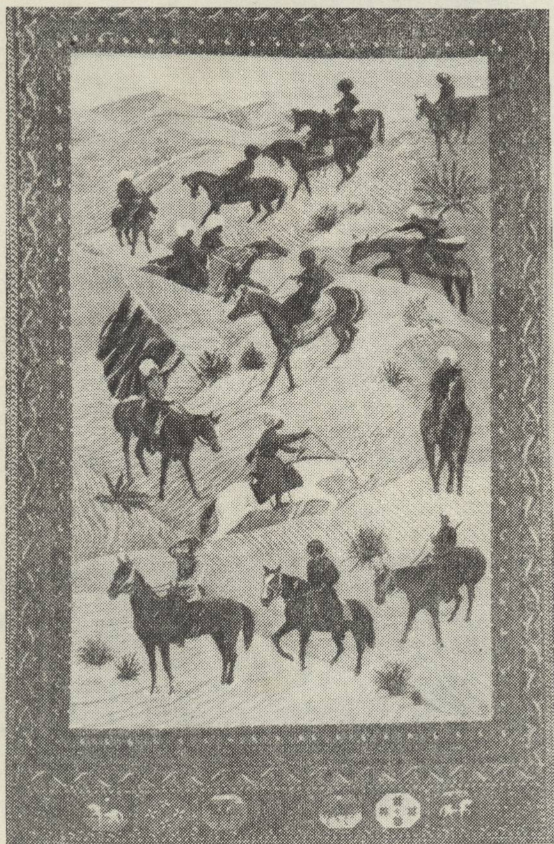
Гордое имя «Москва» на крыльях дважды прославленного самолета. На этом самолете В. К. Коккинаки в одни сутки долетел из Москвы в район Владивостока. Смелый сталинский сокол этим полетом еще раз показал всему миру грозную силу советской авиации.
На этом же самолете Герой Советского Союза Коккинаки накануне 1 Мая совершил беспосадочный перелет Москва — США.
Картина Г. Нисского, изображающая знаменитый самолет, выставлена в советском павильоне Ньюйоркской выставки.



Горы, дворцы в садах у ласкового моря. Играющие счастливые дети. Кто из советских ребят не слышал о лагере Артек на прекрасном южном берегу Крыма? Таких лагерей нет нигде в мире, кроме Советской страны. В этом году 1.400.000 советских ребят проведут лето в Артеке, в лагерях и санаториях Крыма, Кавказа, на Днепре, Волге, Каме. Только в одной стране в мире, в СССР, ребятам обеспечено счастливое детство.
Перед вами снимок с механизированного макета «Артек» — советского экспоната на Ньюйоркской выставке.



СССР — великая железнодорожная держава. Этот фотомонтаж — один из наших экспонатов на выставке — изображает четыре советских гиганта-паровоза. Слева — два паровоза «ИС» («Иосиф Сталин»). Они могут мчать курьерские поезда со скоростью 140 километров в час. Рядом с ними — мощный товарный паровоз «ФД» («Феликс Дзержинский»), который тянет составы из многих десятков тяжелогруженых вагонов, и паровоз «СО» («Серго Орджоникидзе»).



Этим замечательным ковром будут восхищаться миллионы посетителей советского павильона. Ковер выткан в память о героическом пробеге туркменских конников в 1935 году. Это был беспримерный в истории кавалерии пробег.
Товарищ Сталин, приветствуя славных конников в Москве, сказал:
«...Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия,— могли обеспечить такую славную победу».

ское общество: 170 миллионов людей живут свободной и счастливой жизнью.

В коммунистическом обществе, к которому идут народы нашей страны, жизнь людей станет еще более радостной и счастливой.

Вот о чем рассказывает посетителю советский павильон на Всемирной Ньюйоркской выставке.

Для нашего павильона американцы отвели один из лучших участков на выставке. Но этот участок был многоугольный: в нем семь углов. Когда я стал работать над конкурсным проектом нашего павильона, мне было ясно, что на таком участке нужно построить круглое здание: круг (вспомните геометрию!) легко вписывается в многоугольник.

Нужно было построить здание так, чтобы каждому, кто подойдет к нему, было видно, что это павильон Великой Советской страны — страны победившего социализма, страны настоящей демократии.

Посмотрите на фотографию модели нашего павильона (стр. 38).

Трехметровый пьедестал приподымает его над землей. Это сразу придает зданию величавость, выделяет его среди других павильонов выставки, стоящих прямо на земле. По лестнице вы подымаетесь к входу. Он широко открыт и как бы приглашает вас: «Добро пожаловать!» На площадке возвышается обелиск. Он увенчан скульптурой рабочего. Это рабочий того недалекого дня, когда исчезнут различия между трудом умственным и трудом физическим. В правой руке он несет рубиновую звезду, символ наших побед, символ свободной жизни народов СССР.

По обеим сторонам входа-пропилеев барельефы Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина. На одной стороне посетители прочтут слова Ильича:

«Русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

Эти слова были сказаны во время взятия власти большевиками в 1917 году. На другой стороне — слова товарища Сталина: «Социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано».

Эти слова были сказаны спустя 21 год: великий путь борьбы и побед прошла страна в эти годы.

Пилон возвышается на площадке, посвященной Сталинской Конституции. Наши флаги, гербы союзных республик украшают эту площадку. Сверкают золотые буквы текста Сталинской Конституции.

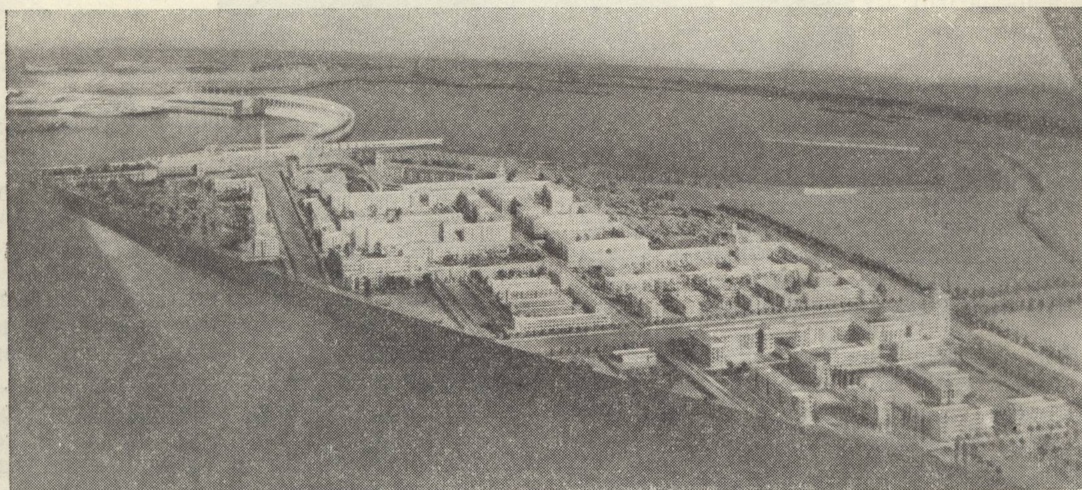
С площадки посетитель направляется в залы павильона. Перед ним проходят великие достижения нашей страны. Эскалатор подымает его во второй этаж. Затем он снова спускается вниз, в амфитеатр. Здесь можно посидеть, отдохнуть, обдумать то, что видел. Ночью под открытым небом демонстрируются наши замечательные кинофильмы.

Вся архитектура павильона задумана так, чтобы передать посетителям те чувства радости и бодрости, с которыми мы все живем и работаем в Советском Союзе, и показать настоящую свободу, братство и сплоченность всех народов СССР вокруг партии Ленина — Сталина.

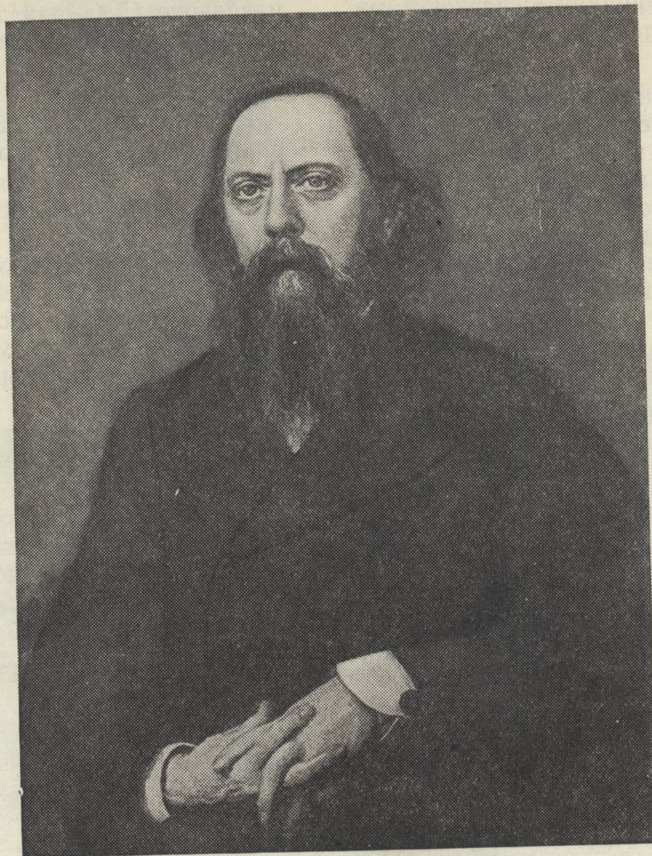
В Америке принято, что при закладке здания ставят угловой камень с надписью. Мы заложили наш павильон 7 ноября 1938 года. Надпись по-английски, высеченная на камне — великолепной плите лабрадора,— гласила: «В день 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции заложено здание павильона СССР». Нам рассказывали потом, что много американских рабочих и служащих приходили и подолгу смотрели на эту надпись.

На торжество закладки павильона мы пригласили не только официальных лиц, но также и тех рабочих, которые должны были строить павильон. У нас, в Советском Союзе, дело это обычное. Но трудно даже рассказать, какое это впечатление произвело в Америке: как, рабочие приглашены на торжественную закладку здания?!.. Не только министры, не только директоры, архитекторы, инженеры, крупные чиновники!

На Парижской выставке наш павильон привлекал посетителей гораздо больше, чем какой бы то ни было другой. То же происходит и на американской выставке. Ведь только здесь, в павильоне СССР, люди капиталистического мира, задавленные кризисами, безработицей, видят подлинный кусок завтрашнего дня —мир полнокровной, радостной страны победившего социализма.



Тысячи огней в окнах заводов, в прекрасных зданиях. Дуга плотины пересекает покоренную реку. Прекрасный город — город домов, окруженных зеленью, огромных заводов, широких магистралей, разделяющих мудро распланированные кварталы,— живет и работает у воды. Что же это за город? Город будущего? Нет. Это реальный советский город, выросший вокруг гидростанции имени Ленина,—Днепрогес. Механизированный макет Днепрогеса, сделанный из алюминия с изумительной точностью,— один из советских экспонатов на выставке.



М. Е. Салтыков-Щедрин

Сила гнева

М. Гершензон и Л. Коган

1. Находка

К крестьянке Прасковье Грязновой, работавшей когда-то в имении Салтыковых, приезжих ученых привела учительница. Жила Грязнова в покосившейся избе — бывшей барской бане.

Ученые стали расспрашивать старушку, не осталось ли у нее каких-нибудь бумаг от старых помещиков.

— Бумаги-то есть,— нехотя выговорила старушка.— Много их было когда-то.

Понемногу она разговорилась. Как же, покойный Евграф Васильевич — он ведь зятем ей приходился. Вот когда сгорел барский дом, пришел он к ней и попросил принять на хранение целый ворох бумаг— все, что уцелело от пожара. «Вы,— сказал,— матушка, берегите их. Эти бумаги большую ценность имеют: тут и Михаила Евграфовича, дяди моего, есть рука. А дядя мой — он был великим человеком».

Ученые переглянулись. Сюда, в село Спас-Угол, бывшего Калязинского уезда, бывшей Тверской губернии, они приехали, чтобы найти остатки семейного архива великого русского писателя.

— Ветхие были бумаги, — продолжала Грязнова. — На оклейку и то не годились. Ну, конечно, сперва берегла их. А потом думаю: что им лежать без толку? Ну и пустила их в дело. Иной раз на газеты сменяешь, газета — она для оклейки способней. А потом не стала: обманул

тут меня один, приехал какой-то, не здешний, забрал много разных бумаг, обещал газет прислать, да так ничего и не прислал. Ну, на топку-то эти листочки годились. Дров никак не напасешься. Если б вы не приехали, я бы и все сожгла. Листочки, которые получше, посохраннее были, те на оклейку пошли, — добавила Прасковья Грязнова и указала на стены.

На стенах и на потолке налеплены были в несколько слоев листы почтовой бумаги, закопченные, засиженные мухами. И первое, что бросилось в глаза ученым,— ровный и острый почерк, знакомая рука Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Строки местами читались ясно, местами смутно проступали сквозь заскорузлый клейстер.

Хозяйка не сразу согласилась разрешить приезжим отклеить драгоценные листки. Она об'ясняла, как трудно ей было оклеить избу:

— Стены щелястые: как налепишь, так бумага и лопнет. Ну, разве что оклеите заново газетами,— сдалась она, наконец.

Учительница тут же сбегала в школу и приволокла пачку старых газет и журналов. Тетка Прасковья смягчилась, и сама вскипятила воды. Долго и бережно отпаривали ученые от стен и от потолка лист за листом. Они не могли утерпеть и тут же читали полуистлевшие письма.

С потолка ученые отклеили письмо, написанное великим сатириком из Царскосельского лицея, когда ему было тринадцать лет, — единственное детское письмо Щедрина:

«...У меня из ученья и поведенья по 8-ми в результатах, но, любезные родители, я из ученья при конце курса буду непременно третьим или вторым, потому что я был сначала 16-м и вдруг в один месяц перегнал 4-х...»

Перебивая друг друга, ученые спешили разобрать выцветшие слова: *«Берите, любезные родители, «Библиотеку для чтения» за 1839 год, еще если можете берите...»*

Эти строки были в самом низу страницы; тут стоял крестик и приписка, вверх ногами, сделана была на верхнем поле листка и сбоку, под таким же крестиком:

«Сын Отечества» — 40 рублей и «Отечественные Запи...» (тут несколько букв стерлось, после пропуска стоял нуль).

— «Записки» 50 рублей! — догадались ученые и разобрали дальше: *«Эти журналы не хуже Библиотеки. «Московский наблюдатель» поправился: вместо 20 книжек выходит 12-ть и стоит 45 рублей. Прощайте, любезные родители, остаюсь сын ваш, Салтыков».*

Несколько минут ученые молчали.

— Подумать только! — сказал один из них. — Ведь мальчику было тогда тринадцать лет. А он уже не только читал журналы, он судил об их качестве! Что значит фраза: «Московский наблюдатель» поправился»? Это письмо датировано 1839 годом. А в 1838 году этот журнал взял в свои руки Белинский. Значит, мальчик заметил, что изменилось направление журнала?

Приезжие сумели завоевать доверие тетки Прасковьи. Они не пожалели для нее газет. И хозяйка, окончательно побежденная, приволокла с сеновала «остатки бумаг». Среди них оказались двадцать два письма Щедрина, целая груда писем матери и отца, теток, братьев, сестер и жены писателя; письма, прошения, завещания, приказы управляющим и другие документы.

2. Детство

Долго изучали биографы Щедрина эти листки, выцветшие, залепленные мукой, покрытые плесенью. Тем драгоценней были эти спасенные чудом бумаги, что мало сохранилось сведений о детстве и юности писателя. Известно было и раньше, что в своих книгах — в «Пошехонской старине», в «Господах Головлевых» — Щедрин нарисовал картины собственного детства, незабываемые портреты своих родных. Теперь биографы могли сопоставить художественное изображение, сделанное писателем, с подлинными документами, с точными фактами о жизни семьи Салтыковых. И они убедились, что Щедрин описал в этих книгах свое детство правдиво и точно.

Это было страшное детство. Оно навсегда запечатлелось в памяти писателя, и уже перед смертью, стариком, он описал его в «Пошехонской старине».

Господский дом стоял на пригорке. Дом был неуклюж и больше всего походил на комод. В нижнем этаже расположены были мастерские и кладовые; два верхних этажа занимали господа. Вокруг дома в беспорядке стояло несколько флигелей, где жила дворовая прислуга. При доме были сад, огороды и оранжереи. Де-

ревья в саду всегда подстригались, так что тени почти не бывало и гулять в саду не хотелось. Урожай фруктов и ягод был так велик, что во время сбора весь дом превращался в фабрику, где ягоды перебирали, сушили, варили, приготовляли сиропы, наливки, настойки. Но даже господа почти не ели свежих фруктов и ягод, считая их большим лакомством. И пуще всего заботило помещицу, как бы «подлянки» — крепостные девушки — не ели ягод во время сбора. Наконец, вся масса ягод и фруктов была переработана, варенье размещено по погребам и кладовым. Эти чудовищные запасы расходовались в течение года так же скупо, как свежие ягоды, и то лишь тогда, когда все начинало плесневеть, портиться.

Дом был просторен, но большие светлые комнаты считались парадными, а дети — их было много — постоянно теснились: днем — в небольшой классной комнате, а ночью — в общей детской, «тоже маленькой, с низким потолком и в зимнее время, вдобавок, жарко натопленной». Дети спали на кроватях, а няньки — здесь же, на полу, на войлоке. Кровати кишели клопами, блохами, по комнате бегали тараканы. В окнах не было форточек, комнаты никогда не проветривались, свежего, чистого воздуха боялись: как бы не простудиться.

Одевали детей плохо. Обычно платья перешивались по многу раз из старья и переходили от старших к младшим. Белье меняли редко. Няньки были одеты в какую-то невообразимую вонючую рвань. Няньки в этом доме менялись часто. Барыня, разгневавшись, прогоняла их, кроме того она опасалась, как бы няньки не разленились в безделье. Дети не успевали привыкнуть к нянькам. Они не знали ни простой, мягкой ласки, ни чудесных русских сказок.

Кормили детей очень скудно. Рано утром — чашка чаю со снятым, синим молоком (а на скотном дворе стояло триста коров!), к чаю — кусочек хлеба. До обеда дети едва дотягивали. В два часа все жадно устремлялись в столовую. Но обед состоял главным образом из остатков, невкусных и несвежих. Да и этой еды было так мало, что дети вставали из-за стола немногим менее голодные, чем были до обеда. Мучительней всего был самый способ распределения пищи:

«Дети в нашей семье (впрочем, тут я разумею, по преимуществу, матушку, которая давала тон всему семейству) разделялись на две категории: на любимых и постылых, и так как высшее счастье в жизни полагалось в еде, то и преимущества любимых над постылыми проявлялись главным образом за обедом. Матушка, раздавая кушанья, выбирала для любимчика кусок и побольше и посвежее, а для постылого — непременно какую-нибудь разогретую и выветрившуюся чурку. Иногда, оделив любимчиков, она говорила постылым: «А вы сами возьмите!» И тогда происходило постыдное зрелище борьбы, которой предавались голодные постылые.

Матушка исподлобья взглядывала, наклонившись над тарелкой и выжидая, что будет. Постылый, в большинстве случаев, чувствуя устремленный на него ее пристальный взгляд и сознавая, что это предоставление свободы в выборе куска есть не что иное, как игра в кошку и мышку, самоотверженно брал самый дурной кусок.

— Что ж ты получше куска не выбрал? Вон сбоку, смотри, жирный какой! — заговаривала матушка притворно-ласковым голосом, обращаясь к несчастному постылому, у которого глаза были полны слез.

— Я, маменька, сыт-с! — отвечал постылый, стараясь быть развязным и нервно хихикая.

— То-то сыт! А губы зачем надул? Смотри ты у меня! Я ведь насквозь тебя, тихóня, вижу!

Но иногда постылому приходила несчастная мысль побравировать, и он начинал тыкать вилкой по блюду, выбирая кусок получше. Как вдруг раздавался окрик:

— Ты что это разыгрался, мерзавец! Ишь новую моду завел, вилкой по блюду тыкать! Подавай сюда тарелку!

И постылому накладывалась на тарелку уже действительно совсем подожженная и не имевшая ни малейшей питательности щепка».

В то же время дети отлично знали, что на погребах стоят свежеприготовленные кушанья на случай приезда гостей. Кушанья обычно стояли по нескольку дней, затем начинали портиться и тогда уже выдавались к столу.

В основе всей этой тяжкой скупости и изнурительного скопидомства лежало одно стремление — сколотить капитал.

Об этом говорили откровенно и с вожделением. Говорили с утра до ночи, во всех углах дома. «Ты думаешь, как состояния-то наживаются?» — это было основным помыслом, основным содержанием жизни. Во всех подробностях рассказывались бесконечные истории о том, как наживались окрестные помещики. Одни всегда наживались за счет других, и при этом наживавшийся человек считался «умницей» и «шельмой», а пострадавший был «дураком» и «простофилей».

Конечно, и детские разговоры отражали эту всеобщую страсть. Как растет родительское имение, как поделит его маменька между детьми, что кому достанется — эти вопросы больше всего волновали ребят — и постылых и любимчиков. Постылые ожидали грядущих несправедливостей, их грызла зависть к любимчикам маменьки. В «Пошехонской старине» самый постылый из всех. брат Степан, говорит:

«— Вот увидите: отвалит она мне вологодскую деревнюшку в сто душ и скажет: пей, ешь и веселись! И манже, и буар, и сортир — все тут!

— А мне в Меленках деревнюшку выбросит! — задумчиво отзывалась сестра Вера.— С таким приданым кто меня замуж возьмет?

— Нет, меленковская деревнюшка — Любке, а с тебя и в Ветлужском уезде сорока душ будет!

— А, может, вдруг расщедрится — скажет: и меленковскую и ветлужскую деревни Любке отдать! Ведь это уж в своем роде кус!

— Кому-то она Бубново с деревнями отдаст? Вот это так кус! Намеднись мы ехали мимо: скирдов-то, скирдов-то наставлено! Кучер Алемпий говорит: «Точно Украйна!»

— Разумеется, Бубново — Гришке! Недаром он матери на нас шпионит. Тебе, что ли, Гришка-шпион?

— Я всем буду доволен, что милость маменьки назначит мне, — кротко отвечает Гриша, потупив глазки».

Постепенно дети подрастали — их надобно было учить. И здесь соблюдалась строжайшая экономия. Была одна классная комната и одна учительница на детей разного возраста. Главным предметом педагогического воздействия были телесные наказания. Секли, правда, редко и уж за очень большую провинность, но колотушки, толчки, щипки сыпались так обильно, что часто уши детей превращались в сплошные болячки, а во время уроков дом беспрестанно оглашался стонами и ревом.

Если так обращались с детьми, то каким же издевательствам подвергались крепостные! Тут не было разбора, всем доставалось одинаково: женщинам и мужчинам, молодым и пожилым. Старому, полуслепому повару часто об'являли, что «недосол на столе, а пересол на спине», а если в супе попадался таракан, старика заставляли тут же разжевать и проглотить его.

Только садовник мог не бояться порки. Он был куплен специально для разведения и сохранения барских фруктов и ягод, и маменька остерегалась бить его. Она заплатила за него довольно дорого, и ей не было расчета ради минутного каприза «ухлопать» затраченный капитал.

Может быть, наибольшим зверством отличались наказания, которым подвергались несчастные крепостные ребятишки.

Однажды маленький Миша Салтыков поехал с матерью к тетеньке. Тут он увидел такую страшную картину, что она врезалась ему в память на всю жизнь:



«...если в супе попадался таракан, старика заставляли тут же разжевать и проглотить его».

Рисунок Кукрыниксы

«У конюшни, на куче навоза, привязанная локтями к столбу, стояла девочка лет двенадцати и рвалась во все стороны. Был уже час второй дня, солнце так и обливало несчастную своими лучами. Рои мух поднимались из навозной жижи, вились над ее головой и облепляли ее воспаленное, улитое слезами и слюною лицо. По местам образовались уже небольшие раны, из которых сочилась сукровица. Девочка терзалась, а тут же, в двух шагах от нее, преспокойно гуторили два старика, как будто ничего необыкновенного в их глазах не происходило.



«...привязанная локтями к столбу, стояла девочка...»

Рисунок Кукрыниксы

Я сам стоял в нерешимости перед смутным ожиданием ответственности за непрошенное вмешательство, — до такой степени крепостная дисциплина смиряла даже в детях человеческие порывы. Однако ж сердце мое не выдержало; я тихонько подкрался к столбу и протянул руки, чтобы развязать веревки.

— Не тронь... тетенька забранит... хуже будет! — остановила меня девочка. — Вот лицо фартуком оботри... Барин!.. Миленький!

И в то же время сзади меня раздался старческий голос:

— Не суйся не в свое дело, пащенок! И тебя к столбу тетенька привяжет!»

Когда много лет спустя Салтыков в «Пошехонской старине» изображал эти картины, у него вырвался крик отчаяния и протеста:

«Кто поверит, что было время, когда вся эта смесь алчности, лжи, произвола и бессмысленной жестокости, с одной стороны, и придавленности, доведенной до поругания человеческого образа, — с другой, называлась... жизнью?!»

3. Царское село

19 октября — это был священный день для Пушкина — годовщина Царскосельского лицея. Через всю свою жизнь поэт пронес любовь к лицею, о котором сказал он однажды:

«Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское село».

Через всю свою жизнь он пронес любовь к «друзьям своей души»: Кюхельбекеру, Пущину, Дельвигу. За несколько месяцев до смерти, в октябре 1836 года, он снова вспомнил друзей юности и счастливые дни лицея:

«Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный,
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!»

За четверть века переменился и лицей. Это увидел Щедрин, поступивший в Царскосельский лицей в 1839 году. Ничего здесь не осталось от прежнего вольного духа. Давно Аракчеев превратил лицей в военное учебное заведение.

Теперь не было ни Куницына, ни Малиновского, ни Энгельгардта. Щедрина встретил директор — генерал Гольдгойер, невежественный солдат, который заботился только о том, чтобы в лицее была строгая военная дисциплина. С воспитанниками он держал себя сухо и резко, по-солдатски; телесные наказания были единственным способом воспитания, который он признавал. Правой рукой его был шпион и доносчик Оболенский, у которого был один только талант — подслушивать за дверьми.

Переменились не только преподаватели лицея, переменились и воспитанники.

Сейчас лицей готовил для николаевской России министров, сенаторов и посланников. Не вопросы литературы, морали, философии волновали сверстников Салтыкова. Они заняты были мыслями о будущей карьере, о сытом благополучии:

«В мое время последние месяцы в закрытых учебных заведениях бывали очень оживленны...— вспоминал Салтыков.— Во всех углах интерната раздавалось:

— Ты куда?

— Разумеется, в министерство иностранных дел.

— Нас, брат, там не совсем-то долюбливают...

— У меня дядя там, он похлопочет... А ты куда?

— Я... в департамент полиции исполнительной...

Или:

— Тебе сколько родители на житье назначают?

— Мне... две тысячи...

— А мне пятнадцать!

Наконец:

— Ты у кого платье заказываешь?

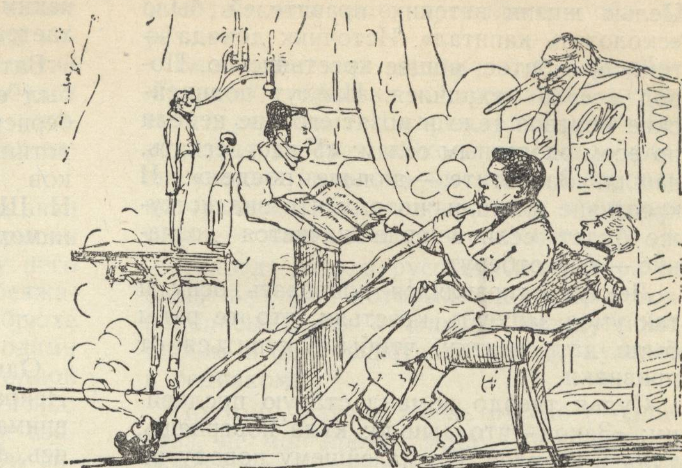
— У Сарра, а белье — у Лапретра. А ты?

— Я — у Клеменца...»

В такой обстановке не завязывалось тесных, дружеских связей. Лицей растил будущих бюрократов, стяжателей, людей, лишенных и смелости мысли и силы чувств.

Одну только традицию сохранил лицей с пушкинских дней. Воспитанники Царского села знали, что в этих стенах вырос великий поэт, и они ждали, что здесь же появится его преемник. «Воспоминание о Пушкине обязывало,— говорил впоследствии Щедрин.— В каждом курсе предполагался продолжатель Пушкина». Сверстники видели этого продолжателя в Салтыкове.

Мальчик Салтыков бродил по тем же залам, где четверть века назад бродил Пушкин, и так же грыз на уроках гусиное перо, сочиняя стихи. Созрев, он считал эти стихи плохими и «глупыми». Но именно здесь, в Царском селе, почувствовал он «решительное влечение к литературе».



Из альбома лицейских карикатур. Карикатура на лицейское начальство и профессоров.

4. Вятка и Крутогорск

Сам царь указал военному министру князю Чернышеву, что один из его подчиненных, мелкий чиновник, имел дерзость напечатать в журнале повесть, полную революционных идей.

Чернышев был разгневан. Он приказал немедля уволить Салтыкова из канцелярии и посадить на гауптвахту. Через три дня судьба молодого писателя была решена. Комендант гауптвахты «сдал» Салтыкова с рук на руки жандармскому штабс-капитану для препровождения его в Вятку. Штабс-капитан вез арестанта при пакете, в котором вятскому губернатору сообщалось, что ему надлежит доносить о поведении ссыльного — титулярного советника Салтыкова.

Тринадцать лет назад в канцелярию вятского губернатора вошел другой ссыльный, один из образованнейших русских людей, будущий революционер Александр Иванович Герцен. Теперь он был уже далеко. За эти тринадцать лет он отбыл первую ссылку и вторую, эмигрировал заграницу. В этом, 1848 году он участвовал в июльской демонстрации революционных парижан. А в российском городе Вятке ничто не переменилось за эти тринадцать лет. И молодой Салтыков окунулся в то же болото, которое впоследствии Герцен описал в своей замечательной книге «Былое и думы». Те же самодуры и взяточники окружали Салтыкова, тот же страшный, бесчеловечный быт.

Целью жизни вятских правителей было «сколотить капитал». Источник дохода — темное, забитое, нищее крестьянство. Повод всегда находился. Найдут полицейские мертвое тело и возят его две недели по всем окрестным селам: «У вас, дескать, нашли. Заплатите,— дальше поедем». И крестьяне платили, потому что знали: хуже будет, если в селе начнется дознание,— все отберут.

Лекарь отправлялся прививать оспу и так умел запугать крестьян, что те рады были дать взятку, чтобы откупиться от прививки.

Судья твердо помнил старую пословицу: «Закон—что дышло: куда повернешь, туда и вышло». По малейшему поводу он угрожал бедняку плетьми, Сибирью. И бедняк нес судье последние гроши «за милость».

В Вятской губернии жили «инородцы»: вотяки, мордва, чуваши. Еще более запуганные и несчастные чем русские крестьяне, они безропотно выносили все издевательства.

Одного чувашина, нечаянно прострелившего себе плечо, отдали на излечение уездному лекарю. Плечо совсем зажило, когда лекарь приехал. Ссылаясь на «бумагу», он расковырял зажившую рану и, если бы несчастный не догадался сунуть ему денег, совсем бы лишил его руки. Лекарь ездил к мужику, пока не разорил его, и только тогда оставил в покое. Через год, услышав о проезде через деревню какого-то чиновника, чувашин, решивший, что это опять лекарь едет, так испугался, что тут же повесился.

Вот какие дела окружали молодого чиновника в ссылке. Как мог, он старался бороться за правду, за человечность. Но с каждым днем ему становилось яснее, что плетью обуха не перешибешь. Семь долгих, мучительных лет он провел в Вятке. А каков был итог? Все те же взяточники, те же тупые, самодовольные бюрократы вокруг.

И Салтыков, так же как в свое время Герцен, понял, что так многого не добьешься. В руках у него было единственное оружие, которым он мог призывать всех честных людей к свержению дикого строя. Этим оружием было перо.

Дождавшись, наконец, освобождения из ссылки, он взялся за перо, чтобы обличать «власть имущих»—помещиков, бюрократов,— чтобы показать всему миру, под каким ужасным гнетом стонет и задыхается народ.

Вятку он назвал Крутогорском — и это был единственный вымысел в его «Губернских очерках». Все остальное было истинной правдой. Свой рассказ Салтыков вел от имени мелкого чиновника Н. Щедрина, и это имя осталось псевдонимом великого писателя на всю жизнь.

5. Любовь и ненависть

Один начинающий писатель принес Некрасову начало своей рукописи. После внимательной, подробной беседы, прощаясь, Некрасов сказал:

— До свиданья... Пишите, пишите. У вас хорошо выходит. Вы знаете тот быт, из которого пишете. Но одно могу посоветовать... У вас добродушно все выходит. А вы, батенька, злобы, злобы побольше... Теперь время такое. Злобы побольше.

И вдогонку, когда тот был уже в дверях, снова крикнул ему:

— Помните, батенька: злобы побольше!

Вот этого совета не приходилось давать Салтыкову. Злобой, ненавистью к ужасной русской действительности он полон был до краев. Эта неистощимая злоба и сделала его великим писателем. Эта злоба и привела его в редакцию «Современника».

Так когда-то назывался журнал Пушкина. Теперь так назывался журнал Некрасова. Страстную борьбу за лучшее будущее вели на страницах «Современника» самые смелые, самые прозорливые писатели того времени: революционеры Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Редакция «Современника» смело смотрела в глаза врагу. Не даром при встрече с Белинским комендант Петропавловской крепости Скобелев сказал ему с усмешкой: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат,— так для вас его и берегу». Белинский умер, не успев попасть в этот каземат; в него попал Чернышевский. Вот к этим писателям-революционерам примкнул Салтыков-Щедрин.

Он горячо любил свой народ, забитый и нищий. Эта любовь рождала в нем ненависть к крепостнической, жандармской, чиновничьей России. И тем яростней была ненависть, что он, как никто, знал тюремщиков русского народа. Он родился в

семье стяжателей-крепостников: «Я вырос на лоне крепостного права, вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и, наконец, обучен грамоте крепостным грамотеем. Все ужасы этой вековой кабалы я видел в их наготе».

С детства, с лицейской скамьи, он знал чиновничий мир. Дворянские отпрыски росли у него на глазах, на глазах у него его однокашники превращались в безжалостных хищников, всползали на брюхе по ступеням служебной лестницы. Годами сидел он с ними за одним столом, в одной канцелярии, и куда ни обращал он взгляд, всюду были перед ним бюрократы и взяточники, самодуры и головотяпы. Он видел этих хищников насквозь, в какие бы личины они ни рядились.

Это знание господствующего класса придавало могучую силу его перу. «Дух правды оживляет очерки Щедрина,— писал о его «Губернских очерках» Чернышевский.— Ни у кого из предшествовавших Щедрину писателей картины нашего быта не рисовались красками более мрачными. Никто не карал наших общественных пороков словом более горьким, не выставлял перед нами наших общественных язв с большей беспощадностью».

Не отдельные уродливые фигуры стояли перед Щедриным: он видел уродство всей тогдашней жизни, всей системы царского самодержавия. Первый из русских писателей он увидел, как из крепостной эпохи рождается новая, буржуазная Россия.

Вот среди «власть имущих» начались споры об отмене крепостного права. «Либералы» запели сладкие песни об «освобождении» крестьян. Но Щедрина нелегко было обмануть. Он разгадал, в чем смысл этих песен. Это хищники прятали свое мерзостное лицо, прикрываясь словами о любви к ближнему, о сострадании. «Освобождением» они называли бессовестнейший грабеж, сплошное надругательство. И Щедрин направил свое оружие против ряженого врага. С этой поры и до самой смерти не устает он клеймить «либералов». Однажды он назвал их «пестрыми людьми». «Общий признак,— говорил он,— по которому можно отличать пестрых людей, состоит в том, что они совесть свою до дыр износили. А взамен совести выросло у них во рту по два языка, и оба лгут, иногда по-очереди, а иногда — это еще постыднее — оба за раз...»

Еще один враг появился у «освобожденного» бедняка — деревенский кулак. И его распознал Щедрин, едва успел тот родиться на свет. «Около каждого «обеспеченного наделом» выскочил Колупаев, который высоко держит знамя кровопивства»,— сказал Щедрин о кулаке.

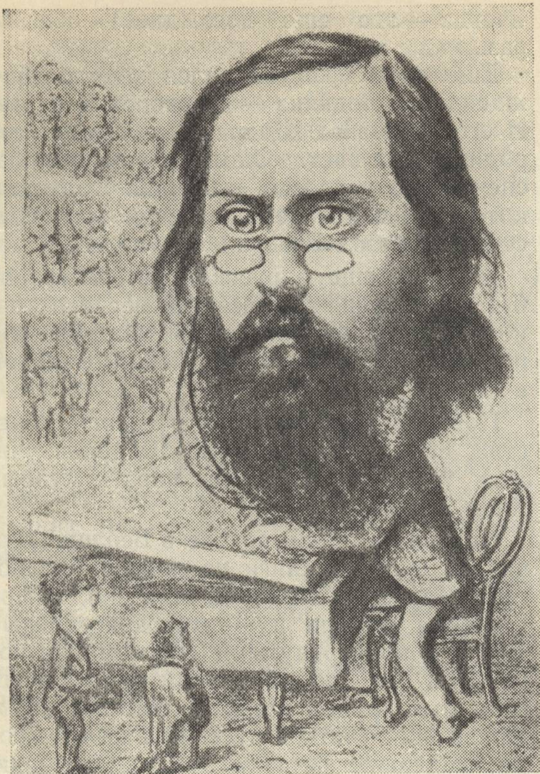
Никогда еще в русской литературе не было писателя, который так верно и точно описывал бы отношения между помещиком и крестьянством, между кулаком и бедняком.

Поэтому, изучая жизнь русского общества, не мог пройти мимо Щедрина учитель трудящихся всего мира — мудрый Карл Маркс.

Недавно в одном архиве в Берлине хранились русские книги из личной библиотеки Маркса и Энгельса. Наверно, теперь фашисты сожгли их — эти драгоценные книги с подчеркнутыми строками, с пометками на полях. Среди всех своих огромных трудов Маркс и Энгельс находили время учиться русскому языку. Люди, видевшие остатки этой библиотеки, рассказывают, что тут было много книг Щедрина. Нелегко было Марксу читать эти книги: у Щедрина своеобразный язык, его рассказы и повести пересыпаны народными словечками, пословицами и поговорками, но Маркс расшифровывал фразу за фразой. Иные слова он тут же, на полях, переводил — по-немецки, по-французски. Правдивые картины, нарисованные русским писателем, открывали перед Марксом, что происходит в России. И Карл Маркс тщательно подчеркивал каждую строчку, в которой говорилось о классовой борьбе, каждую фразу, в которой писатель высказывал надежду на приближение революции. Он верил правдивому перу Щедрина.

6. „История одного города“

Посмотрите карикатуру на следующей странице. Она нарисована была в те годы, когда выходили из печати полные ненависти книги Щедрина. «Салтыков — коллекционер» — такая подпись была под рисунком. На рисунке гневное лицо писателя. На столе перед ним и на стене — в ящиках, на булавках — его «коллекция»: крепостники, взяточники, подхалимы, самодуры. Страшную галерею этих извер-



Салтыков — коллекционер.
Карикатура 60-х годов.

гов и уродов нарисовал в своих книгах Щедрин.

Цензура старалась заткнуть рот Щедрину, и ни одно произведение его не выходило в свет без рубцов и шрамов. «Запретить!», «Дозволить с исключением мест, указанных господином цензором!», «Статьи должны быть уничтожены!», «Подвергнуть книгу аресту!» — эти окрики раздавались всякий раз, как новая вещь Щедрина поступала в цензуру. Горько сказал он однажды:

«Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно об'являли, что я — вредный, вредный, вредный!»

Жил некогда в Греции сочинитель басен Эзоп. Он рассказывал сказки, в которых под видом животных высмеивал и обличал правителей. И Щедрину пришлось научиться писать «эзоповским» языком. «Я — Эзоп, и воспитанник цензурного ведомства»,— писал он.

Одно из лучших произведений Щедрина — «История одного города по подлинным документам». Рассказывая о некоем городе Глупове, писатель в беспощадной сатире изобразил всю «великую российскую империю». В предыдущих своих книгах Щедрин высмеивал захолустных помещиков и чиновников, уродливый быт провинции. В «Истории одного города» он нарисовал убийственную карикатуру на самодержцев Павла, Александра, Николая, Екатерину, на верного царского пса Аракчеева. Цензор не догадался, что книга эта — гениальная издевка над всем государством российским, над деспотизмом и глупостью его правителей. Он дал свое «глубокомысленное» заключение: «В означенном сатирическом очерке предается осмеянию провинциальная администрация».

Медленно и спокойно начинал писатель повествование о городе Глупове. Он рассказывал о том, как, роясь в глуповском городском архиве, случайно набрел на связку тетрадей, носящих название «Глуповского Летописца»; в этих тетрадях записаны были биографии градоначальников, в течение почти целого столетия владевших судьбами города Глупова. Даже точные даты привел Щедрин — 1731—1825 год. Цензор прохлопал, что 1731 год — это год восшествия на престол Анны Иоанновны, а 1825 — Николая I.

Далее, автор сам подвергал сомнению иные факты, изложенные в книге: «Что касается до внутреннего содержания «Летописца», то оно по преимуществу фантастическое и по местам даже почти невероятное в наше просвещенное время». И правда, фантастики в книге было очень много. Цензор с удивлением читал о головотяпах, которые «тяпали» головами обо все, что бы ни встретилось на пути; о моржеедах, лукоедах, губошлепах, вислоухих и кособрюхих. О том, как они Волгу толокном замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили... Напрасно цензор искал во всем этом какого-то иносказания. Он не мог найти в этой фантастике ничего предосудительного, подлежащего запрещению. Этого и нужно было Щедрину. Он придал фантастическую окраску реальным, подлинным историческим фактам, скрыл эти факты под пеленою свободного вымысла — и сатира увидела свет и дошла до читателя.

А читатель в ту пору приучен был читать между строк. Он читал удивительную историю о губернаторе Брудастом, который «едва вломился в пределы городского выгона, как тут же, на самой границе, пересек уйму ямщиков». Этот губернатор отличался от других тем, что был чрезвычайно молчалив, только два окрика: «раззорю!» и «не потерплю!» — вот все, что слышали от него глуповцы. «И вдруг всем сделалось известным, что градоначальника секретно посещает часовых и органных дел мастер Байбаков». Однажды, глубокой ночью, Байбаков вышел из квартиры градоначальника. Он бережно нес что-то, обернутое в салфетку. И в ту ночь никто из обывателей не был разбужен криком «не потерплю!» Потом случилось и вовсе невероятное происшествие: вошедший утром с докладом в кабинет письмоводитель увидел такое зрелище: градоначальниково тело, облеченное в вицмундир, сидело за письменным столом, а перед ним, на кипе недоимочных реестров, лежала совершенно пустая градоначальникова голова! Рядом с ней на столе лежали долото, буравчик и английская пилка. Призванный к ответу органных дел мастер показал, что вместо головы у градоначальника был ящик с органчиком и органчик этот мог исполнять только две нетрудные музыкальные пьесы: «раззорю!» и «не потерплю!» И механизм этот отсырел и испортился. Глуповцы не были удивлены: «Помощник градоначальника сообразил, что ежели однажды допущено, чтобы в Глупове был городничий, имеющий вместо головы простую укладку, то, стало быть, это так и следует».

Цензор только посмеялся над затейливой выдумкой писателя. А читатели, те отлично поняли, что «органчик» — символический образ российских правителей, безмозглых тупиц, облеченных самодержавною властью.

Щедрин продолжал свое повествование. В «Сказании о шести градоначальницах» он намекал на пять императриц, царствовавших в XVIII веке, в главах о Двоекурове и о Бородавкине дал правдивый рассказ о насильственном введении картофеля в России. Читателям памятны были еще картофельные бунты и дикие «секуции», которым подвергали крестьян николаевские карательные отряды. И нисколько не затрудняло читателей, что картофель в «Истории одного города» именуется горчицей.

«В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчеева,— читали они далее.— Это мужчина среднего роста с каким-то деревянным лицом, очевидно, никогда не освещавшимся улыбкой. Густые остриженные под гребенку и, как смоль, черные волосы покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамливают узкий и покатый лоб...»

— Да ведь это портрет Аракчеева!— говорят себе читатели.

И каждый новый штрих подтверждает, что их догадка правильна:

«...Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы, и держит в правой руке сочиненный Бородавкиным «Устав о неуклонном сечении»... Кругом — пейзаж, изображающий пустыню, посреди которой стоит острог; сверху, вместо неба, нависла серая солдатская шинель...»

Конечно, это был портрет Аракчеева, страшного царского сатрапа, который на протяжении многих лет душил все живое. И так же, как узнавали читатели его в лице Угрюм-Бурчеева, так же узнавали они аракчеевские «военные поселения» в



«...градоначальниково тело... сидело за столом, а перед ним... лежала совершенно пустая... голова!»
Рисунок Кукрыниксы

описании страшного города Непреклонска.

Никогда еще не было в русской литературе сатиры такой сокрушительной силы. Казалось, эзоповский язык не мешает писателю, а помогает: Щедрин подымался над частными фактами, над отдельными фигурами, он обобщал в своих образах весь ужас российской действительности. Угрюм-Бурчеев был не только Угрюм-Бурчеевым: он воплощал в себе и черты Николая I, он становился символом всего бездушного, чиновничьего, солдатского режима.

История под пером Щедрина переставала быть только историей: она отражала все стороны жизни, свидетелем которой был писатель. Не только правителей города Глупова бичевал сатирик. Он издевался злобно и гневно над долготерпением приниженного, угнетенного народа. Его сатира не только звала, она гнала в бой — в бой против насилия, бесправия и темноты. И если бы даже только одну эту книгу написал Щедрин, и то к нему не заросла бы народная тропа.



Угрюм-Бурчеев. *Гравюра худ. Л. Ройтера.*

7. Сказки

В революционные кружки и в тюрьму Щедрин приходил не только со страниц разрешенных журналов и книг. Многие его сказки цензура не пропускала, и тогда эти сказки издавались нелегально, подпольными кружками. Сказки выходили размноженными на гектографах, как выходили тогда боевые листовки и прокламации.

Когда правительство закрыло журнал «Отечественные записки», сотрудником и редактором которого Щедрин был 16 лет, русские революционеры-народники ответили на это подпольным изданием щедринских сказок.

Посмотрите обложку «Сказок», изданных в подполье.

Занавес, приподнятый смелой рукой Щедрина над кромешным ужасом царской России, усиленно старается опустить полицейский, ему помогает торжествующая свинья. Усилия их напрасны, и читатель видит все, что беспощадно высмеял великий сатирик. В глубине два учреждения: участок, куда за шиворот волокут обывателя, и «редакция помоев», так Щедрин называл продавшиеся правительству газеты. Перед дверьми конный полицейский хлещет кого-то плеткой. Впереди стоят пузатые и бородатые хищники — богатеи Колупаев и Разуваев,— за ними крестьянин, обобранный ими, в отчаянье схватился за голову обеими руками. В правом углу Волк и Заяц — герои щедринских сказок. Рядом сидит доносчик и строчит на кого-то донос.

В книжечке помещено было несколько запрещенных сказок, а на обороте ее напечатан протест против закрытия «Отечественных записок».

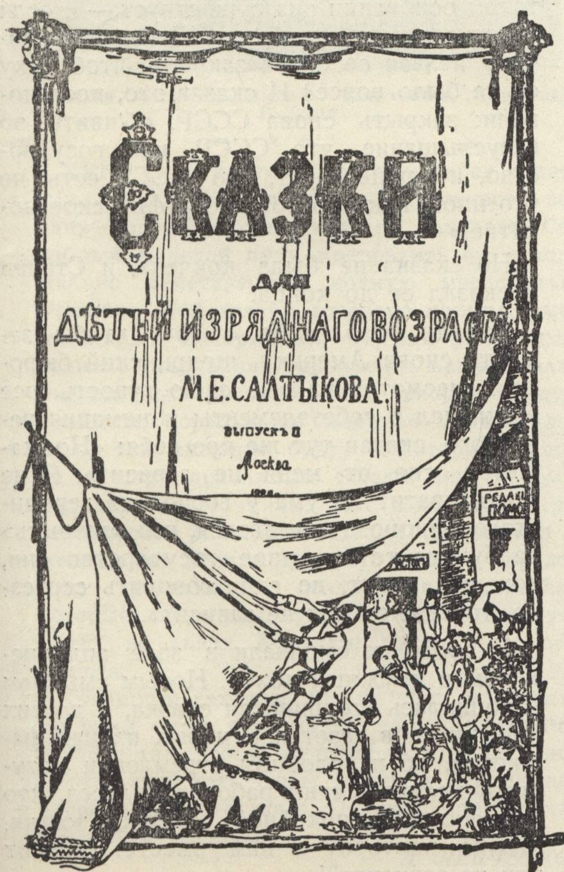
«Сказки» были написаны тем же эзоповским языком, который так часто помогал Щедрину донести свои мысли до читателей через все преграды и рогатки

цензуры. В рабочих кружках токари и литейщики слушали сказку про «Конягу»:

«...Нет конца работе! Работой исчерпывается весь смысл его существования; для нее он зачат и рожден, и вне ее он не только никому не нужен, но, как говорят расчетливые хозяева, представляет ущерб. Вся обстановка, в которой он живет, направлена единственно к тому, чтобы не дать замереть в нем той мускульной силе, которая источает из себя возможность физического труда. И корма и отдыха отмеривается ему именно столько, чтоб он был способен выполнить свой урок...»

И каждому слушателю ясно без всяких об'яснений, что не о коне тут идет речь, а о подневольном народе.

Для многих читателей «Сказки» были первой книгой, которая открыла глаза на всю несправедливость, на всю жестокость и гниль буржуазного общества. В ясных образах и в простых народных словах показывал им великий писатель ненавистное ему долготерпение народное.



Обложка подпольного издания «Сказок».

Читая «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», каждый читатель-рабочий ставил перед собой вопрос: почему я даю тунеядцу себя эксплоатировать? И сказки, с виду невинные сказки Щедрина, за руку подводили рабочих к революционной борьбе. Щедрин не делал никаких выводов из своих сказок, потому что иначе они не увидели бы света. Но выводы эти делал читатель.

«Сказки» проникали в самые глухие углы, их читали в рабочих казармах и в тюрьмах. Невинное их название нередко вводило в заблуждение начальство. Один старый революционер рассказывает о жандарме, который ни за что не хотел пропускать в тюрьму учебник «Политической экономии», потому что боялся всякой «политики», но беспрепятственно пропускал «Благонамеренные речи» Щедрина и уж совсем благодушно разрешил читать «Сказки».

В 1889 году Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин умер.

Среди множества телеграмм и писем, выражающих горе по поводу тяжелой утраты, особое место занимает письмо тифлисских рабочих. Они пишут, что бессмертные рассказы Щедрина будут ободрять и звать трудящихся «на борьбу против зла, угнетения и на поиски правды и света».

8. Живой Щедрин

Однажды, когда Щедрин был очень болен, его навестила делегация от петербургского студенчества. С этой делегацией пришли к больному писателю Александр Ильич и Анна Ильинична Ульяновы. В семье Ульяновых любили и постоянно перечитывали книги Щедрина. И младший брат, Владимир, который старался быть, «как Саша», разделял любовь Александра.

Владимир Ильич ценил в писаниях Щедрина остроту и яркость характеристик, глубокое знание русской жизни, беспощадность сатиры. Он любил его за силу ненависти к угнетению, лжи и лицемерию во всех видах, ему дорога была боль Щедрина за участь угнетенных народов России. На родине, в ссылке и в эмиграции Ленин постоянно перечитывал его «Сказки», «Господ Головлевых», «Историю одного города», «Губернские очерки».

И с кем бы Ленин ни боролся: с защитниками самодержавия, с меньшевика-

ми, с либералами всех мастей, с предателями пролетарской революции,— он неизменно пользовался всем арсеналом разящих снарядов, который давала ему русская литература. И чаще всего в своих уничтожающих, насмешливых, гневных речах Ильич пользовался творчеством Щедрина; он постоянно употреблял его меткие слова, ядовитые характеристики. Трудно найти произведение Щедрина, которое не послужило бы Ленину оружием в борьбе против врагов революции. Вдохновенный оратор, Ленин зло издевался над карасями и щуками либерализма, беспощадно высмеивал трусливых либералов, не знающих, чего им хочется, «то ли конституции, то ли севрюжины с хреном», с гневом обрушивался на сановных Угрюм-Бурчеевых. Троцкого, подлейшего из подлых убийц и предателей, он заклеймил навеки именем самого гнусного, самого подлого из щедринских «героев», именем Иудушки Головлева.

Могучим оружием стало творчество Щедрина в руках Ленина.

Это оружие и сегодня продолжает разить врагов нашей родины. В день, дорогой трудящимся всего мира, 25 ноября 1936 года, на с'езде советов выступил друг и соратник Ленина—товарищ Сталин. Творец Конституции счастливого советского народа, любимый вождь докладывал своей родной стране проект Основного Закона СССР. Он говорил о победах Страны советов. Он говорил о том, как встречают эти победы за рубежом, в странах фашизма.

И все делегаты с'езда дружно смеялись, когда Сталин рассказал, как господа журналисты в Германии критикуют проект нашей Конституции. Да и как было тут не смеяться? Эти господа заявляли, что проект Конституции СССР — пустое обещание, обман. Больше того: они утверждали, что Советский Союз вообще не является государством. А раз так, как же может быть признана действительной конституцией Конституция СССР?

Сталин поднял руку, чтобы успокоить раскаты смеха. И рассказал с'езду сказку Щедрина:

«В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во «вверенной» ему области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И сказав это, положил резолюцию: «Закрыть снова Америку»!

Мне кажется, что господа из «Дейтше Дипломатиш Политише Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа. Этим господам СССР давно уже намозолил глаза».

И вдруг старая сказка Щедрина ожила, заиграла новым блеском. Словами щедринской сатиры Сталин высмеивал фашистов:

«Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует,— и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И сказав это, постановили: закрыть снова СССР, об'явить во всеуслышание, что СССР, как государство, не существует, что СССР есть не что иное, как простое географическое понятие!»

Но сказка не была кончена, и Сталин досказал ее до конца:

«Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»...

И долго не смолкали в зале аплодисменты и дружный хохот. Новым смыслом наполнилась щедринская сказка, и до сих пор, читая в газетах о новых планах фашистов, об их злобном стремлении потушить великий маяк рабочего класса, кто не вспомнит спокойной усмешки вождя, кто не повторит с ним вместе: «сие от них не зависит»?!

Во льдах Арктики



Капитан ледокола «Седов» Константин Сергеевич Бадигин.

* * *

XVIII с'езд партии поставил перед советскими полярниками огромной важности задачу—освоить к концу третьей пятилетки Северный морской путь, превратить его в нормально действующую водную магистраль. Решение этой задачи доверено нашим замечательным полярникам. От них во многом зависит дальнейшее укрепление наших дальневосточных рубежей. Чем скорее пойдут советские корабли по Северной морской дороге, тем смирнее будут некоторые наши не в меру драчливые соседи. Вот почему мы, дальневосточники, неослабно следим за героической работой советских полярников и желаем им успеха. Горячий привет передовому коллективу полярников — седовцам, которые несут тяжелую и почетную научную вахту во льдах Арктики, почти у самого полюса.

Товарищи седовцы! Вы не одни во льдах. За вами стоит весь народ, наш Сталин. Работайте так, чтобы вернуться на родину победителями, так, чтобы товарищ Сталин поздравил вас и сказал: «Отлично поработали, товарищи седовцы!»

Д. ЛЕВЧЕНКО,
Герой Советского Союза

Радиограмма с ледокола „Седов"

Москва, редакции журнала „Пионер"
21 марта 1939 года

Среди бесконечных ледяных полей, покрывающих белой шапкой Северный Ледовитый океан, ближе к Северному полюсу чем к самым северным берегам нашей родины одиноко дрейфует советский ледокол «Георгий Седов». Пятнадцать человек, составляющих экипаж дрейфующего корабля, выполняют ответственное задание — сохранить стране судно, выполнить во время дрейфа ряд научных работ в районе, совершенно не исследованном человеком. Эти научные работы очень важны для выполнения сталинского задания — превратить Северный морской путь в нормально действующую магистраль.

В прошлом году после вывода из полярных льдов ледоколом «Ермак» ледоколов «Садко» и «Малыгин» начался самостоятельный дрейф «Седова». По программе метеорологической станции второго разряда, мы каждые два часа проводим метеонаблюдения, ведем подробную запись всех изменений ледяного покрова, намерзания льда, разрушения во время подвижек, измеряем величину торосов.

Во время полярной ночи мы часто любовались полярным сиянием и вели дневник наблюдения над ним.

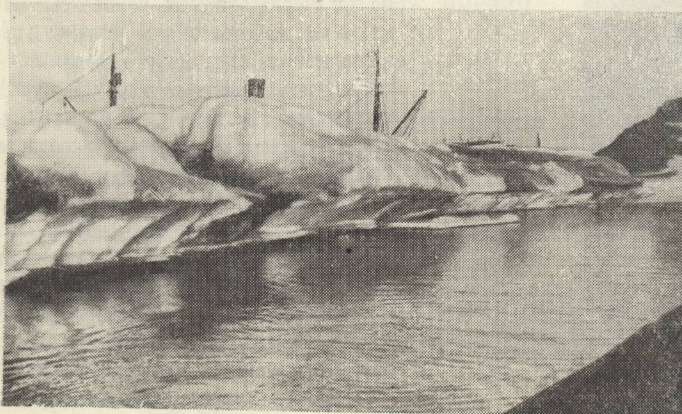
Производим измерение океанских глубин, температуры и солености воды на разных глубинах и одновременно берем пробы грунта со дна океана. Кроме того ведем много других наблюдений: магнитных, по изучению формы земли и т. п.

Ежедневно астрономическим путем определяем координаты положения судна; по карте вы можете очень точно проследить за дрейфом ледокола в полярном бассейне.

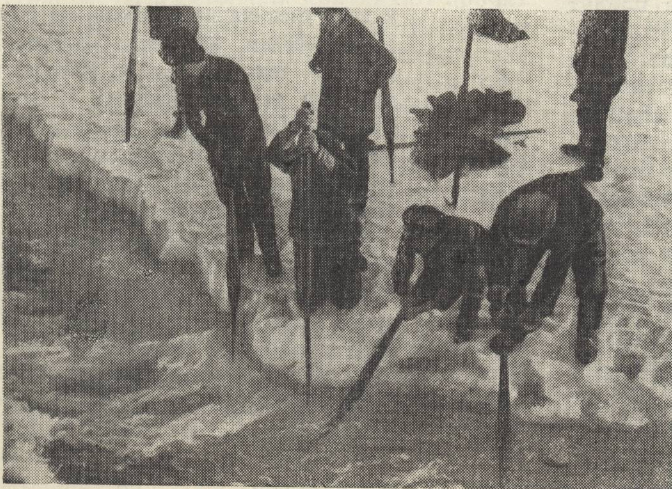
Все результаты наблюдений записываются ежедневно в судовом вахтенном журнале. Вот часть последней записи перед посылкой вам радиограммы:



Ледокол «Седов» во льдах моря Лаптевых. Снимок сделан в конце сентября 1937 года, за месяц до исторического дрейфа.



Земля Франца Иосифа. Бухта Тихая. Айсберг выжимает ледокол на берег.



Седовцы освобождают ледокол от ледяных тисков.

«Глубина океана на широте 86°25' и 108°15' восточной долготы — три тысячи четыреста восемьдесят пять метров; грунт, обнаруженный на этой глубине,— жирный, пластичный ил коричневого цвета. Толщина льда образования 1938 года — сто семьдесят сантиметров, льда образования 1936—1937 годов — около двух метров. Высота торосов, образовавшихся вследствие подвижек льда,— в среднем около двух метров. Самый высокий торос, измеренный нами, равнялся четырем метрам...»

По радио мы слышали, что на юге страны, в Средней Азии, Крыму, Закавказье начался сев, цветут розы, а у нас средняя температура в феврале и марте была около сорока градусов мороза. А в конце февраля мы отметили минимальную температуру в сорок пять градусов мороза.

За семнадцать месяцев дрейфа ледокол оставил позади себя около двух тысяч трехсот морских миль, проложив на карте змейкообразную, всю в узорах линию пути. Но генеральное направление дрейфа можно считать на северозапад.

Вы, наверное, знаете, что линейная величина градуса долготы к северу постепенно уменьшается. И если у экватора градус равен шестидесяти морским милям, то на широте 86°25', откуда я посылаю вам радиограмму, градус долготы уже меньше четырех миль. Поэтому при дрейфе на восток или запад долгота меняется очень быстро: иногда в сутки мы проходим больше одного градуса.

16 марта у нас была большая радость: мы в первый раз после продолжительной полярной ночи увидели солнце. Оно было багрово-красного цвета и, искаженное рефракцией, казалось состоящим из четырех горизонтальных полос, расположенных одна над другой. Сейчас ночи у нас совсем нет, а в конце марта солнце вовсе перестанет заходить за горизонт. Высота солнца над горизонтом очень небольшая — около трех градусов.

День наш начинается в восемь часов, когда вахтенный будит весь экипаж. После завтрака седовцы

ровно в девять часов принимаются за работу. День каждого загружен научными наблюдениями, работой на ледоколе, на аварийном складе, который находится на льду.

После рабочего дня седовцы изучают историю ВКП(б), читают, играют на биллиарде и в шахматы. Сейчас мы играем в шахматы по радио с зимовщиками полярной станции мыса Челюскин. У нас есть лыжи и коньки, и мы катаемся на них вокруг ледокола.

Несмотря на то что мы далеко от земли, мы прекрасно слышим радиопередачи из Москвы, Ленинграда и других городов, регулярно слушаем последние известия. Во время исторического XVIII с'езда партии мы по радио слушали передачу доклада товарища Сталина и других материалов с'езда.

Телеграммы, посланные к нам из любого пункта Советского Союза, доходят до нас по радио очень быстро — через несколько часов.

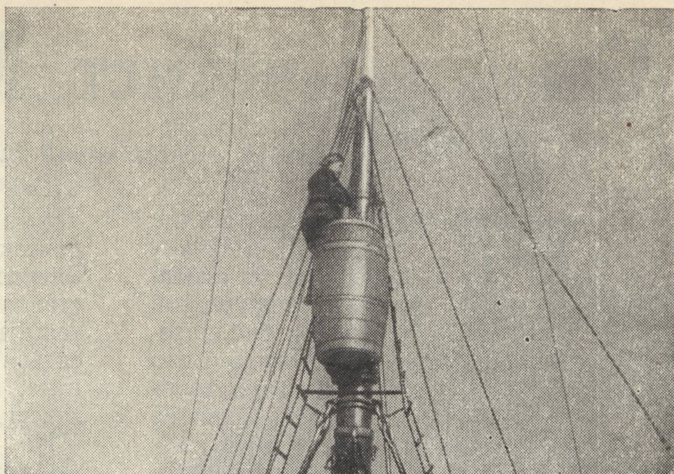
Живя и работая так далеко от своей родины, мы не чувствуем себя одинокими. Мы во всем ощущаем чуткое и любовное отношение к нам и нашим семьям партии, правительства и любимого товарища Сталина.

Пятого марта мы отмечали день смерти отважного исследователя Арктики Георгия Яковлевича Седова, чье имя носит наш ледокол. Вдали от родины, затравленный царским правительством, погиб этот замечательный человек. Его портрет, обвитый крепом, висит в каюткомпании корабля. То, что было невозможно сделать одиночкам в царской России, легко осуществляется советскими полярниками при поддержке всего советского народа.

Героическая работа советских полярников на многочисленных станциях, обслуживающих Северный морской путь, отважный подвиг папанинской четверки, подвиги советских летчиков являются прекрасным памятником Седову.

Капитан ледокола „Седов"

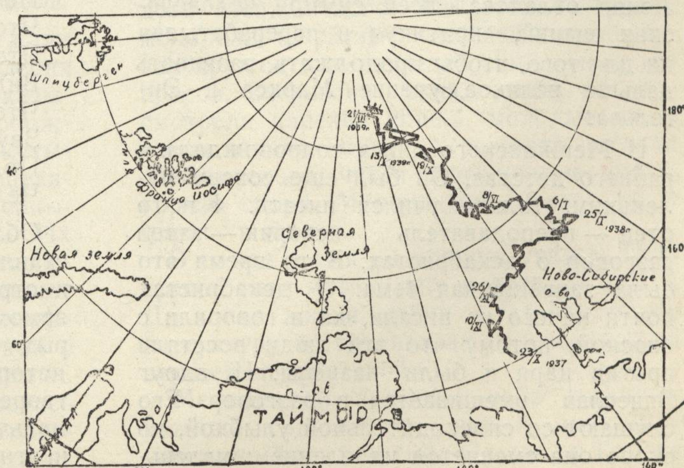
К. Бадигин



Вахта на бочке.



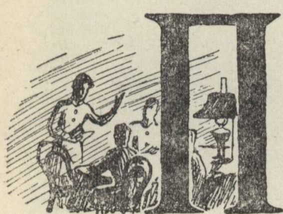
Приближается час кормежки, и собаки собираются около камбуза.



Карта дрейфа «Седова» выполнена Нилой Киприч. членом арктического кружка Московского дома пионеров.

Славный чекист Менжинский

По материалам воспоминаний В. Р. Менжинской



ПОЧТИ полстолетие тому назад, в 1893—1894 годах, за столами Петербургской публичной библиотеки можно было часто встретить двух молодых людей. Один из них — в синей студенческой тужурке, с пышной шапкой волос и небольшими усиками. Другой — с великолепно вылепленным лбом, умными карими глазами, часто смеющимися то лукаво, то ласково. Оба молодых человека походили друг на друга тем, что всегда были окружены грудой серьезных книг, читали и делали выписки, не обращая внимания на окружающих.

Они не были знакомы и едва ли при случайных встречах запоминали друг друга. Но пройдет еще несколько лет—и дороги обоих любителей чтения пойдут вместе. Более старший — Владимир Ильич Ульянов — станет создателем рабочей партии нового типа — большевистской партии, а Вячеслав Рудольфович Менжинский — его верным учеником и соратником.

Не случайно Ленин и Менжинский стали частыми посетителями библиотеки: книги были постоянными их спутниками. Ленин овладевал всей суммой человеческих знаний, критикуя и перерабатывая их для того, чтобы продолжать, развивать дальше великое учение Маркса и Энгельса.

И Менжинского книга сопровождала с раннего детства. Он был еще совсем маленьким, только учился писать. Как-то отец — преподаватель истории — завел разговор о декабристах. В то время это была запрещенная тема. О декабристах почти ничего не писали, да и говорили с опаской, потому что эти люди восстали против царя и были казнены. И вдруг Вячеслав вмешивается в разговор. Его слушают со снисходительной улыбкой, но скоро она сменяется удивлением: маленький Вячеслав превосходно рассказал о декабристах, о которых тогда даже не все образованные люди знали подробно.

У отца была довольно большая историческая библиотека, и любимым занятием Вячеслава, как только он научился составлять из слогов слова, было вытащить из отцовского шкафа книгу и уноситься мыслью за героями Плутарха и Тацита, Карамзина и Соловьева. История навсегда осталась его любимой наукой.

Но вот как-то попалась ему книга Лермонтова. И рядом с историей стала поэзия:

«...Мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы...
. . . .
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных...»

Вячеслав решил стать поэтом. Забравшись в укромный уголок, он исписывал стихами целые тетради. Ему хотелось стать вторым Лермонтовым. Но вскоре Вячеслав полюбил Некрасова. Молодому Менжинскому по душе был поэт, который срывал раскрашенную парадную маску с неприглядного лица царской России. Взволнованно декламировал Менжинский наизусть сотни пламенных строк своего любимого поэта:

«...Мать — отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди:
Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез...»

Обличительная поэзия Некрасова заставляла Менжинского присматриваться к страшным картинам жизни народа под ярмом царизма. Борцы с тиранами, которых Вячеслав встречал на страницах исторических книг, и пламенные стихотворения любимых поэтов воспитывали в мальчике свободолюбивый дух, ненависть к угнетателям.

Перед Менжинским раскрылись двери гимназии. Но даже став взрослым, он говорил, что если ночью у него был кош-

марный сон, то это значило, что он видел во сне свою гимназию.

Из царства мысли и высоких стремлений умный, начитанный мальчик попал в тюрьму мыслей. Это было все равно, что со свежего горного простора, где кругом раскрывались широкие дали, войти в затхлый, сырой каземат.

Главным предметом в гимназии того времени были «мертвые» языки.

Так назывались латинский и греческий языки, на которых ни один ныне живущий народ не говорит. По-латыни и гречески было написано древними авторами много прекрасных произведений, но изучали эти языки не потому, что на них говорили тысячелетия назад великие народы, а потому, что они были очень трудны и требовали для изучения много времени. Они отвлекали ребят от действительной жизни, не оставляли времени для свежих мыслей. Думать и писать надо было слово в слово, как написано в учебниках. Сухие чиновники — учителя преследовали самостоятельные мнения.

Во Франции когда-то были «компрачикосы» — злодеи, которые помещали детей в уродливые вазы и выращивали по форме вазы страшных уродов. Вот такими «компрачикосами» были многие учителя царских гимназий, которые из гимназистов выращивали покорных, нерассуждающих чиновников. Они уродовали не тело, а ум. И только отдельные думающие юноши, как Менжинский, разбивали уродливые, окостенелые формы, в которые пыталась отлить их мысли царская школа.

Часто на столе у Менжинского лежали сухие, казенные учебники, а на коленях была развернута книга, которая показывала жизнь, будила ум, звала к освобождению из болотной тины, которой окутывала мысли гимназия. С горящими щеками читал молодой Менжинский Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Их книги для гимназистов были под запретом. Уличенного в чтении запрещенных книг беспощадно выкидывали из гимназии с «волчьим билетом» — с отметкой о запрещении принимать в другие гимназии. И все же лучшая часть молодежи рвалась к книгам передовых людей, революционеров. В них Менжинский искал ответа на вопросы: почему одни работают на других, почему так много несправедливости и жестокости вокруг?



В. Р. Менжинский — гимназист.

Часто он сидел над книгой и думал: почему он может учиться, в то время как его сверстники — дети рабочих и крестьян живут в нищете и вместо учения работают по 10—12 часов в сутки? Имеет ли он право на обеспеченную жизнь? Не раз он думал уйти из семьи и жить своим трудом. Но, в конце концов, решил продолжать учение, считая, что принесет больше пользы народу, если станет служить ему своими знаниями.

Такие вопросы мучили не только молодого Менжинского. Он собрал группу молодежи из разных гимназий и организовал кружок для изучения социальных вопросов. Занавесив окна, чтобы не подсмотрели царские шпики, молодые люди часто сидели почти до рассвета, слушая Менжинского, читая запрещенные книги, горячо споря. Менжинский искал свою дорогу в жизни...

В то же время он хорошо учился. Прекрасно знал математику и древние языки. До конца жизни любил читать античную литературу в оригиналах и заниматься высшей математикой.

Менжинский поставил себе задачу — каждый год изучать новый язык или освежать полузабытый. Он читал Гомера по-гречески, Гегеля—по-немецки, Шекспира — по-английски, Ибсена—по-шведски, Вольтера—по-французски, Конфу-

ция—по-китайски, Данте—по-итальянски. Он хорошо знал девятнадцать иностранных языков. Ему легче было читать подлинник чем перевод.

Когда в 1893 году Менжинский блестяще кончил гимназию, он задумался над вопросом: кем стать, чтобы лучше служить народу? Сначала он мечтал быть врачом. В царской России врачей было наперечет, и Менжинского увлекала мысль спасать больных от смерти. После долгого раздумья он все же выбрал другую дорогу — пошел на юридический факультет Петербургского университета, где можно было изучать политическую экономию и другие социальные науки. За два года до поступления Менжинского на этом же факультете блестяще сдал экзамены Владимир Ильич Ульянов, получив диплом первой степени.

В университете Менжинский очень много работал. Он целыми днями пропадал в библиотеке — делал выписки, конспектировал книги, писал свои замечания.

Однажды он заспорил со своей младшей сестрой, Людмилой, учившейся на педагогических курсах, кто из них больше получает знаний из книг. Решили устроить соревнование. В конце учебного года Людмила притащила большую кипу прочитанных книг и положила ее на стол. Менжинский поставил рядом свои книги. Но его кипа была гораздо меньше, и Людмила торжествовала. Тогда Вячеслав спокойно положил поверх кипы тетрадку с длинным перечнем книг, прочитанных в библиотеке. Людмила созналась, что она побеждена.

Студентом Менжинский прочел произведения Маркса, участвовал в студенческих революционных кружках, перевел на русский язык с немецкого «Эрфуртскую программу». Это была первая социал-демократическая программа, принятая немецкими рабочими на сʼезде в Эрфурте.

В 1898 году Менжинский кончил университет. Надо было выбирать себе дорогу. Товарищи мечтали о карьере, о выгодной женитьбе, о больших окладах и гонорарах. Но Менжинский намечал для себя иной путь, тот, по которому уже давно шел Владимир Ильич Ленин.

За городом вдоль Невы шел тракт — булыжная мостовая на Шлиссельбург. Вдоль этого тракта тянулись мрачные корпуса и заборы заводов, хибарки и домишки рабочих. Это было рабочее предместье Петербурга. В те годы, когда Менжинский учился, там часто можно было видеть Надежду Константиновну Крупскую, занимавшуюся с рабочими в вечерней образовательной школе. Бывал там и Ленин, руководивший рабочим кружком. Там же и Вячеслав Рудольфович в 1899 году стал преподавать рабочим историю.



КОГДА он вечером добирался до здания школы и входил в класс, оказывалось, что все небольшое помещение забито людьми. После 10—12-часовой изнурительной работы рабочие все же тянулись к знанию. Учеников было столько, что дышать было трудно, от духоты начинали жалобно мигать керосиновые лампы (случалось, что и тухли).

Менжинский в своем преподавании далеко выходил из рамок, поставленных полицией. Под флагом истории он направлял мысли рабочих на революционный путь, указывал дорогу борьбы.

В 1902 году Менжинский вступает в партию и скоро переезжает в Ярославль. Там он, как член комитета партии, занимался с пропагандистами, работавшими в рабочих кружках.

1905 год. Менжинский в Петербурге. Это был год первой русской революции. Партия посылает Менжинского на ответственную работу — вести агитацию среди солдат царской армии. Их надо было привлечь на сторону рабочих, чтобы они не расстреливали и не разгоняли демонстраций, обратили оружие против царя. Для пропаганды среди солдат была создана особая военная организация партии; сокращенно ее называли «военкой». Менжинский был одним из ее руководителей и редактировал подпольную газету «Казарма». Революционеры перекидывали газету по ночам через стены казарм, переодевались солдатами и, проскользнув мимо часового, разбрасывали ее в казармах. Это была очень опасная работа, так как за агитацию среди солдат царское правительство судило особенно строго: казнило революционеров, заключало в крепости. Под влиянием большевистской агитации одно за другим стали подни-

маться военные восстания — в Кронштадте, Свеаборге. Свеаборг был очень важной крепостью в Финляндии. Когда там началось восстание против царя, Менжинскому поручили написать воззвание к солдатам и матросам, чтобы они поддержали свеаборгцев.

Предыдущее воззвание Менжинский написал очень неразборчиво, и наборщикам в подпольной типографии было трудно его набирать. На этот раз Менжинский обещал писать покрупнее. Он засел за воззвание и написал его очень разгонисто — оно заняло целую тетрадку.

Вечером собралась редакция «Казармы» вместе с товарищами из районов, чтобы обсудить воззвание. О собрании узнала полиция и незаметно окружила дом. Один из товарищей, идя на собрание, заметил это окружение и расставил вокруг на улицах патрули рабочих. Когда они видели знакомого товарища, подходили к нему и шопотом говорили:

— На собрание не ходите: засада...

Но очень много работников «военки» уже прошло в квартиру. Только было Менжинский раскрыл тетрадь, как полиция взломала дверь и ворвалась в квартиру. Все присутствующие стали уничтожать документы: кто незаметно рвал их, кто проглатывал. Но положение Менжинского было очень незавидно: большую тетрадь не проглотишь и не разорвешь так, чтобы этого не заметили. А тетрадь была уликой, за это воззвание со всеми присутствующими сурово расправились бы. Менжинский быстро окидывает глазами комнату, видит, как полицейские обыскивают товарищей и ползают по полу, подбирая все клочки бумаги. Тогда он быстро положил тетрадь во внутренний карман сюртука, снял сюртук и повесил на спинку стула.

Когда к нему подошли полицейские для обыска, Менжинский был в одной рубашке. Они подумали, что он так и пришел, обыскали его и ничего не нашли.

— Как ваша фамилия? — спрашивает жандарм.

Менжинский называет первую пришедшую ему в голову — Диковский. Он хотел запутать полицейских, чтобы выиграть время и не допустить обыска у сестер, потому что там в этот день должно было быть заседание большевистского центра с участием Ленина, Крупской и других видных большевиков.

После обыска Менжинский как ни в чем не бывало надел сюртук. Его вывели на улицу и посадили в карету. Рядом с ним как с важным государственным преступником сел полицейский. Менжинский думает: как быть с тетрадкой?.. Вдруг полицейский обращается к нему:

— Вы из каких же это Диковских, не из рязанских ли? Недалеко от нашей деревни хороший помещик Диковский жил...

Менжинский обрадовался и говорит:

— Да, да, я из них...— и начал расспрашивать про деревенские дела.

Полицейский словоохотливо рассказывает все деревенские горести и происшествия. Менжинский говорит, что в карете очень жарко, нельзя ли открыть окно.

— Не дозволено... Да уж как вы из Диковских...

Менжинский открыл окно и со вздохом облегчения незаметно выбросил тетрадь.

Менжинского все же посадили в тюрьму и долго держали, не говоря в чем его обвиняют. Тогда Менжинский в знак протеста об'явил голодовку: отказался есть, пока его не выпустят. Первые дни голодовки были самые тяжелые, была тошнота, головокружения. А тюремщики нарочно мучали показывая пищу. Менжинский был тверд и тринадцать дней ничего не ел. Тюремщики, боясь, что он умрет, выпустили его.

На свободу Менжинский вышел без кровинки в лице, худой слабый. Над ним был установлен полицейский надзор. Но ему удалось скрыться от надзора и незаметно перебраться через границу. Десять лет он скитался по разным странам: был в Бельгии, Франции, Англии, Америке, Италии; помогал Ленину издавать в Швейцарии большевистскую газету «Пролетарий».

Но вот пришла радостная весть: царя в России свергли. Менжинский рвется на родину. Но правительства Англии и Франции не пропускают большевиков в Россию. Тогда Менжинский решил пробраться в Россию окружным путем: поехал в Швецию, а потом через финляндскую границу в Россию.

Вместе с ним ехало несколько эсеров. Когда они узнали, что Менжинский— большевик, они стали говорить, что его нельзя пускать в Петербург (это было после подавления буржуазным Временным правительством июльской демонстрации рабочих и солдат в 1917 году).

— Вот доедем поближе, сообщим, чтобы его арестовали,— говорили между собой эсеры.

Но Менжинский перехитрил их. Когда поезд дальнего следования на одной из станций пошел тише, Менжинский соскочил с него на ходу. В Петербург он приехал на дачном поезде.

По приезде в Петербург он сразу же пришел в Центральный Комитет большевиков. Свердлов поручил Менжинскому работать в военной организации партии. Менжинский снова организует солдат, редактирует для них газету. Во время октябрьских дней он был у Зимнего дворца, когда его брали рабочие, солдаты, матросы; присутствовал 25 октября (7 ноября) в Смольном на II Всероссийском с'езде советов и вместе со всеми делегатами горячо аплодировал Ленину, об'явившему о переходе всей власти в руки советов. Долголетняя мечта Менжинского исполнилась.



МЕНЖИНСКИЙ идет на один из труднейших участков работы. Партия большевиков строит новую, невиданную еще на земле власть — власть советов. Приходится бороться с саботажем, с вредительством старых чиновников, буржуазных агентов.

Ленин назначает Менжинского комиссаром финансов.

К роскошному под'езду министерства финансов подошел скромно одетый человек. Внушительный швейцар в ливрее с золотыми пуговицами с недоуменным видом спросил посетителя:

— Вам что угодно, господин?

— Я назначен комиссаром финансов. Проведите меня в кабинет министра...

Швейцар оторопел, но все же взял у Менжинского пальто и провел его в кабинет.

С Менжинским должен был для захвата министерства придти отряд красногвардейцев. Но отряд долго не являлся, и Менжинский решил пойти один. Одного за другим Менжинский вызывал к себе в кабинет чиновников и требовал от них честной работы для нового хозяина— народа.

Вдруг раздается телефонный звонок. Менжинский снимает трубку и спрашивает:

— Кто говорит?

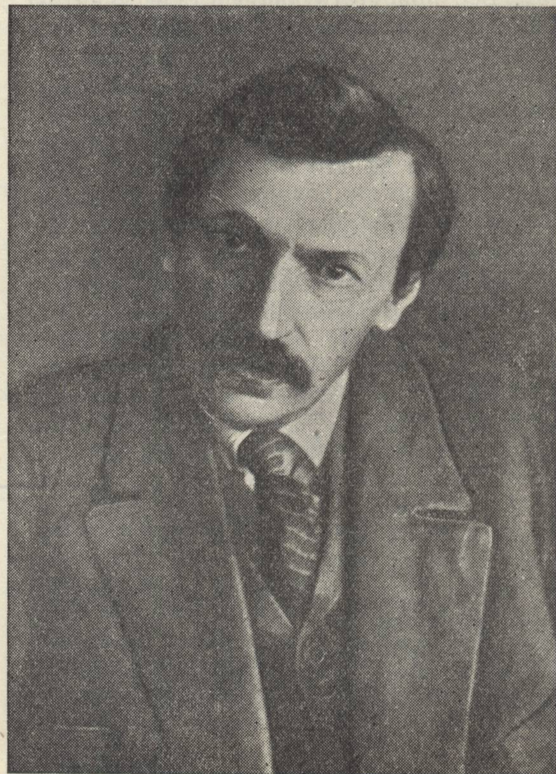
— Министр финансов (его еще не успели арестовать). А со мной кто говорит?

— Народный комиссар по министерству финансов...

Министр от неожиданности помолчал несколько секунд и потом говорит:

— Я вам советую одно: берегите экспедицию заготовления государственных бумаг...

Министр понял, что старой власти пришел конец, раз большевики взяли в свои руки самый главный источник силы буржуазии — финансы и банки. В банках



В. Р. Менжинский в 1918 году.

капиталисты хранили свои капиталы и ценности.

Менжинский энергично принялся за руководство финансами молодого советского государства. Но среди чиновников министерства и банков было много буржуазных холуев. Они саботировали распоряжения Менжинского, приходили на службу, но не работали, отказывались выдавать деньги фабрикам и заводам на заработную плату рабочим. Задержкой заработной платы они надеялись вызвать недовольство рабочих.

Менжинский, посоветовавшись с Лениным, решил действовать решительно и сурово. Саботажников он выгнал с работы, директорам банков пригрозил за саботаж арестом. Об этом было издано постановление за подписями Ленина и Менжинского.

Через час после этого постановления все банки были уже открыты и рабочие получили заработную плату. На место выгнанных саботажников Менжинский пригласил грамотных рабочих. Сначала было очень трудно; чиновники злорадно смеялись над ошибками новых работников. Но через несколько месяцев дело пошло на лад и финансисты от станка работали лучше старых бюрократов.

В программе большевистской партии говорилось о национализации — передаче государству всех банков. Менжинский, по поручению Ленина и Сталина, занялся этим важнейшим делом. С ним надо было спешить, потому что капиталисты пытались получить деньги и ценности из частных банков и удрать с ними.

27 декабря 1917 года был издан декрет о национализации банков. Отряды красногвардейцев заняли их. Был создан единый Государственный банк, и все капиталы, награбленные буржуазией и помещиками, перешли в руки государства трудящихся. Ленин писал: «...рабочий контроль и национализация банков начали проводиться в жизнь, а это именно и есть первые шаги к социализму...»



ЛЕТОМ 1919 года, в августе, партия посылает Менжинского на помощь бесстрашному рыцарю революции Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому—на работу во Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией (ВЧК).

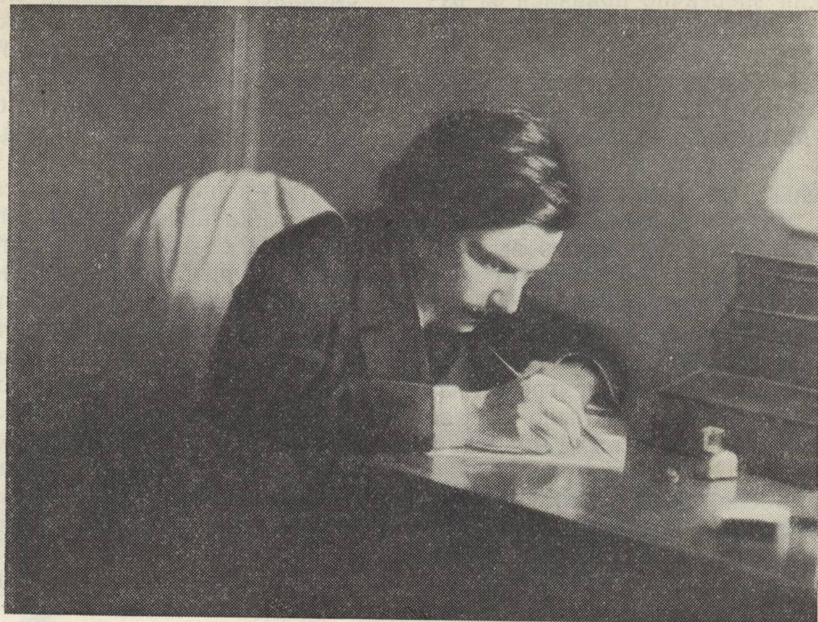
Это были самые грозные дни для Советской республики. Со всех сторон наступали белогвардейские полчища. Предатель Троцкий делал все возможное, чтобы незаметно вызвать поражение Красной Армии.

Белогвардейцы с помощью иностранных разведок пытаются нанести удары и внутри страны. Дзержинский вместе с Менжинским раскрывают один за другим контрреволюционные заговоры, уничтожают агентов иностранных разведок, подавляют кулацкие восстания. Ленин называл ВЧК «разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть...»

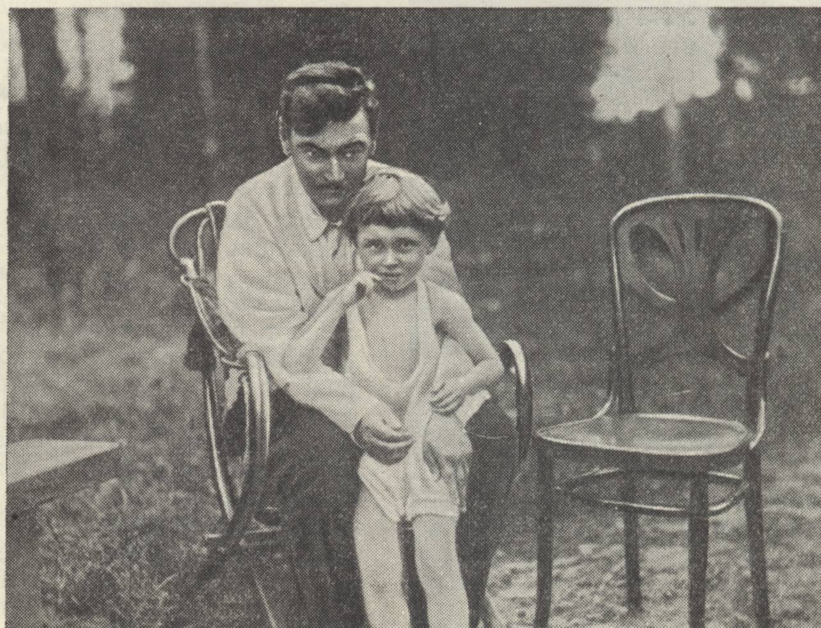
Семь лет Менжинский помогал Феликсу Эдмундовичу разить врагов советской власти, учился у него большевистской зоркости. После смерти тов. Дзержинского, в 1926 году, Менжинский становится председателем ОГПУ. Менжинский продолжает беспощадную борьбу с врагами народа так, как это делал его учитель, первый чекист, замечательный большевик, Феликс Дзержинский.

Дни и ночи напролет работает Менжинский, распутывая сложные нити шпионажа и вредительства, по отдельным намекам и показаниям добираясь до центров вредительских организаций, до коварных замыслов врагов народа.

Так была раскрыта вредительская организация в Донбассе. По заданию иностранных разведок укрывшиеся враги старались скрыто напакостить, навредить, сорвать социалистическое строительство. В Донбассе то и дело происходили аварии: то шахту зальет водой, то неожиданно появится газ и отравит рабочих, то вдруг хорошая шахта закрывается, а углекопов посылают разрабатывать такие места в шахтах, где и угля было мало и опасно работать. Как ни маскировались «шахтинцы», их все же раскрыли и обезвредили. Затем работники ОГПУ под руководством Менжинского раскрыли и другие вредительские организации. Надежды иностранных разведок на эти организации провалились. Капиталистические, фашистские разведчики, посылае-



Вячеслав Рудольфович дома за работой.



Вячеслав Рудольфович на отдыхе.

мые в СССР, не уходили от глаз советской разведки.

Менжинский был верным сыном народа, преданнейшим бойцом партии Ленина—Сталина. Он ненавидел двурушников, предателей, врагов народа. Менжинский, прошедший большую школу работы под руководством Ленина и Сталина, очень остро чувствовал все, что приносило вред партии, нашей родине. Не раз вскрывал он связи троцкистско-бухаринской банды с контрреволюционными буржуазными организациями. Незадолго до XV с'езда партии, в 1927 году, на Пленуме ЦК ВКП(б) Менжинский разоблачил связь троцкистов с белогвардейцами, разоблачил предательскую роль подлейшего фашистского бандита Троцкого.

На этом же Пленуме ЦК товарищ Сталин говорил: «Сообщение тов. Менжинского с показаниями арестованных не оставляет никакого сомнения в том, что одна часть «работников» нелегальной антипартийной типографии троцкистов связана, безусловно связана, с контр-революционными элементами из белогвардейцев».

XV с'езд партии вышвырнул троцкистско-зиновьевских изменников из рядов партии.

Менжинский по-большевистски разоблачал врагов народа. Презренная банда шпионов, диверсантов и предателей, пробравшаяся в органы советской власти, боясь разоблачения, решила убить Менжинского.

Менжинский последние годы своей напряженной, без остатка отданной партии жизни часто болел. И вот враги народа, изуверы, решили воспользоваться этим и незаметно убить верного стража безопасности нашей родины. Враги перевезли больного Менжинского в только что отремонтированную квартиру. В краску было добавлено ядовитое вещество, которое должно было вызвать удушье у Вячеслава Рудольфовича. Но организм Менжинского справился с ядом. Тогда враги народа послали к нему извергов-врачей. Под видом лекарств эти негодяи давали Менжинскому такие вещества, которые ухудшали его здоровье, подрывали организм. Родные Вячеслава Рудольфовича не могли понять, почему после лечения он теряет силы, худеет, чувствует себя хуже. Им и в голову не приходила мысль, что это — не лечение, а медленное отравление.

Нет предела злодейству, до которого могут доходить враги народа, гнусное отребье человечества.

Менжинский не мог прожить без работы ни одного часа. Больной, слабый, он боролся с болезнью и продолжал работать. Вечный труженик работал до последнего часа своей жизни.

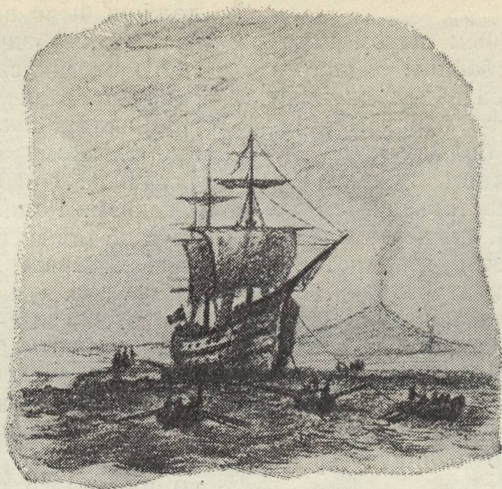
10 мая 1934 года Менжинского не стало. Замечательный большевик погиб на боевом посту от руки врагов народа.

Последнюю смену почетного караула у гроба Менжинского несли товарищ Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП(б).

...В седую Кремлевскую стену замурована урна с прахом великого сына советского народа В. Р. Менжинского. Рядом замурованы урны с прахом других великих людей сталинской эпохи: Кирова, Куйбышева, Максима Горького. Все эти товарищи погибли от проклятой народом банды троцкистско-бухаринских извергов и предателей.

Великий советский народ отомстил за гибель своих прекрасных сынов: стер с лица земли лютых врагов социалистической родины.

Память о Кирове, Куйбышеве, Менжинском и Горьком вечно будет жить в сердце советского народа.



Капитан «Дианы»

Повесть А. Зонина

Окончание

Рис. П. Кузьмичева

Глава третья. Залив измены

1

В конце апреля 1811 года матросы «Дианы» прорубили во льдах Петропавловского рейда канал, и шлюпки отбуксировали корабль на открытую воду. Наконец, после восемнадцати месяцев скучной стоянки в портах Камчатки и Русской Америки, Головнин получил приказ министра и мог вести «Диану» в неизвестные моря, мог приступить к исследованиям.

Ветер с берега не заставил себя ждать. «Диана» под всеми парусами вышла из залива. Скрылись прижавшиеся к земле жалкие избушки селения Петропавловского, растаяло в небе темнокрасное облако пепла над Авачинской сопкой, ушла в море отливающая голубыми снегами Поворотная гора. Первые сутки шлюп быстро подвигался к югу, но у третьего из Курильских островов вошел в плотный туман.

Командир «Дианы» вынужден был убавить паруса и подолгу держать корабль в дрейфе. Резкие, холодные шквалы гнали с севера ледяное крошево, встречались и высокие айсберги, столкновение с которыми грозило деревянному кораблю смертельной опасностью. То и дело боцманский свисток звал людей наверх.

Только на десятый день «Диана» вошла в пролив «Надежды», названный Крузенштерном по имени своего корабля. Перед моряками открылся остров Расшуа с дымящимся снежным пиком Сарычева.

В этот день Головнин рассказал команде о задачах экспедиции, о том, как в начале восемнадцатого века наш соотечественник Козыревский открыл Курильские острова и как тщетно пытались многие путешественники описать эту длинную гряду больших и малых островов, протянувшуюся мостом между Камчаткой и Японией; как в 1779 году, едва английские корабли увидели два острова, бури прогнали их до сороковой широты; как знаменитый Лаперуз, пройдя между Сахалином и Матсмаем (Хоккайдо), обнаружил три южных Курильских острова, а дальше ему помешали плыть туманы; как наш мореход Сарычев в 1792 году видел многие вершины Курильских гор, но из-за

этих же непроницаемых туманов не смог определить географического положения островов; как через четыре года был в этих местах англичанин Бротон и опять ему не благоприятствовала погода; как, наконец, Крузенштерн три раза проходил у Курил и с разных сторон описал их северную часть от мыса Лопатки до острова Расшуа...

— Вон того, что перед нами, — заключил Василий Михайлович. — Значит, отсюда мы и начнем свою опись.

После рассказа командира в кубрике шли оживленные разговоры. Были скептики, которые находили, что «Диана» успеет не больше чем ее предшественники и что туманы заставят не солоно хлебавши уйти в Петропавловск. Но были и оптимисты; они ссылались на слова капитана, что и Лаперуз, и Сарычев, и Крузенштерн приходили к Курильским островам в конце лета и даже осенью, а «Диана» идет вдоль гряды ранней весной. Вожаком оптимистов был Шкаев. Он всегда вызывался первым в шлюпку, что шла на промеры и описания берегов, и ревностно таскал за Хлебниковым секстант и другое несложное имущество ученого штурмана.

Впрочем, и оптимисты и скептики в душе одинаково верили своему командиру и одинаково хотели, чтобы эти отдаленные владения России[1] не были описаны иностранцами прежде русских моряков.

Из всего экипажа «Дианы» один Мур не был захвачен горячкой географических открытий. Мур последнюю зиму пробыл в Охотске; узнав там о враждебном отношении японцев к русским, он смертельно боялся, что «Диана» потерпит крушение, и уже видел себя умирающим под пытками или от голода.

20 мая в шканечном журнале «Дианы» отметили первую встречу с курильцами на острове Ушисир. Вахтенный начальник записал, что курильцы об'ясняются по-русски и одеваются как камчадалы, а женщины покрывают синей татуировкой нижнюю часть лица и руки. Сношения с курильцами помогли уточнить названия и число островов, исправить ряд ошибок Лаперуза и Бротона.

Но командиру «Дианы» некогда было радоваться. Когда шлюп оставил неизвестный до сих пор пролив, названный именем «Дианы», начались штили. Паруса беспомощно повисли. Однажды течение погнало корабль на камни. Было время прилива, на прибрежных бурунах перекатывались громадные океанские валы. «Диану» несло на них, несмотря на то что экипаж в шлюпках изо всех сил пытался отвести корабль от камней. К счастью, в самый опасный момент задул ветер от зюд-веста, корабль смог опаруситься и обойти страшные рифы.

Потом случилась другая беда. Выяснилось, что в трюме погибли почти все запасы воды. Головнин не сразу поверил этому донесению и сам спустился в трюм. При свете двух фонарей он увидел в тесном пространстве между бочками целое озеро. Вода мерно хлюпала, подчиняясь килевой качке. Ее темное зеркало отражало угрюмое лицо капитана, дрожащее пламя фонарей и позеленевшие ободья бочек. Виновники несчастья, прогрызшие бочки крысы, не страшась людей и света, с писком шмыгали под ногами у моряков. Головнин стучал каблуком в крышки бочек. Все они издавали гулкий звук, означавший, что внутри пусто. Распорядясь поставить насосы и выкачать испорченную воду за борт, Василий Михайлович сумрачно поднялся на шканцы.

— Эко дело, — беспечно утешил его Рикорд. — Возьмем воду на пути.

— Японцы считают острова к югу от острова Симусир своими владениями.

— Да что японцам воды жалко?

Головнину не хотелось идти в обратный путь, терять дорогое короткое время, благоприятное для плавания. Не хотелось откладывать на другой год исследование Сахалина и разрешение спорного вопроса, чем же, в конце концов, является эта земля: островом, как заявляют русские промышленники, или полуостровом, как авторитетно утверждал Лаперуз? Но в то же время Василий Михайлович полностью отдавал себе отчет, что японцы могут учинить немало неприятностей. О коварстве японских властей заявляли все мореплаватели. Вглядываясь в зеленые, лесистые скаты гор южных Курил, Василий Михайлович нервно ходил по шканцам и припоминал невеселую историю отношений России и Японии.

---

[1] Курильские острова известны русским с начала восемнадцатого века; в 1854 году по договору с Японией признаны русскими владениями, в 1875 году обменены на южную половину Сахалина, вновь захваченную Японией после войны 1904—1905 годов.

Тридцать с лишком лет назад у алеутского острова Амчите потерпели кораблекрушение японские рыбаки. Русские спасли их и привезли в Иркутск. Екатерина Вторая велела доставить японцев на родину. В 1792 году штурман Ловцов повел из Охотска в Японию транспорт «Екатерина». На корабле, кроме японцев, был специальный чиновник для переговоров с японским правительством — поручик Лаксман. Японские власти об'явили послу, что, по их законам, иностранцы могут приходить лишь в порт Нагасаки, а в остальных портах Японии надлежит их арестовывать и оставлять в вечной неволе.

Японцы не обрадовались возвращению своих соотечественников. Жестоко и равнодушно заявили они, что несчастные принадлежат тому государству, в которое занесены судьбой. Лаксман привез только предложение японского правительства прислать в Нагасаки русский корабль для переговоров о торговле. Через десять лет такой русский корабль зашел в Нагасаки: это был корабль кругосветной экспедиции Крузенштерна с послом, камергером Резановым. Но переговоры Резанова вследствие происков голландцев кончились полной неудачей. А после этого была глупая, недостойная русского имени авантюра Хвостова, командира судна Российско-Американской компании, разгромившего японское поселение в заливе Анива, на Сахалине.

Совершенно ясно, что ничего хорошего от японцев, несмотря на свою мирную исследовательскую задачу, русская экспедиция ждать не могла. Капитан «Дианы» уже готовился проложить на карте маршрут к Охотску, когда встреча на острове Итуруп как будто опровергла его опасения.

19 июня с «Дианы» заметили прибрежное селение. Выслали шлюпки для опроса населения о береговой линии и промеров в бухте. Неожиданно в курильском селении оказались японские солдаты и какой-то чиновник. Головнин встретился с ним и довольно сносно об'яснился через двух переводчиков: в курильском селении были жители северных островов, говорящие по-русски, а среди японских солдат многие понимали по-курильски.

Выйдя на берег, Головнин увидел шеренгу узкогрудых фигурок в громоздких латах. Приставив к ноге старинные мушкеты и торжественно держа зажженные фитили, они походили на оперных статистов, выброшенных кораблекрушением, но продолжающих свою неловкую и жалкую игру.

Мур приехал раньше, в первой шлюпке. Он подвел к Головнину курильца Алексея, сносно об'яснявшегося по-русски. Василий Михайлович радушно протянул широкоскулому улыбающемуся парню руку и поклонился японскому чиновнику. Японец оскалил желтые зубы, поднес правую руку ко лбу, наклонил вперед тело в плотной кольчуге.

Длинная беседа началась с вопросов о Хвостове. Василий Михайлович рассказал, что Хвостов наказан. Потом обстоятельно пояснил, что нужны пресная вода и дрова, что за все услуги он заплатит.

Алексей перевел ответ чиновника:

— Вы идти туда, за сопки, там большое селение есть, Урбитч звать. Господин давать бумага к большой начальник, пожалуйста, бери, чего надо.

Головнин искренно обрадовался неожиданному миролюбию японцев. Договорясь, что письмо к вечеру привезет на «Диану» Алексей, он дружески простился с чиновником и быстро зашагал к шлюпке. Он не видел злой усмешки японского начальника. Но Алексей и другие русские курильцы, толпой следовавшие за Головниным, поколебали его наивное довольство и радужные надежды. У самой воды Алексей вдруг ухватил командира «Дианы» за рукав и быстро сказал:

— Тебе, капитан, япони бояться. Тебе не верить. Не ходи япони.

Головнин остановился.

— Вот как,— медленно сказал он.— А ты что? Откуда ты и зачем здесь?

— Я с Расшуа. Мы кужи[1]. Тут мало-мало продай, мало-мало купи.

— Так, так... Ладно, послушай еще, что японцы говорят... Приедешь на корабль? Расскажешь?

— Моя русски,— обиделся Алексей. — Моя приехать.

Ночью «Диана» снялась с якоря, увозя с собой курильца Алексея. Его предостережение усилило тревогу Головнина. Очень возможно, что японцы и впрямь ведут двойную игру. Василий Михайлович недоверчиво вертел в руках письмо японского начальника в Урбитч. Он дорого дал бы за расшифровку непонятных иероглифов. Может быть, это письмо — оружие против них? Но в то же время

[1] Курильцы.

мысль о продолжении путешествия в этом году мешала ему последовать голосу осторожности. Он решился идти в японскую гавань, хотя и не в Урбитч. Алексей рассказал, что на южном берегу острова Кунашир, против Матсмая, есть безопасная гавань и крупное селение. Значит, можно сочетать необходимый заход за водой и продуктами с завершением описания Курильских островов. Можно пройти проливом, который еще не посещал ни один европейский корабль, и оказаться в Сахалинском море!..

«Идем в японскую гавань»,— твердо записал Головнин в судовом журнале.

Ветры и туманы задержали «Диану». В туманах моряки бились у островов Итурупа, Чикотана и Кунашира до четвертого июля. В этот день, под вечер, открылась длинная низкая коса, а на рассвете следующего дня «Диана» вошла в Кунаширскую гавань...

2

Туман уходил вверх по распадкам. Открылся каменистый берег; по горной тропе вереницей взбирались навьюченные лошади. Стал виден длинный палисад крепости, примкнутый к отвесным сопкам. Белые, черные, темносиние полосы бумажной материи и грубые щиты с намалеванными устрашающими бойницами покрывали стены, на косогоре над высокими крышами домов пестрели флаги и блестели медные ободья приподнятых остриями вверх башенок храма. Шлюпка «Дианы» быстро плыла к берегу. Рикорд, не отрывая глаз от подзорной трубы, пробормотал:

— Командир сейчас пристанет. Странно, что из города никто не появляется.

В это время крепость окуталась густым черным дымом. Глухие частые удары пушек донеслись через залив на корабль. Труба дрогнула в руках Рикорда. Он увидел, как одно ядро всплеснуло воду перед носом шлюпки, а другое выбило весло из рук переднего гребца.

— Андрей Степанович, отправляйтесь на поддержку! — взволнованно крикнул он.

Хлебников, не дослушав приказания, прыгнул в баркас. Три лодки дружно оттолкнулись от борта и пошли к берегу.

Беспорядочная пальба продолжалась. Шлюпка Головнина часто исчезала в брызгах воды, и тогда всем на корабле казалось, что она пошла ко дну, что люди в ней перебиты. Но японцы стреляли дурно, и все кончилось разбитым веслом. Через несколько минут Рикорд с облегчением опустил подзорную трубу: Головнин ушел с дистанции пушечного огня.

Головнин поднялся на борт возмущенный:

— Бесчестные люди! Думать нельзя было о такой подлости!.. Подпустили шлюпку к самому берегу, а потом открыли огонь... По десанту, что ли? И кого они боялись? Семи безоружных людей!

— Подойдем ближе, ответим нашими пушками. Они будут действительнее их бутафорского огня! — загорячился Мур.

Головнин от этих слов сразу успокоился и с обычной ровностью ответил:

— Мне, Федор Федорович, дано задание описать Курильские острова, а не воевать их.

— Но на вас напали?

— Это я донесу рапортом министру.

Мур пожал плечами и отошел с видом человека, напрасно пытавшегося внушить смелые решения слабому начальнику, но на самом деле он был доволен: теперь Головнин пойдет в Охотск или Кантон.

С такими надеждами Мур проснулся на другое утро и, посвистывая, поднялся на палубу. Оранжевый диск солнца уже лежал на воде; от корабля убегали длинные тени и ломались в тумане. Казалось, что в небе бродят черные силуэты гигантов. Берег мирно спал, и на мысах догорали огни ночных костров. У борта стояли Головнин и Рикорд. Мур приложил руку к фуражке и подошел к ним.

— Вы, что ж, голубчик, не доспали? Ваша вахта еще не скоро,— ласково обратился к своему любимцу Головнин и, не ожидая ответа, снова повернулся к Рикорду:

— Деньги дал голландской монетой. Ее японцы знают. Оценивай, что возьмешь, добросовестно. Я нынче в таком рассуждении насчет японцев: надобно втемяшить им, что не собираемся их грабить, жечь, полонить. Не поймут,— ладно, попробуем другие знаки. Есть у меня еще мысль, я ее обмозгую с рисовальщиком нашим,— Головнин дружелюбно кивнул на Мура.— Ну, простимся, Петруша.

Они поцеловались. Только теперь Мур заметил у шторм-трапа двенадцать матросов.

«На берег едут! Значит, не уходим». И все радужное настроение мигом слетело. Захотелось уйти в каюту, выпла-



Шлюпка «Дианы» быстро плыла к берегу.

каться за все четыре года волнений. Но Головнин, отпустив Рикорда в шлюпку, подхватил Мура под руку и утащил к себе в каюту делиться новой идеей. Идея Головнина состояла в том, чтобы аллегорически уяснить японцам свои желания. На воде перед городом укрепили бочку, перегороженную пополам. В одну половину поставили кружку с пресной водой, положили полено и горсть риса, в другую — сукно, вещи из хрусталя, бисер и испанские пиастры. Бочка обозначала: «Вот то, что нам нужно, а вот то, чем собираемся расплатиться». Сверх этого положили рисунок Мура, на котором из крепости стреляли пушки, а орудия «Дианы» оставались в бездействии: «Зачем вы нападаете, коли мы вас трогать не хотим?»

Японцы увезли бочку, затем на ее месте сбросили другую, с иероглифическим письмом и двумя рисунками; на обоих были изображены гавань, шлюпка и корабль, но на первом пушки из крепости стреляли, а на втором дула орудий обращены были назад. Деньги, оставленные Рикордом за найденные на берегу сушеную рыбу и рис, японцы тоже взяли. Итак, можно было считать, что кунаширские власти оценили мирные намерения русских. Все же Головнин решил подождать новых предложений из крепости. Восьмого июля матросы «Дианы» стали возить воду из устья речки, лежавшей в стороне от крепости. Девятого, когда эту работу возобновили, появился парламентер-курилец. Держа деревянный крест, он робко приблизился к матросам. Через Алексея удалось понять, что японский начальник предлагает русскому начальнику встретиться.

Десятого, поутру, шлюп подошел на пушечный выстрел к крепости. С берега японцы приветливо махали белыми веерами, делали знаки, приглашали к себе. Головнин с Алексеем и одним матросом высадились неподалеку от ворот крепости. Появился японский начальник. Он шел подбоченясь, медленно переступая и выворачивая ноги в стороны.

— Ишь, какой ферт! — фыркнул матрос при виде кривляющегося человека, стиснутого узкими латами и обвешенного оружием.

Головнин строго покачал головой и пошел навстречу чиновнику. Японец настоятельно переспрашивал, кто является старшим начальником корабля. Уверение Го-

ловнина, что это он и есть, видимо, обрадовало японца. Он стал расспрашивать о Резанове, о том, есть ли в России люди, умеющие говорить по-японски. Принесли столик, начальник уселся на цыновке, записал ответы Головнина, предложил чаю. Снова вскочил и показал рукой на шлюпку «Дианы», где оставались настороже вооруженные матросы:

— Наверное, матросы устали? Пусть тоже расположатся на берегу, их покормят...

Головнин поблагодарил за любезность: он скоро отправится.

— Зачем спешить? — удивился любезный хозяин.

После угощения японец стал настойчиво приглашать Головнина в крепость, к главному начальнику, уклоняясь от прямого ответа о доставке провианта и топлива. Василий Михайлович согласился сейчас же пойти в город, если один из чиновников это время пробудет на «Диане». Японец вздохнул, развел руками.

— Это,— пояснил он,— совсем невозможно: закон страны не разрешает посещать чужие корабли.

— Он спрашивать,—перевел Алексей,— твоя зачем не верит его добрый ум?

Головнин смутился. «Что я, в самом деле,— попенял он на себя,— будто хитрых дикарей берегусь?» И пообещал завтра непременно быть в крепости.

Вечером Якушкин, ездивший за рыбой, повторил приглашение. Японцы просят капитана приехать со всеми офицерами.

— Даже со всеми? — усмехнулся Василий Михайлович.

Он подумал, что юноша привирает из желания увидеть восточные церемонии.

3

День выдался солнечный. На городской площади, вокруг палатки из полосатой бумажной материи, стояли солдаты, человек триста—четыреста. Кругом толпились курильцы, вооруженные луками. От толпы шел едкий, душный запах рыбы, черемши и редьки.

— Парадно, — заметил Хлебников.

Ему было жарко в узком мундире, который он не надевал с самого Петербурга. Он критически посмотрел на свою шпагу:

— С таким оружием здесь не оборониться.

— Милейший Андрей Степанович, против тысячи человек, будь мы до зубов вооружены, всемером не совладать!

Церемония приветствий в палатке начальника прошла на ногах. Потом для русских принесли скамьи. Матросы чинно уселись за офицерами. Алексей опустился на пол перед Василием Михайловичем. Головнин представил офицеров: Мура и Хлебникова.

Обмен новыми любезностями. Ничего не значащие вопросы о чинах, именах, названии корабля. Раскосые глаза главного начальника устремлены в одну точку. Он однообразно вертит в руке жезл с шолковым шнуром. Пора, наконец, заговорить о деле. Но японский начальник все еще задает вопросы. Алексей переводит:

— Главны тойон[1] говорить: сколько люди будет кушать, сколько люди на корабле есть?

— Скажи: сто и еще два.

— Теперь исправник (страх Алексея перед неподвижным важным японцем рос, и он дал ему самый большой из известных ему после генерала чинов) говорить: такой корабль сколько есть здешней море?

— Много скажи. В Охотске, на Камчатке, в Америке.

Пока Алексей переводил, Мур срывающимся шопотом позвал:

— Василий Михайлович, обернитесь: на площади солдаты обнажили сабли.

Головнин положил руку на дрожащее колено Мура:

— Возьмите себя в руки. Если японцы замыслили недоброе, наш страх ухудшит положение.

Он говорил это с улыбкой, как будто делился впечатлениями о приеме.

Главный начальник прищурился, встал. Сделал прощальный жест.

— Исправник будет опять придти. Вам сейчас обед давать, — перевел Алексей и добавил от себя: — япони вкусно кормить.

В самом деле, вносили блюда с рисом, рыбу в соусе с зеленью, крабов, перец в сахаре.

Головнин встал, твердо сказал:

— Дожидаться нам некогда, за угощение спасибо, но надобно дело решить. Когда привезут провиант и топливо?

Кунаширский начальник недовольно поморщился, потоптался, вернулся на свой

[1] Начальник.

стул и прикрылся веером. Головнин сделал знак своим. Все опять уселись. В палатке стало тихо, и с площади ворвались возбужденные голоса.

Вдруг японец отбросил веер и заговорил резко и торопливо.

Алексей презрительно фыркнул:

— Сей начальник — совсем не исправник, совсем не тойон. Исправник есть в Матсмай. Он снабдить не могу. Он писать Матсмай. Он хотеть: русский начальник оставить крепости аманат [1]. Потом ответ приходи. Русский, пожалуйста, уходи. Он дрянь, его слушай не надо, — решительно заявил Алексей.

Головнин сдержанно покачал головой:

— Алексей, переводи хорошо, ругаться нельзя. Скажи, что аманата не оставлю и дожидаться ответа не буду. Этот начальник будет спрашивать начальника на Матсмае, а тот пошлет в Иеддо! Этак до зимы стоять будем. Скажи, мы уходим, — и Василий Михайлович опять поднялся.

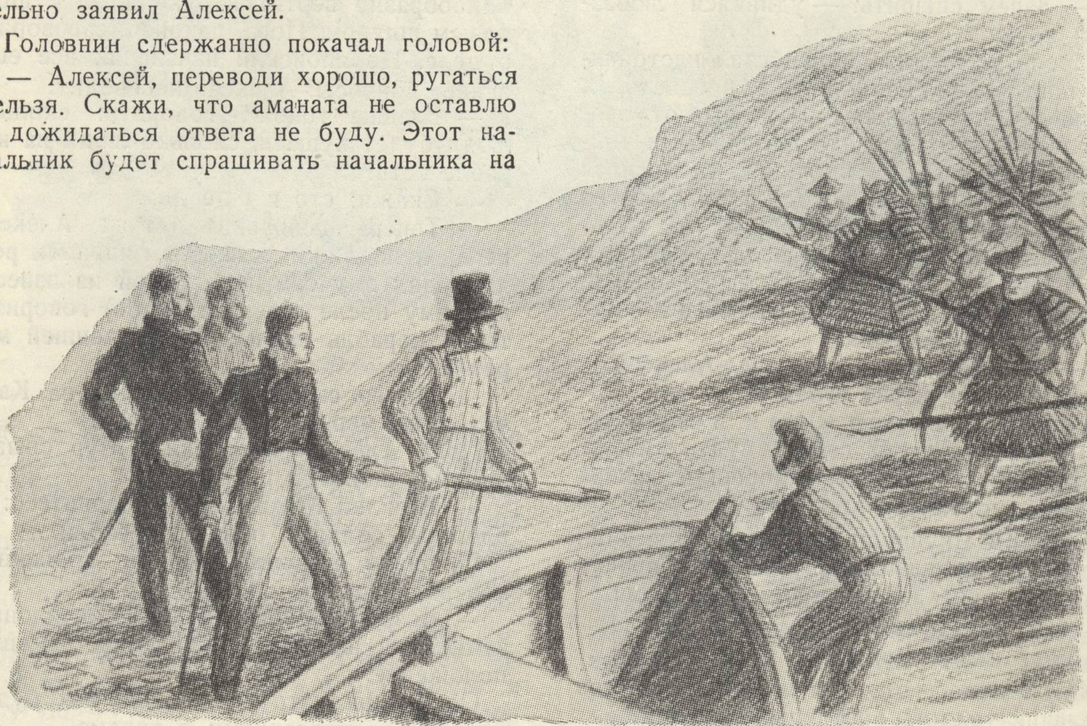
Но японец жестом остановил их. Он бросил жезл и стал кричать, показывая на себя и на русских, закатывая глаза и хватаясь за саблю. Головнин шепнул Хлебникову, не поворачиваясь к нему:

— Предупредите матросов, надо бежать к шлюпке... Ну, Алексей, что говорит начальник?

— Он говорить, если мы уходить на корабль, ему брюхо харакири, резать ему брюхо.

— Вот что! Живо к шлюпке! — крикнул Головнин, опрокидывая скамью и выхватывая шпагу.

Чиновники и караульные солдаты в страхе попятились. Мур растерянно бросил свою шпагу. Головнин выскочил на площадь. Хлебников, Васильев, Симонов, Макаров и Шкаев бежали рядом. Толпа курильцев шарахнулась в переулки.



Толпа окружала их с диким воем «Банзай!»

— Скорее, ребята! Не оглядываться! — крикнул Головнин, пропуская безоружных матросов вперед.

Но Шкаеву в этот момент бросили под ноги весло. Он споткнулся, но ловко подхватил весло и ударил солдата, зажигавшего фитиль своего мушкета.

— Беги же! — толкнул Головнин матроса.

— Куда бежать? Дядю Спиридона вяжут! — отчаянно закричал Шкаев, показывая на площадь, где целая толпа навалилась на старика Макарова, но не могла его осилить.

[1] Заложник.

— Беги, говорю! — сурово повторил Головнин.

— Шкаев, помоги! — взмолился в это время Васильев, которого сбили с ног поленьями.

Но Хлебников уже отбросил шпагой двух солдат, сунул в руки Симонову саблю и помог Васильеву подняться.

Эти пять человек, пробившиеся сквозь сотни врагов и уже вооружившиеся, внушили толпе страх. Она ревела, но больше не смела приблизиться. И моряки легко достигли ворот. Василий Михайлович в разодранном мундире, с окровавленной шпагой шел позади всех и, задыхаясь, спрашивал:

— А Мур где? Где же мичман?

— Мур! Мур шпагу сдал в палатке, — проворчал Хлебников на ходу.

— Не может... — слова Головнина заглушил залп из мушкетов.

Пули со свистом пролетели над их головами. Без слов, как по команде, все пригнулись и выбежали из ворот. Они опередили врагов на сотню шагов. Сейчас они будут в лодке.

Был час отлива, мощного отлива на Тихом океане, когда вода далеко уходит. Симонов, бежавший впереди, увидел шлюпку, грузно сидящую в крупной гальке, упал на землю и зарыдал:

— Погибли!

— Дитя малое, заплакало! — налетел Шкаев. — Становись! Навались! — закричал он с остервенением.

Но усилий пяти людей было недостаточно, чтобы вырвать шлюпку из гальки.

Хлебников первый это понял. Он стал спиной к воде, лицом к набегавшей толпе, к сверкавшим на солнце саблям, к щетине копий и железных палок и грустно сказал:

— Друзья, посмотрите в последний раз на нашу «Диану»...

Симонов снова рыдал. Васильев продолжал судорожно толкать своим телом шлюпку, и на теплое дерево брызнула кровь из-под стиснутых пальцев. Шкаев со злым, горящим взглядом встал, загораживая собой Головнина, и поднял весло:

— Эх, помирать с собой позову макак!

Василий Михайлович мягко взял весло из его рук:

— Не надо самоубийства...

Он старался не выдать себя, но холод охватывал его. Оголенные, тонкие мачты «Дианы» были так близко и так далеко. Он с тоской угадывал родной флаг на гротмачте. Еще есть время броситься в воду. Но не все умеют плавать. Надо разделить участь товарищей... «Мы не умерли, но для нас все умерло, — подумал он. — Прощай, «Диана!..»

Толпа окружала их с диким воем «Банзай!» Он почувствовал тошноту от тяжелого дыханья, от непереносимых запахов рыбы, редьки, лука. Потом мелькнули железные палки, и удар наотмашь оглушил его.

«Прощай, Россия!..»

Уводя «Диану» из Кунашира, Рикорд назвал этот залив Заливом измены.

4

Высокие гребни тяжело разбивались об острые скалы. Норд-ост подхватывал соленые брызги и бросал их вверх на площадку крутого берега, на солдат, закутавшихся в рогожи, на полотнище шатра, на беспомощно распластанных, привязанных к узким доскам пленников. От брызг становилось нестерпимо холодно. Тряпье и веревки, пропитанные соленой водой еще во время длинного переезда морем с Кунашира до острова Матсмай[1], раз'едали раны. Хитрая сеть, опутавшая все тело, впивалась в набухшую кожу. Матросы стонали в полузабытьи, Мур непрерывно кричал: «Пить, пить!..»

Медленно, упорно Головнин старался повернуть голову. При каждом усилии прерывалось дыхание, но он снова напрягал мускулы: он хотел видеть товарищей, видеть врагов. Больше чем боль в теле давило то, что его глаза были прикованы к нависшей скале и грязносерому небу над нею. Он продолжал безуспешную борьбу с веревками, с доской, в которую точно вбиты были его спина и затылок, даже тогда, когда из носа хлынула кровь. И еще больше мучило то, что он не разгадал вероломства японцев. Ведь их поведение удивительно походило на заманивание европейцев полинезийскими дикарями! А кто на «Диане», да и среди всех русских моряков, лучше Головнина знал историю ужасной смерти капитана Мариона в Новой Зеландии, историю нападений на Кука? Странно, что он изменил своей

---

[1] Матсмай, или Хоккайдо, или Иессо — южный и самый крупный из Курильских островов. Теперь он считается одним из основных японских островов. Во времена Головнина был японской колонией, населенной преимущественно курильцами — айно.

обычной осторожности. Но, с другой стороны, возможно ли было считать просвещенный народ дикарями? Настолько дикарями, чтобы напасть на мирную научную экспедицию? Оказалось, можно! Самые опасные дикари — дикари по духу, просвещенные дикари.

Скучающие солдаты давно толпились вокруг командира «Дианы» с любопытством жестоких детей, следящих за бьющейся в банке мухой. Головнин вдруг рванулся и скосил глаза. На одну секунду он увидел неподвижное тело Хлебникова и скорченные фигуры солдат. Он попытался позвать штурмана, но в ушах зазвенело, и густая теплая соленая жидкость наполнила его рот. Он успел понять, что его ударили ногой в челюсть, и удивился, что не почувствовал боли. Потом веки его бессильно опустились. Он словно полетел в бездну.

Очнулся Василий Михайлович к вечеру. Он лежал в траве, и над ним склонялось озабоченное доброе лицо Хлебникова.

— Где мы?

— Весь день шли на юг. От досок отвязали и путы оставили только на ногах.

— Наши товарищи?

— Ничего. Васильев только плох был, да и ему теперь полегчало.

Василий Михайлович приподнял голову. Опять зазвенело в ушах.

— Проситься надо в Китай. Из Пекина в Кяхту, а там Россия.

— Потом, потом... Соберитесь с силами, — Хлебников помолчал и безнадежно добавил: — Думаю, нас не выпустят. Все новое начальство приезжает, солдат все больше...

Молча они смотрели в сторону костра, за которым сидели на корточках три японца. Молодой и старик в простых халатах с обнаженными головами слушали толстого чиновника, потом старик, три раза склонив голову до земли, отполз в сторону.

— Старик — переводчик будто, — сказал Хлебников. — А этот идол — советник губернатора матсмайского. Подлец! Долго не позволял мне помочь вам. Его звать Отахи-Коеки.

Отахи-Коеки, оставшись с молодым японцем, невозмутимо обмахивался веером. Потом заговорил по-японски:

— Мысли иностранцев очень важно знать. Кумаджеро стар. Сначала он будет переводить слова пленников. Потом выучитесь вы, Теске. И будете не одни слова, а и мысли их переводить. Вы станете другом красноволосых. Их тайны будут ваши тайны. Мы будем вам позволять кое-что говорить об Японии. Не очень много. Сколько надо, чтобы вам верили.

Теске, подобно Кумаджеро, низко поклонился Отахи и отполз в сторону.

Чиновник, сжав губы, обмахивался веером. Терпение, терпение! Надо только, чтобы пленники не умерли раньше времени. Он хлопнул в ладоши, приказал достать носильщиков, хорошенько кормить пленников и следовать без спешки вдоль восточного берега до Хакодате.

Глава четвертая. Пленники

1

У решотки сарая в караульне задули ночник. Рассвет медленно побеждал ночь. Сначала из темноты выступили острые колья забора, потом редкий свет пробрался в коридор и угрюмые клетки пленников; каждая клетка по шесть шагов в длину, по шесть — в ширину. Головнин проснулся. Хлебников и Мур продолжали спать, укутавшись с головой бумажными одеялами. За стеной, забранной досками, чтобы матросы и Алексей не видались с офицерами, вскрикивал во сне беспокойный Шкаев, страшно храпел Симонов. Головнин поежился от холода, сунул руки в карманы. Пальцы правой руки ткнулись в моток ниток. Машинально Василий Михайлович вытянул его и распутал. На серой нитке были густо насажены узелки. Черные шелковинки — их больше всего — вели счет горестным происшествиям, зеленые шерстинки из сюртука обозначали примечательные сведения о стране. И только два белых узелка, два островка надежды, отмечали радость пленников.

Первый белый узелок Головнин завязал, когда японцы показали вещи, посланные на негостеприимный берег Рикордом: чемоданы с бельем, платьем и книгами. Правда, большую часть вещей японцы не отдали, но Головнин и его товарищи были рады, что благодаря посылке узнали о благополучном отплытии «Дианы» и могли предполагать, что Рикорд уже ищет способы к их возвраще-

нию в отечество. Второй узелок был памятью о еще более радостном событии— письме с «Дианы». Головнин выучил письмо наизусть, прежде чем японцы, ревниво собиравшие все бумажки для следствия, забрали его от пленников.

Он и сейчас повторял его, беззвучно шевеля губами:

«Боже мой! Доставят ли вам сии строки, и живы ли вы? Сначала общим мнением всех оставшихся на шлюпе офицеров утверждено было принимать миролюбивые средства для вашего освобождения, но в самую сию секунду ядро с крепости пролетело мимо ушей наших на дальнее расстояние через шлюп, отчего я решился произвести и наш огонь. Что делать? Какие предпринимать средства? Малость наших ядер сделала мало впечатления на город; глубина не позволяет подойти ближе к берегу; малочисленность наша не позволяет высадить десант. Итак, извещая вас о сем, мы предприняли последнее средство: поспешить в Охотск, а там, если умножат наши силы, то возвратимся и не оставим здешних берегов, пока не освободим вас, или положим жизнь свою за вас, почтенный начальник, и за вас, почтенные друзья. Если японцы позволят вам отвечать, то предписывай, почтенный Василий Михайлович, как начальник: мы все сделаем на шлюпе; все до одного человека готовы жизнь свою положить за вас.

Июля 11-го дня 1811 года.
Жизнью преданный Петр Рикорд.
Жизнью преданный Илья Рудаков».

«Через два—три месяца «Диана» может подойти к Матсмаю, — думал капитан. — Но что будет с нами к сему сроку?»

Вот вереница черных происшествий. Головнин распрямил нитку на коленях и перебрал пальцами узелки, напоминавшие о тысячеверстном пути с туго связанными руками, о грубых толчках и насмешках конвоя, о выматывавших душу допросах, о голоде, о разлучении с матросами, о тревогах, вызванных документами насчет Хвостова и показаниями Алексея. Нет, и без этого печального хронографа из ниток, заменившего командиру «Дианы» ежедневную повесть путешествия в шканечном журнале, он не мог забыть восьми месяцев заключения. Навсегда перед его глазами будет стоять залитый кровью Васильев, которому равнодушные японцы не позволяют помочь, засаленные рваные халаты, в которые их хотели одеть, эта клетка. Нудные вопросы: какое образование получил ваш отец? Какой величины казармы ваших солдат? Почему русские перестали пудрить волосы? Знаете ли вы Резанова и Хвостова? И при этом на лицах допросчиков притворное выражение сочувствия. Людям, если в них не вселился дьявол, невозможно так искусно притворяться!.. И все же эти физические и нравственные невзгоды не сравнятся с последним ударом.

Но, может быть, переводчик Теске неправ? Может быть, плохое знание русского языка заставило японца неправильно понять Мура? Не может товарищ по четырехлетнему плаванию отказаться от своих несчастных собратьев, топить их ложными доносами! Или он один ошибался в Муре, а другие давно были правы, холодно относясь к нему? Навязывая новую зеленую ворсинку в память рассказа переводчика Теске о двух императорах Японии: Микадо и Шогуне, — Головнин вспоминал, как в Саймонсбее Мур предлагал сдаться англичанам, как без сопротивления отдал он шпагу японцам.

Стало совсем светло. Клочок неба над забором посинел, и лучи невидимого солнца весело ударили в забор. В караульне зашевелились солдаты. Застучали деревянные гета [1].

Хлебников, откинув одеяло, расчесывал гребешком волосы. Он пытливо посмотрел в угол, где сонно дышал Мур, и тихо подполз к Головнину.

— Василий Михайлович, с добрым утром. Надумали?

— Не лучше ли дожидаться «Дианы»?

— А к чему? Мы-то с вами знаем, что жалких сил Охотского порта и компании не хватит для отбития нас. Быть может, история нашего пленения научит в Петербурге, что надобно в восточном океане произвести военный флот. Против насильников нужна сила. Только пока сие предприятие успешно выполнится, наши косточки сгниют.

— Миролюбивые переговоры...

— Вы еще верите, что японцы на честные переговоры способны? Помилуйте, давно они уразумели самочинность действий Хвостова и нашу непричастность к сему. Мы им с вами в учители нужны. Русскому языку учить, книги переводить. Скоро к нам их академиков в обучение пришлют. Пришлют-с! Итак, жизнь пройдет в клетке, — Хлебников покосился на Мура и продолжал совсем уж шопотом:— От него, конечно, в тайне держать. Непременно выдаст.

— А матросы?

— Шкаев и Макаров, знаете сами, — молодцы. А вчера я на прогулке говорил с Васильевым и Симоновым. Они уже пе-

[1] Особая деревянная обувь.

рестали верить мичману. Не меньше нас возмущены его заявлениями.

— Так вы знаете?

— Что господин Мур заявил о своем германском происхождении и просит отпустить его на голландском корабле в Пруссию или взять в японскую службу?

Головнин помолчал, потом сказал решительно:

— Скажите матросам, чтоб собирались. Я на прогулках высмотрю, в какую сторону нам пойти.

2

В полдень, после прогулки, в дверку быстро юркнул Теске. Не разгибаясь, переводчик любезно приветствовал с добрым утром капитана Ховарин (так звучала в его произношении фамилия Головнина), вежливо потоптался, с церемониями уселся, склонил голову с пробритой в черных волосах дорожкой. Черепаховый гребень высоко сидел в пучке жестких волос на его макушке. Потом Теске закачался и быстро затараторил. Он пришел предупредить Ховарин — капитана, что его навестит господин Мамия-Ринзо из Иеддо. Мамия-Ринзо — великий японский путешественник. Он об'ехал всю землю Карафуто (Сахалин) и был в Манчжурии. Так далеко из Японии не отправлялся еще ни один ученый. Мамия-Ринзо—храбрый самурай. Он сражался с дикими курильцами.

Головнину надоело слушать о подвигах японского героя. Он выразил надежду, что господин Мамия-Ринзо расскажет о своих наблюдениях в неизвестных русским местах.

Маленький японец смущенно протер свои очки полой бумажного халата. Смущенно пробормотал, что японские ученые свои открытия не обнародуют для иностранцев. А цель визита ученого японца состоит в том, чтобы капитан Ховарин обучил его русскому способу делать астрономические наблюдения и описывать берега.

Головнин с усмешкой взял маленького японца за плечи:

— Мураками Теске, друг мой, а что, если я откажусь, что, если мне надоело одной своей особой представлять Российскую академию наук?

Рукава халата переводчика взлетели как крылья напуганной летучей мыши. Буниос (губернатор) обещал, что пленники обучат Мамия-Ринзо всему, что они знают. Уже приказано доставить сюда инструменты: секстант и астролябию, чертежные приборы и компас.

Головнин невесело рассмеялся.

— Придется уступить. В самом деле, лучше толковать об астрономии, чем об'яснять губернатору, какие вещи были у меня в петербургской квартире, далеко ли моя квартира от императорского дворца, сколько у меня слуг, как я их одеваю и что они едят и...— он безнадежно махнул рукой.— Разве есть мера японским приставаниям!..

Теске обрадованно закивал головой.

«Одна сочувствующая душа среди сотен злых, коварных людей»,— подумал Головнин и вслух сказал:

— Для вас сделаю. Куманджеро меня не уговорил бы. Вы, Теске, способный юноша.

Теске приложил руки к коленям и низко согнулся. Он все время уверял Головнина, что хочет учиться по-русски, чтобы узнать мир.

— Только не мучайте меня сегодня вопросами, чтобы для вашего ученого осталась голова свежей. Расскажите мне еще что-нибудь о вашей стране, расскажите о происхождении вашего народа.

Теске уселся на корточках, в раздумье покачал головой.

— Э-э, очень святой предмет. Вы будете смеяться. Губернатор узнает, я доржность терять, — он опасливо оглянулся на Хлебникова, которого как раз впустили в клетку с прогулки.

— Никто не узнает.

— Корошо. Я буду расскать. О, я сам теперь думаю, сие не так есть. Но страна Ямато другое думать нерьзя,— Теске провел рукой по горлу, показывая, что критика официальной истории карается смертью, затем стал рассказывать:

Тентосама, небесный владыка, несметное число лет держал землю под водой. Но Ками, старшему сыну великого творца, не нравились пустынные виды; он испросил у отца разрешения привести землю в порядок и населить ее. Тентосама согласился и дал сыну предлинную булаву. Ками сгреб землю со дна морского и составил острова Нипон. Потом украсил их, населил людьми и животными, наделил всеми произведениями природы. Когда младшие братья Ками увидели его чудесную работу, они позавидовали ему и стали то же делать в других местах океана. Но они не были так искусны в

создании земель и людей, как славный Ками. Труды их были несовершенны, а потому японцы превосходят всех прочих жителей земного шара и все произведения Японии самые лучшие.

— И этой легенде верят ваши просвещенные люди? — удивился Хлебников.

Теске со свистом вобрал воздух и улыбнулся:

— Это нерьзя обсудить. Это есть закон дря каждого житеря Ямато.

— Они, Андрей Степанович, конечно, не верят, но считают баснословия полезными. Потому, сии нелепости воспитывают в народе кичливость перед чужестранцами и презрение к чужестранным обычаям. Не так ли, Теске?

Теске, обхватив колени руками и упершись в них подбородком, молчал. Потом, с трудом подыскивая выражения, он высказался, что не видит хорошего в чужих странах.

— Так вы хотите продолжения вашему застою?

На плоском лице переводчика нельзя было прочитать, что он думает. Опустив веки, он улыбнулся:

— Я мареньний чоровек есть.

Через час он собрался уходить, но вдруг с порога обернулся и сделал таинственное лицо.

— О, я совсем позабыр,— и под большим секретом сообщил, что Алексей переменил показания, а буниос этим крайне смущен.

Дело в том, что Алексей, запуганный японскими следователями, чуть ли не на первом допросе признал, что его и других русских курильцев послал на южные острова камчатский исправник Ламакин, что им было поручено разведать о населении, его занятиях и военных силах японцев. Японцы не только сделали вид, что поверили этим, ими же созданным утверждениям, но решили, что именно поэтому капитан «Дианы» взял на борт курильца. Наряду с заявлением Мура показание курильца ухудшало положение пленников. А теперь Алексей заявил, что все это неправда, что попал он на Итуруп случайно: просто курильские байдары были отнесены к югу штормом.

— Не знаю, — пожал плечами Головнин, — мне он рассказывал, что не раз бывал в вашей земле для торговли. За истину знаю лишь, что власти Камчатки заданий проведывать что-нибудь в вашей стороне никаким курильцам не давали. Да и что сей невежественный человек мог бы прознать?! — закончил Головнин, провожая Теске до выхода из клетки.

Как только он вышел, Хлебников торжественно сказал:

— Матросы передают вам, Василий Михайлович, что готовы повиноваться вашим планам для достижения отечества.

3

В марте пленников перевели в новое помещение. Теперь все они, наконец, были вместе, и это облегчало обсуждение планов бегства. Мур попрежнему пропадал в канцелярии матсмайского губернатора. Обычно за ним приходил старый переводчик Куманджеро, и Мур встречал его с выражением почтения по японским обычаям.

Однажды Шкаев не вытерпел и, бросив на пол свою клеенчатую шляпу, бешено заругался:

— Василий Михайлович, доколе ж терпеть подлость такую? Рази это русский офицер? Немчура проклятый! Мы, матросы, белым хлебом и сладким вином не кормились. Нам до службы — крепостная неволя, а после службы — лихо. Ан мы об измене не помышляем.

— Злая мать — все не мачеха,— вставил Макаров.

— Ну да,— продолжал Шкаев,— мы Расею на Японию не сменим, ежели б златые горы обещали.

— Невластен я над Муром, братцы. Что могу сделать? — взволнованно ответил Головнин.— Я отвернулся от предателя с презрением. Вам же родина воздаст за вашу стойкость. Каждому от себя назначу пенсион, достаточный для жизни с семьей.

— Э, ваше высокоблагородие,— с укоризной сказал Макаров,— рано загадывать о Расее! Еще выбраться надо. А пойдем мы не за твоим пенсионом, за родной землей пойдем, потому к басурманам этим не лежит наше сердце... Може, простой народ и лучше этих чинов, да ить не видим мы его.

— Я не хотел вас обидеть, братцы. А Муру скажу, чтобы не смел возмущать наши чувства.

Он сделал это в тот же день, но Мур не смутился.

— Я не на борту «Дианы», господин Головнин,— надменно отрезал он.

— Попроситесь в другое помещение: нам противно на вас смотреть, — вмешался Хлебников.

Мур нагло расхохотался:

— Я вам мешаю, господин штурман? И буду мешать. Я остаюсь здесь, чтобы следить за вами, чтобы препятствовать вашему бегству. Шушукаетесь, да я понял... Я хочу,— вдруг бешено закричал он,— чтобы вы сгнили здесь! Я ненавижу вас. Скромники, труженики! Ненавижу час, когда попал в вашу глупую, скучную компанию, в крысиную нору, на вашу возлюбленную «Диану»! И если кто-нибудь будет в России, так это я!

Он прошелся по комнате.

— И, поверьте, я сумею о вас рассказать там Я расскажу так, что вы станете благословлять свой плен в Японии.

— Вы сумасшедший,— с брезгливой жалостью сказал Головнин.

Васильев, жевавший редьку, вдруг бросил ее в лицо Муру:

— Замолчи, немчура! А то счас в зубы. Думаешь, забыл, как ты меня бунтовать команду подговаривал, чтоб англичану сдать шлюп!

Обычно вялый, флегматичный, матрос дрожал от ярости и рвался к Муру. Макаров и Симонов вынуждены были схватить его за руки. Шкаев же вплотную подошел к Муру и раздельно сказал:

— Ты, барин, следи, а все одно уйдем.

Головнин вмешался:

— Довольно, ребята! Как начальник ваш, требую прекратить недостойную брань. А ты что мелешь, Шкаев, кто собирается уходить? Мы уповаем на бога, на приход «Дианы».

Все замолчали, а Мур процедил сквозь зубы: «Я угроз не боюсь» — и улегся на койку, бережно повесив на стул свою обнову — шолковый пестрый халат.

Все это время Алексей поглядывал на офицеров и матросов с растерянным видом. Он не все понимал, когда говорили так быстро. Складка на его лбу под спутанными черными волосами говорила о напряженной работе. Точно проверяя себя, Алексей перегнулся к Хлебникову:

— Молодой начальник Руси не хочет? А? Япони люди хочет? А?

Хлебников кивнул.

— О, дрянной люди есть! — воскликнул Алексей и подскочил к Муру.

— Пошел прочь, — отмахнулся Мур.

— Сама пошел прочь! — взвизгнул Алексей.— Я бедный куж, мене ум маленький, а сердце мене русский. Мне япони генерал кричать: «Алексей убить, зачем так говорить, исправник не могля». Я говорить: «Пожалуйста, Алексей убить за правда». Однако, никто Алексей япони не посылать. Алексей сам приходи. А ты! Я на тебя тьфу, — затопал он сердито и, плюнув в лицо Муру, ушел в коридор.

Мур в ярости вскочил Матросы хохотали, и Головнин, не сдерживая их, тоже улыбался углами губ.

Мур быстро выбежал из помещения.

4

Двадцать третьего апреля 1812 года Василий Михайлович отметил в своем дневнике белым узелком из порядком потрепанных манжет. В этот день пленников водили на прогулку за город, на кладбище, к постройке нового храма. С пригорка моряки увидели море.

— Ты што уставился, Макарыч, попить соленой водички захотелось? — пошутил Головнин и шопотом добавил: — К морю спиной, гляди на горные тропы.

Макаров понял и подтолкнул товарищей. Василий Михайлович уже, взяв под локоть Теске, восторгался пейзажем.

И в самом деле, с горы открывалась чудесная картина. Крутые сопки, как гигантские ступени, уходили в небо, щетинясь нетронутым лесом. Внизу, за рисовыми полями, еще не залитыми водой и изрезанными каналами, начиналась светлая зелень березового и осинового подлеска. Выше белые стволы молодых деревьев уступали место серебристым тополям и стройному ясеню, а еще выше стояла грозная синяя стена лесов, точно готовая отразить самые бешеные порывы ветра. Над этим лесным царством снова шла полоса изумрудной зелени альпийских лугов. Кое-где на горных вершинах сверкал снег или лежали неподвижные облачка. Леса скрывали узкие распадки, и извилистые тропы уползали в них; казалось, испугавшись высот, они не смели уйти от возделанных человеком мест.

Очень громко, нарочно привлекая внимание матросов, Головнин говорил Теске:

— Конечно, внутри острова много селений. Почему же такие плохие дороги?

Теске об'яснил, что на Хоккайдо очень мало жителей в стороне от берега. Японцы недавно стали селиться на острове,



Пленников повели на прогулку за город, на кладбище.

новых переселенцев попрежнему привлекают сюда рыбные промыслы. Нет, кажется, ни одной пяди на морском берегу, где не было бы теперь рыбачьего поселка. А эти тропы служат лишь лесорубам. Они такие тяжелые, что матсмайцы — горожане — не могут по ним ходить.

Головнин, слушая пояснения Теске, показал рукой на тропу, извивавшуюся за кладбищем.

— И сия дорога лесорубов?

— Она идет туда,— и Теске показал на высокую снежную вершину.— Очень есть трудный путь, рошади ноги ромать.

— Красивая дорога,—опять очень громко сказал Головнин и начертил в воздухе направление.— Но мы, моряки, всем дорогам предпочитаем хорошее течение и ветер, дующий в корму...

Так было сделано обозрение начального маршрута.

Теске предполагал, что русским лучше просить отправить их в столицу для окончательного разбора дела. Особенное уныние вызвало у моряков то, что губернатор перестал подавать надежду на возвращение в отечество и при допросах уговаривал почитать японцев как «своих соотечественников». Моряки ревностно готовились к уходу. Симонов нашел на прогулке огниво. Васильев стащил в караулке пару кремней. Макаров сжег на жаровне старую рубашку и приготовил трут, Шкаев в траве подле дома захватил забытое плотником долото. Хлебников унес с крыльца и припрятал заступ. И Хлебников же, прячась от Мура и зорких сторожей, изготовил компас. В доме было много пазов, обитых медью. Хлебников

сыскал порядочный лоскут меди и соединил им две иголки, полученные для починки платья. Эти иголки посредством часто повторяемого трения о камень получили достаточную магнитную силу и удовлетворительно показывали север. Футляр для своего прибора изобретательный штурман сделал из нескольких листов бумаги, вытащенных у Теске, склеив их рисовым отваром.

В день прогулки на кладбище все эти приготовления были завершены, и вот почему Василий Михайлович решил отметить этот день белым узелком...

На обратном пути с кладбища Головнин поровнялся с Макаровым и, послюнив палец, поднял его в воздух:

— Чуешь, старик, начинается ветер с оста.

— А зачем нам в горы, Василий Михайлович?

— Как же иначе? Мур скоро тревогу поднимет. Сразу бросятся к воде.

Глава пятая. Беглецы

1

Василий Михайлович проснулся вдруг как от толчка. К шуму горного потока, стремительно катившегося где-то над головами беглецов, примешались новые звуки. У входа в пещеру на плитняк шлепнулось несколько мелких камней. Галька на осыпи шуршала, точно по ней спускались люди. Головнин ухватился руками за острый выступ скалы и, опираясь на здоровую ногу, приподнялся. Его спутники спали. На костре шипел мокрый тростник, и едкий дым застилал отверстие выхода.

Василий Михайлович нащупал палку с навязанным на нее ножом Симонова и заковылял к выходу. Встревожившие его звуки затихли. Может быть, преследователи совещаются, как схватить беглецов. Что их выдало? Что привело на снежные высоты японцев? Нечаянно оставленный след или оброненный Шкаевым шерстяной колпак? Не мог же быть виден из низин слабый дымок костра, который моряки решились развести после трех дней скитаний, чтобы обсушиться и сварить конский щавель с черемшой.

Уткнув голову в рукав, Головнин прошел через завесу дыма. Холодный ветер ударил в лицо сухим снегом. Головнин прислушался. Попрежнему ревел поток в ледяном каменистом ложе. По осыпи медленно, бесшумно ползла струйка песка. Василий Михайлович поднял слезившиеся от дыма глаза. Веки плохо повиновались, и он с трудом разглядел оленя на вершине сопки. Широко расставив ноги и выставив перед собой рога, животное всматривалось в неизвестное существо. В лощине легли ночные тени, но наверху еще было светло, и Головнин различал цвета пятнистой шкуры, угадывал по вздрагивающим бокам частое, пугливое дыхание оленя. Так прошло несколько минут. Потом олень вскинул рога и сделал быстрый скачок. Разнесся треск сучьев, и через мгновенье настала тишина, прерываемая лишь быстрым говором воды. Тогда только Василий Михайлович рискнул подняться на вышку, покинутую оленем.

Стемнело. Яркие звезды, те же звезды, которые через несколько часов взойдут над родной Рязанью и Петербургом, искрились холодными точками в небе. Но внизу, над сбегавшими к морю лесами, над долинами, в которых уже победила весна, клубились черные тучи. Должно быть, там шел дождь...

По деревянным мосткам города Матсмая сейчас ходят с зонтиками, в широких плащах и лакированных шляпах. Бумажные фонарики указывают обывателям путь между луж. В домах перед жаровнями ждут их ватные халаты и еда. Греясь, они могут судачить о пленниках, которые вздумали уйти на борьбу с негостеприимной природой, они могут уверять друг друга, что голод и холод заставят беглецов сдаться...

— Так нет же! Мы дойдем к морю! Мы овладеем судном!.. — воскликнул Головнин.

Ему стало стыдно за отчаяние, которое владело им вчера. Стало стыдно, что он мог предлагать товарищам бросить его, чтобы идти быстрей. Колено, ушибленное об острый кол при побеге из тюрьмы, заживет. Спасибо Макарову: Головнин последние два дня шел, держась за кушак старика, вернее, Макаров почти тащил его. Чудесный старик! Он еще шутил, что старый конь лучше двух моло-

дых. С такими друзьями можно одолеть любые препятствия. На мольбу уходить без него они ответили решительным отказом. С ним жить, с ним умереть.

Несколько часов тому назад величественное безмолвие гор его давило. Теперь он ощущал гордость победителя. Шесть русских людей взяли эти неприступные высоты одной силой своего стремления к родине. Достигли их без теплого платья, без пищи, без оружия. Они способны на новую жестокую борьбу и с природой и с японскими тюремщиками.

Забывая о боли в ноге, он торопливо спустился в пещеру и разбудил товарищей:

— В путь!

2

Всю четвертую ночь моряки спускались с хребта по течению горной речки. Часто нависшие непроходимые скалы вынуждали идти то по одному, то по другому берегу. На бродах вода крутилась, сбивала с ног, охватывала до пояса ледяным обручем. Они не смели разводить костров, обсыхали и восстанавливали кровообращение на ходу. В распадках появились хижины выжигателей угля, дровосеков, и мирные дымки человеческих жилищ заставляли беглецов сворачивать на звериные тропы.

В пятую ночь, карабкаясь по скалам, беглецы довольно далеко спустились вниз. Холод уже не мучил их, но было пасмурно, их пронизывала сырость, бахилы намокли в вязкой болотистой почве. Они ощущали страшный голод и на рассвете, не сговариваясь, стали угрюмо шарить в ручье под сгнившими корнями. Вспуганная рыбешка отплывала, извиваясь и торопливо взмахивая плавниками. Попадались лишь небольшие склизкие, пахнущие тиной рачки. Моряки выколупывали мякоть из их чешуйчатых шеек. Только что они обманули свой голод и выбрались на тропинку, как Шкаев, который шел впереди, подал знак тревоги. Все бросились в чащу и упали в траву. Мимо проехал конный отряд японских латников со значками императорских войск. Беглецы долго лежали на животах, прислушиваясь к замирающему конскому топоту.

— Охраняют дороги к морю, — вывел заключение Хлебников.

Матросы выжидательно смотрели на Головнина.

— А мы пойдем без дороги. Пойдем лощиной. В лесной чаще нас не увидят.

— Тогда уклонимся к западу, — Хлебников посмотрел на свой самодельный компас.

— Теперь сие безразлично. Все одно выйдем к морю не ближе двадцати миль от Матсмая.

— Много ли до моря? — спросил Васильев. Он хуже всех переносил голод.

— Я думаю, — сказал Головнин, — сегодня еще увидим.

Он был прав. В полдень между двух сопок пролегла свинцовосерая полоса. С каждым новым поворотом она поднималась выше, растягивалась вширь, становилась темнее, и вот уже оно, живое плотное бескрайное море, которое носит корабли. Они почувствовали новый прилив сил, прилив дружбы и взаимной любви.

В шестом часу море было уж совсем близко, выглянуло солнце, и вода поманила моряков прихотливой игрой бирюзы и лазури; они совсем забыли об опасности, о своих окровавленных ногах и побежали вниз, на чудесный рокот прибоя.

— Безумие, нас увидеть могут! — опомнился Головнин, когда широкая кайма пены захлестнула перед ним песок.

Но рот его улыбался, и все тело жадно вдыхало крепкие запахи моря. Хлебников покосился на Симонова и забрал свою бороду в горсть, неискусно пряча волнение. Симонов плакал, может быть, от радости, может быть, потому, что вспомнил, как они в минувшем году так же стояли у воды перед шлюпкой и не могли сдвинуть ее с места, а в море белым видением качалась на волнах «Диана».

Море казалось пустынным, а берег — безлюдным. Но едва повернули за мысок, открылось селение и в нескольких шагах две лодки.

— Малы! — сказал Макаров. — На четверых.

— Найдутся и побольше. Однако японцы не охраняют все суда, — заметил Василий Михайлович и показал рукой на лес. — Давайте отдыхать и паруса шить. Днем идти берегом опасно.

Но в эту ночь, шестую со времени побега, они не в силах были тронуться с места. В темном низком небе дрожали золотые пучки звезд. Все было недвижно в лесу, полном весенних запахов цветов,

сосен, туй, кедров и камфарных деревьев. Утром, когда взошло солнце, когда к вздохам моря присоединились крики фазанов и разноголосое пение птиц, беглецы решили остаться «на даче», как назвал этот привал Хлебников, до сумерок. Если бы не голод, чуть-чуть заморенный солеными бобами, все было бы отлично. Они сшили из рубашек два паруса, свили из лоскутьев веревки и приготовили снасти. Невидимые с дороги и моря, они грелись на солнце и весело болтали. То, что матросы занимались своей привычной морской работой, уже само по себе давало им ощущение свободы, и они трунили друг над другом, похваляясь своей сноровкой и находя ошибки у товарищей. Шкаев сделал слабый узел, и остальные немедленно набросились на него:

— Зажирел парень на японских харчах.

— За такую работу вне очереди на марс.

— Эх, Гриша, говорили тебе, не будет проку от писанья. Барские ручки стали.

Шкаева и других матросов в тюрьме офицеры обучали грамоте, но Макаров быстро отстал, а Симонов и Васильев выучились только подписывать фамилию и читать по складам. Зато Шкаев пристрастился к занятиям и в последние месяцы, когда Головнину стали выдавать вещи из его сундука, глотал без разбору все русские книжки.

— Да ты не даром, — говорил ему Головнин, — земляк Ломоносова. Жалко, брат, что у нас нет сочинений Михайлы Васильевича, почитал бы ты знатного холмогорца.

— Ему Радищева надо «Путешествие из Петербурга в Москву». Что одами пытливый ум пробавлять, — проворчал тогда Хлебников.

Слушая матросскую перепалку, Василий Михайлович вспомнил это замечание и подумал, что нет худа без добра. Сколько лет жили они на корабле, и Хлебникова считал он милым неотесанным ворчуном, а Мура — образцом морского офицера. А теперь он знает, что ворчун Андрей Степанович — настоящий, прямой и сильный человек, а любезный Мур — жалкий негодяй, презирающий страну, в которой воспитался. Почему же так случилось, что он раньше этого не замечал? «Почему, — думал он, — моего рассуждения не хватило для столь простых вещей, хотя я уже пятнадцать лет на командных должностях и за четыре года жизни волонтером в английском флоте перевидал тысячи людей разных наций и разных состояний во всех портах Европы, в обеих Индиях, в Африке и Америке?» Он потянулся, взглянул на Хлебникова, молчаливо смотревшего на море, и понял, что никогда уже не сможет быть тем офицером, занятым только кораблем и путешествиями, каким был до плена.

3

Прошло еще три дня и три ночи. Опухшие от голода беглецы уже начали терять счет времени, бродя по берегу. У самой воды стояли лишь маленькие береговые лодки. Большие баркасы были вытащены далеко за линию прилива, и моряки не имели сил спустить их в море.

Сильный береговой ветер гнал на море туман. Пленники держались кучно, чтобы не потеряться в нем и вместе дать отпор, если на них нападут.

— Селение, — предупредил Макаров.

Все остановились. Несколько чаек с жалобным плачем кружилось над чернеющим в тумане строением.

— Непохоже, — сказал Хлебников, всматриваясь в белесые волны тумана. — Чайки над селением не полетят. Верно, рыбачий навес.

Шкаев вызвался в разведку и скоро вернулся.

— Большая джонка под крышей. Людей нет. И домов близко нет.

— А ведь ветер попутный, Василий Михайлович, — заметил Хлебников.

— Да, Андрей Степанович, да, ветер попутный, — поспешил согласиться Головнин.

У него созревал другой план, потому что он наперед знал, что им и эту лодку не спустить на воду, и боялся взрыва отчаяния у истомленных товарищей.

Беглецы обошли джонку со всех сторон. Она походила на средневековое европейское судно. Нос изображал голову птицы с раскрытой пастью. Корма была разделена на манер утиного хвоста, и в клине выдавалась огромная лопасть деревянного руля.

— На китайский манер сработана, — оценил Головнин.

Просмоленный черный борт высоко поднимался над землей. Все же несмотря на больную ногу Василий Михайлович вместе с другими вскарабкался в лодку. Они хозяйственно пересмотрели акуратно уложенный в кормовом ящике рыбачий

снаряд, квадратные японские паруса и ведра с пресной водой. Да, тут было все, что в их положении можно было желать для дальнего плавания. Но джонка стояла боком к воде. Дотянуть ее к берегу они могли, лишь повернув ее к морю носом или кормой. А на такой поворот нужно было двадцать пар рук.

Медленно оставили они навес и отправились на новые безуспешные поиски. Они так долго шли, что не стали с обычной тщательностью выбирать привал и в изнеможении легли на оголенной сопке. Утром солнце несколько подбодрило матросов. Василий Михайлович заговорил:

— Нам прежде всего нужны с'естные припасы. Для сего надобно употребить силу. Но, сделав так, понудим японцев увеличить осторожность свою, а удобное для предприятия нашего судно, может быть, нескоро найдем...

— И так плохо, и этак беда, — сумрачно сказал Макаров. — Плант-то какой же, Басиль Михалыч?

— План, друг мой, такой: взять две рыбацких лодки, каких на берегу много, и переехать на островок. Есть тут в верстах тридцати. Жителей на том островке нет.

— Да что на острову делать?

— Построим порядочный шалаш, будем держать огонь, сбирать раковины и морскую капусту. А в тихую погоду нападем на какое-нибудь грузовое судно. Матсмайские суда все у подветренной стороны того острова проходят.

— Толково, — согласился Хлебников.

— Толково, — вдруг упавшим голосом сказал Шкаев. — Толково нас за разговорами приметили. Эвон женщина в нашу сторону рукой машет. Э-эх, пропали!

Головнин спокойно распорядился:

— Лощиной к лесу. Бегите, ребята. Андрей Степанович, вы вперед.

Они не посмели ослушаться, хотя каждый вспомнил о больной ноге капитана. Через несколько секунд только покачивание веток в кустарнике, проходившее волной к пади, выдавало след беглецов. Жмуря глаза под ударами веток, Хлебников и матросы не заметили предательской ямы, прикрытой от них стеной можжевельника, и слетели в нее, давя друг друга.

Василий Михайлович провожал беглецов долгим взглядом: он знал, что ему далеко не уйти. Может быть, японцы, заметив, что на площадке остался он один, не сразу бросятся на него, может быть,



Он выпрямился, бросил рогатину в кусты и пошел навстречу японцам.

наоборот, пленение его даст время остальным. Он, наконец, отвел взгляд от лощины, в которой скрылась последней голова высокого Симонова, и увидел за собой Макарова.

— Ты что же, Макаров? Зачем здесь?

— И мне с ними неспособно. Не те годы — козой бежать. И потом же... — он бросил свою дубину. — Дозвольте пособлю вам, Василь Михалыч. На одной ноге неспособно, а три — все одно, что четыре.

Старик неожиданно обхватил капитана подмышками и побежал в гору. Но Головнин почувствовал, что матрос быстро выдохнется, и решительно освободился:

— Довольно, Спиридон, дальше голое место.

Они легли. Макаров, закрыв глаза, часто задышал.

— Чудак, тебе ж пятьдесят лет.

— С хвостиком,—вздохнул Макаров.— Что там видать, ваше высокородие?

Головнин приподнялся на здоровом колене.

— Кричат у лощины. Обступили кругом. Кажется, конные. Ну да, солдаты. Так то на бугре не женщину Шкаев увидел, а офицера в юбке.

Солдаты с разных сторон побежали вдруг к одному месту. На солнце нарядно блестели латы и пестрые одежды.

— Поймали. Руки вяжут. Вяжут, Василь Михалыч.

Они вытянули головы. По пригорку ехали конные с приторочеными к седлам веревками от пленников. Пешие солдаты опять разбежались.

— Что теперь будем делать? Нас ищут.

Головнин не задумался:

— Что решили давеча.

Макаров ударил кулаком по коленке:

— Правильно, не пропадем.

Но вдруг сказал:

— Уйдем, а наши погибнут. Говорю, погибнут они без вас, Василь Михалыч,— он пригнулся к плечу Головнина, лицо его было сурово, но в глазах стояли слезы. — Я за себя не страшусь... — он поколебался, но, увидав, что Головнин взял в руки рогатину, решился: — Убьете японца, ваше высокородие, на наших отомстят. Знаете, какой народ японцы. Отдадимся лучше опять в плен.

Василий Михайлович отвернулся:

— Что же, ты прав, видно не судьба. Надо было дело по-другому затевать, — он помолчал и глухо добавил: — Пойдем. Японцы, правда, если нас всех возьмут, хуже сделать не могут.

Он выпрямился, бросил рогатину в кусты и пошел навстречу японцам. Те с опаской подходили к ним, подбодряясь криками.

Глава шестая. Дневник Василия Михайловича

1

— Я вас правильно понял, Кумаджеро? Мне с Алексеем перейти в новую пристройку? А здесь опять будут жить Головнин и все остальные?

— Да, да, да, — закивал старый переводчик.

Мур взволнованно заходил по комнате. Все лето его дела шли превосходно. Головнин, Хлебников и матросы сидели в клетках уголовной тюрьмы вместе с японскими ворами и грабителями. Мур, желая показать свою ревностную службу новым хозяевам, составил историко-географическое описание Восточной Сибири. С немецкой тщательностью описал великие богатства громадного незаселенного края и сообщил, что русским трудно содержать флот на Тихом океане, что с'естные и воинские припасы должны идти через три океана или сухим путем через всю Сибирь. Мур звал японцев в поход на запад. Но где же благодарность японского правительства? Они не предлагают службы, не собираются отпустить Мура на голландском корабле. Чорт знает что!

— Что случилось? — отрывисто спросил Мур у Кумаджеро.

Тот рассказал, что в Кунашир пришли «Диана» и еще одно двухмачтовое судно. Они долго оставались на рейде, требуя освобождения пленников.

— Есть письмо с корабля? — перебил Мур.

— Письма есть капитана Ховарин.

— И нас собираются освободить?

— О, се может императорско правитерьство, буниос ждет ответа из Иеддо.

В тот же вечер Алексей принес Василию Михайловичу книгу с запиской Мура.

«Вы меня не уважаете, дело ваше. Я служу вам и России по своему разумению. В Кунашире была «Диана» и еще одна шхуна. Рикорду об'явили нас умерщвленными. Он овладел одним

японским судном и ушел, взяв с собой пять человек пленными; девять японцев утонули, спасая свою жизнь. Японцы остаются в твердом решении держать нас в вечной неволе. Уповайте на одного бога.

Несчастный Мур».

Головнин прочитал эту записку товарищам вслух и ободрил надеждой: весною Рикорд вернется.

— Зачем, коли ему сказали, что мы мертвецы? — уныло возразил Васильев.

— Думаю, капитан Рикорд сему сообщению веры не дал. А, впрочем, посмотрим. Скоро японцы позовут нас на новые допросы. Что-нибудь услышим.

Матросы горестно вздыхали. Они давно перестали надеяться.

— Правда, правда, ребята. Дела оборачиваются в лучшую сторону. Иначе Мур не стал бы искать примирения с нами, — заговорил Хлебников.

— Какой вы человеконенавистник! — возмутился Головнин. — Может быть, размышления привели Федора Федоровича к душевному перелому.

— Очень вовремя! — ядовито буркнул Хлебников. — Небось, господин Мур не вспоминал о нас, когда мы в вонючих клетках на голодной диэте сидели.

Он победоносно скрутил свою бороду и фыркнул.

2

Второй год плена тянулся медленно. Василий Михайлович коротал время, составляя записки об Японии и дневник происшествий. Теперь можно было писать, потому что мелочная опека японцев уменьшилась. В своих записках он все же мешал сокращенные русские, английские и французские слова, и, кроме него, никто не мог разобраться в этих записях. Вот несколько отрывков из его дневника, почти полностью вошедших потом в книгу о плене:

«... 16 октября 1812 г... повели в замок. Два старшие начальника, показав нам русское письмо, сказали, что оно было отдано на «Диане» еще летом одному японцу. Он, просушивая свой халат, выронил оное и недавно нашел. Мы видели увертку и знали, что они не смели показать нам письмо без предписания из столицы. Я сказал им, засмеявшись: «Понимаю, понимаю этому причину». Тогда и японцы вместе с переводчиком стали смеяться над уловкой, какой старались извинить себя. От пленных японцев Рикорд узнал, что мы живы и живем в Матсмае. Они пошли на Камчатку, там от сих людей обстоятельнее выведают все касательное до нас и на будущий год возвратятся в Матсмай.

11 марта. Хлебников впал в чрезмерную задумчивость и сделался болен; несколько дней сряду не пил, не ел, да и сон его оставил.

24 марта. У японцев есть намерение послать нашим письмо, чтобы иркутский губернатор дал об'яснение поступкам Хвостова. Перевод должны сделать мы с Теске.

25 марта. Повели в замок... японцы намерены послать с помянутым вчера письмом одного из наших матросов...»

Василий Михайлович не успел закончить эту запись, как вошел Мур. Он уже второй день по своей просьбе жил со всеми остальными пленниками.

— Я искал случая поговорить с вами насчет поездки на «Диану». Я против того, чтобы посылать матроса. Они все глупы. Ничего порядочно не могут пересказать. Вам ехать не годится. Вы причина нашего несчастья. Андрей Степанович при смерти. Должно ехать мне. Собственное ваше счастье от того зависит. Если вы не упросите японцев, то погибнете.

— Отчего?

Мур сделал значительное лицо:

— Один из караульных открыл мне: японцы хотят захватить командира и офицера первого русского корабля, что вновь придет.

— Сказка!.. Послушайте, Федор Федорович, вы попросту боитесь, чтобы я не дал на корабль знать о вашем поведении. Пока я не собираюсь так поступать...

— Я знаю, что вы думаете...

— Еще есть время размыслить, господин Мур. Из всех пороков ни один так тяжело не лежит на сердце, как отречение от своего отечества.

— Не торжествуйте еще. Что будет с вами, когда японцы меня примут на службу?

— Воля ваша. Только японцы вас никак не возьмут. Разве, изменив России, вы не можете изменить Японии?

Мур застонал:

— Что со мной будет в России? Каторга? Скажите, что? Вы же меня раньше любили, Василий Михайлович?

— Не станем поминать прошлое, господин Мур. Да и в будущее забегать рано. Исправьте свое поведение. Придите в рассудок.

Мур вдруг схватился за голову и выбежал.

Но, чтобы измениться, у него не хватило ни честности, ни воли. Он продолжал беззастенчиво и отчаянно городить стену лжи. То упрашивал японцев отпустить

его на «Диану», обещая привезти книги, карты и редкие вещи. То пытался перетолковать русские документы в дурную сторону.

Однажды ночью Мур проснулся в страхе. Он видел сон, видел себя в кандалах перед военным судом. Били барабаны, и аудитор читал приговор о повешении. «Глупости, — подумал он, — сон такой от волнения. Головнин играет в благородство. Он сказал, что я не в рассудке... А, может быть, и в самом деле притвориться безумцем? Плохо от сего мне не будет». Мичман вскочил с постели и грубо разбудил Алексея.

— Тебе чего нада? Тебе чего? — пробормотал Алексей, спуская ноги на холодный пол.

— Слышишь? Слышишь? — дрожащим голосом спрашивал Мур.

— Тебя слышишь.

— Нет, японцев. На крыше сидят, ругаются, зачем я кровь с пшеном пью. Я не пью японскую кровь, — мичман заломил руки и грохнулся на пол.

— Э-э, совсем ума потерял, — Алексей жалостливо поцокал языком и стал звать на помощь:

— Сюда, люди! Мура-господин ума потерял!

«Поверил, дурак. Ну, я и других проведу», — решил Мур и завопил:

— Не хочу вашей крови! Дайте нож, дайте умереть!

Стража выбивала огонь. Во всем доме встревоженно поднимались люди.

3

Наконец, «Диана» в третий раз пришла на кунаширский рейд. Девятнадцатого июня матросы тянули жребий, и счастье увидеть друзей на «Диане» выпало на долю Симонова. По просьбе Василия Михайловича с матросом отпустили также Алексея. Курилец радостно жал всем руки, а Головнину твердил:

— Теперь бедный куж веришь? Моя русски люди. Настоящи русски.

В своем дневнике Головнин записал:

«2 июля. Нам показали письмо Рикорда, в котором он благодарит за доставление нашей записки.

19 июля. Новое письмо Рикорда. Он благодарит японское правительство за желание вступить в переговоры и обещается немедленно идти в Охотск, чтобы к сентябрю доставить требуемое об'яснение. Он намеревается войти в порт Эдомо, где был английский капитан Бротон, и просит послать туда лоцмана, чтобы провести корабль в Хакодате.

21 июля. Вернулись два наших товарища, «выходцы из царства живых». Симонов рассказал о войне с французами. Бонапарт в начале августа прошлого года был в шестидесяти верстах от Смоленска, где, однакож, мы задали ему добрую передрягу. Какие события дальше постигли дорогое отечество?

23 июля. Оказывается, голландцы были первыми переводчиками бумаги Хвостова, присланной матсмайскому губернатору. Они от себя прибавили, будто русские грозят покорить Японию и прислать священников для наставления японцев в христианской религии, а чин Хвостова — лейтенант — перевели наместником. Вот она, европейская политика!

Впрочем, зная обычаи японцев, я полагаю, что они перевод голландцев дважды проверили и веры ему не дали, а рассудили, что так для них выгодно. Подла политика европейская, а японская еще подлее.

21 августа Решотки сняты, стража уже не вооружена ружьями. Стол сделался много лучше, и подают еду на прекрасной посуде Чиновники надоедают приветствиями. Надо каждому на его веере написать какую-нибудь надпись. Благо почерк у меня дурной, я отсылаю их к Хлебникову. Андрей Степанович поправляется гораздо хорошо. Господин Мур в угрюмости.

30 августа. На пути в Хакодате. Теске с нами. Он получил награду Ума не приложу, как легко обошлась милому юноше его приверженность нам. Мур заливается слезами Японцам об'ясняет, что чувствует себя недостойным их великих благодеяний, а нам заявляет, что ясно видит хитрости и коварство японцев, которые намерены всех нас погубить. Неужели его безумие — одна комедия, сплошное притворство? Беспокойства во мне нет! От Теске извещен, что голландцы рассказали в Иеддо про поражение Наполеона в России. Они опасаются, что наше правительство теперь имеет свободу обратиться на восток, и советуют поскорее сбыть нас с рук Попросту жадные купцы оберегают свою привилегию торговать с замкнувшейся Японией.

1 сентября «Дианы» нет.

4 сентября. Неужто Рикорд не успеет в сем году?

8 сентября. Толковали о приходе «Дианы» с Андреем Степановичем. Мы оба крайне беспокоимся, чтобы в позднее осеннее плавание в здешних опасных морях не повстречалось бы с нею какого несчастья. Лучше пробыть еще восемь — девять месяцев в заключении, чтобы Рикорд отложил свой поход до весны.

16 сентября. Теске пришел поздравлять. Близ мыса Эрмисо замечено трехмачтовое судно. Несомненно, наша «Диана».

Глава седьмая. Снова на „Диане"

Спокойнее всех был Симонов. Он еще так недавно был важным гостем и на кубрике и в кают-компании «Дианы». Но остальные были взволнованы и теснились перед узким окном с видом на залив, возбужденно переговариваясь:

— Парус, верно, обновили.

— Куда он поворачивает?

— Левым галсом пойдет.

— До самого клотика оделись парусами.

— Это не то, что японские суда. Противного ветра не страшится.

В самом деле, несмотря на ветер с берега, гнавший волну в открытое море, «Диана» искусно лавировала и приближалась к гавани. По ее вантам и реям сновали матросы, паруса вздувались, и она непрерывно росла на глазах многотысячной толпы японцев, еще ни разу не видавшей в Хакодате европейского корабля.

— Якорь бросает.

— Ого, торжественно встречают! — воскликнул Шкаев, указывая на отходившую к кораблю парадную лодку с губернаторским значком.

— Нас-то когда ж пустят? Ох, щей кислых захотелось,— вздохнул Васильев.

— Два года прождали. Потерпи еще две недели. Японцы быстро никаких делов не творят,— заметил Макаров благодушно.

— А может быть, и не две недели придется ждать, а еще два года? — злобно сказал Мур из глубины комнаты.

Он хотел непременно остаться в Японии, но усилия его были тщетны. Напрасно он толковал, что привезенные письма от начальника Охотской области Миницкого и иркутского гражданского губернатора непристойны.

Из Иеддо дул новый ветер. Японцы, узнав о победах русских в Европе, хотели скорее покончить дело, чтоб не видеть в своих водах русского военного корабля.

Шестого октября японцы со знаками почтения вручили офицерам их шпаги и повели на торжественный прощальный прием к губернатору...

Конец, конец проклятым годам заключения! Пленники точно сквозь туман смотрят на латы и юбки офицеров и чиновников. Они почти не замечают, как рассаживается и замирает в неподвижности свита буниоса, как губернатор, вынув изза пазухи большой лист бумаги, двумя руками поднимает его вверх и восклицает:

— Повеление правительства!

Они приходят в себя при звуках русской речи.

Монотонно, глотая окончания и произнося «р» вместо «л», читает Теске:

«С третьего года вы находирись в пограничном японском месте и в чужом кримате, но теперь брагопоручно возвращаетесь, что мне очень приятно...»

Губернатор трясет жидкой бородкой и улыбается. Сладко расплывается толстая физиономия Отахи-Коеки. Только из узких щелок хищно высматривают лисьи глазки. Он тоже трясет бородкой и сгибает спину.

— Врет япони, дрянь люди есть, два языка есть, — шепчет в затылок Хлебникова Алексей.

И вот уж шлюпка идет по заливу. Берег отступает, уходит вверх крышами домов и храмов, купами деревьев, сопками. Растет «Диана». Вот она вся, от ватерлинии до клотика, от носа до кормы. По борту стоит экипаж в парадных куртках и начищенных шляпах. Но никто не командует «смирно», и ружья не берут на караул. Это встреча не начальника, а братьев, это — возвращение на родину ее сынов. Громкое «ура» потрясает залив. Едва только Головнин ставит ногу на борт, как сильные руки отрывают его от палубы. На руках он переходит из одних об'ятий в другие. Смешались офицеры, матросы. Сквозь слезы Головнин видит взлетающих Хлебникова, Макарова, Шкаева...

Склянки бьют смену вахты.

Рикорд и Головнин проходят на шканцы.

— Поднять якорь!

Заливается боцманская дудка. Матросы весело выскакивают наверх. Недавние пленники впереди. Своими руками хотят они положить преграду между кораблем и пленом.

Один Мур мрачно сидит в каюте. В иллюминатор бьет волна, пенистые гребни уходят к берегу. По ним несутся солнечные блики.

— Я еще не поблагодарил тебя, Петр. Ты действовал самоотверженно. Поцелуй меня, Петр,— говорит Головнин.

— Я сделал то, что сделал бы каждый русский моряк,— отвечает Рикорд.

Наступает ночь. Луна бежит за кораблем. Белые паруса кладут тени на воду. За кормой журчит и пенится след.

Головнин сжимает поручни. Ноги радостно ощущают килевую качку. Он дышит полной грудью.

— Неужели придется ехать в Петербург?

— Чудак, тебе не хочется отдохнуть?

Они долго молчат.

— Я поеду, закончу книги о путешествиях «Дианы» и плене и снова приду сюда.

— «Диана» не доживет.



И вот уже шлюпка идет по заливу.

— «Диана» не доживет,— как эхо повторяет Головнин.—Надо строить корабль иначе. Я знаю теперь, как строить. Мне нужен шлюп-фрегат на восемьсот — девятьсот тонн. Я бы назвал его «Камчатка». У сих владений наших, Петр, большое будущее. Они станут рубежом против коварства соседей. Они должны быть богаты и сильны. Сильны такими людьми, как наши матросы, Петр. С такими людьми будут доступны любые богатства, превзойдены любые флоты

Эпилог. В 1831 году

— Приняли «Палладу»? Когда приведете в Кронштадт? — живо спрашивал командир порта контрадмирал Рикорд сутулого капитана.

— Принял, и корабль, прямо сказать, удался. Два раза вокруг света без конопатки пройду. Но еще надо потягаться с адмиралтейством в отношении рангоута и такелажа.

— Так за чем же дело стало?

— Не люблю интендантских крыс, ваше превосходительство.

Рикорд вдруг стал официально сух. Он отошел к окну и, глядя в мокрое небо, низко повисшее над рейдом, сердито заговорил:

— Генерал-интендант флота, сударь,— не сухопутная крыса, а славнейший из

русских моряков. Вы не имели чести знать Василия Михайловича Головнина, господин Нахимов?

Горбоносое строгое лицо Нахимова вспыхнуло:

— Простите, ваше превосходительство. Я ведь недавно из Средиземного моря. Генерал-интендантом вицеадмирал Головнин? Не знал, не знал.

В голосе Нахимова было столько тепла и сожаления о своих словах, что Рикорд облегченно сморщил нос и перестал обижаться за высокочтимого друга.

— То-то. Вы, молодые, думаете, раз в море не ходит,—значит, сухопутный. Так?

— Но почему же не ходит, ваше превосходительство?..

— У вас, голубчик, были друзья на Сенатской площади?—он замахал руками.— Можете не отвечать. Мы поняли друг друга. — Рикорд перешел на шопот: — Адмирал Головнин слишком свободолюбив [1], чтобы царь доверил ему людей. Теперь требуются мордобойцы. У нас же на «Диане» за пять лет ни разу не применялись линьки.

— Я тоже не почитаю их средством воспитания.

Рикорд с неадмиральской живостью примостился на углу стола:

— Вот и вышло, что превосходный строевой офицер, тактик, исследователь строит корабли, будто он инженер. Да и я после стольких путешествий командую ныне гребными судами и брандвахтами Кронштадта. Только что пару лет в средиземноморском крейсерстве пробыл.

Нахимов с сожалением посмотрел на Рикорда:

— Книги адмирала о путешествиях и тактике флота, а также поучительные сборники о кораблекрушениях читал. Мы в Америку шли, пользуясь лоциями адмирала. Я ведь на фрегате «Крейсер» служил. Почти следом за «Камчаткой» прошли.

---

[1] В 1861 году опубликованы «Записки мичмана Мореходова», книжка, в которой Головнин нарисовал отвратительную картину состояния флота при Александре I и дал резкую критику правительственных порядков. В 1904 году в Мюнхене напечатаны воспоминания декабриста Дмитрия Завалишина. Автор их, моряк, участник кругосветного плавания на «Крейсере», утверждает, что Головнин входил в тайное общество и даже предлагал взять на себя организацию взрыва корабля в Кронштадте, когда на нем будет царь.

Рикорд поднял палец:

— Да, писатель! Он и меня соблазнял: «Пиши, пиши!» Да какой я писатель? Еле-еле намарал, как ходили за пленниками в Японию. Стиль у меня с корпуса. А нынче Карамзин, Пушкин.

— Призвание нужно,— поддержал Нахимов.— Мне и приказ писать тяжко. А тоже есть, что вспомнить... Кругосветный вояж. Наваринский бой. Пройдет еще десяток лет, и все из памяти вон. Вот вы, небось, забыли бы о приключениях в Японии без своих и адмирала записей?

У Рикорда опять сбежала улыбка.

— Нет, голубчик, этакое не забывается. Почище шекспировской трагедии. Мур, например. Помните, мичман, что постыдно вел себя в Японии! Он еще на Камчатке мечтал о побеге в Кантон. А как пришло нам время отправляться в Россию, окончательно струсил. Ружье к ноге, палкой взвел курок...

Нахимов внимательно слушал, помедлив, спросил:

— А другие пленники?

— Штурман Хлебников в отставке без мундира и пенсии. Этакого штурмана в другом флоте на вес золота ценили б. А у нас,— он коснулся рукой адмиральского эполета с вензелем Николая Первого,— у нас якобинство хуже воровства... Матросы? Шкаева застрелили на Неве 25 декабря. Он в бестужевской роте был. И слава богу! Под шпицрутенами смерть хуже. Макаров еще жив, у Василия Михайловича доживает век. Про других матросов не знаю.

* * *

Через месяц, развернув «С.-Петербургские ведомости», капитан Нахимов прочитал о скоропостижной смерти от холеры вицеадмирала В. М. Головнина.

А Рикорд умер почти в одно время с Нахимовым. В славный 1854 год, когда Нахимов героически руководил моряками в обороне Севастополя, адмирал Рикорд отражал попытки английского флота пройти в Финский залив.

Рикорд умер, когда путешествия в восточный океан стали обычными рейсами для быстроходных клипперов, когда на море черный дым паровой машины уже вытеснял романтические белые паруса. И с его смертью трагедия русских моряков покрывалась пылью на книжных полках. Какое дело было царской России до мужества ее сынов?

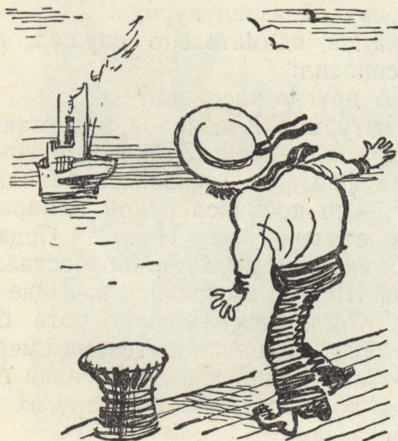


Томас Гуд

Рис. К. Ротова.

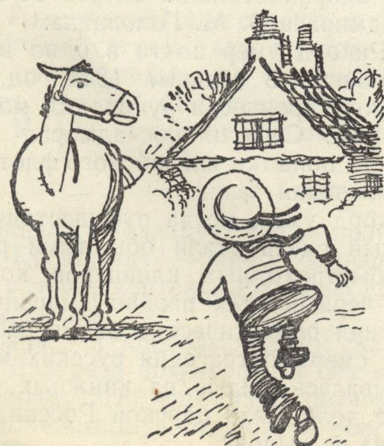
Рассказ кривоногого моряка

Перевод с английского Натальи Кончаловской



Иным прямые ноги даст природа,
Иных она кривыми наградит,
Иной красив, да вырастет в урода,
Коль за ребенком нянька не следит.
Так и живет весь век до самой смерти
Кривой, косой, уродливый как чорт!
Так вот и я случайно стал, поверьте,
Кривым на левый и на правый борт!

Вот что произошло со мной:
Кобыла рыжая была всему виной.
(Я с той поры не выношу кобыл!)
Был месяц май, весна,
До своего судна
Добраться в Хартфордшайр я должен был.
Гляжу: почтовый,
Совсем готовый
К отплытию. Отходит на виду
Я кинулся к нему, но на беду
На узел мой он делал два узла —
Погоня бесполезною была!



Обдумав, как мне быть,
Чем горю пособить,
Заметил вывеску: «Кровавый лев» — подворье,
Взял курс на вывеску, и вскоре
Я, все подворье обежав вокруг,
Перед конюшней очутился вдруг.

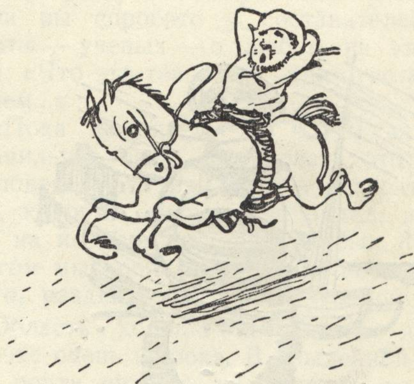
И вот они — четыре брыкуна,
А пятая стоит себе одна —
Кобыла рыжая. Тут отдал я концы,
Но моряки — скакать не молодцы,
И потому, достав кусок каната,
Я попросил проезжего солдата

Связать мне ноги что есть силы
Под килем у моей кобылы.

Я потянул поводья, осмелев.
Остался за кормой «Кровавый лев»!

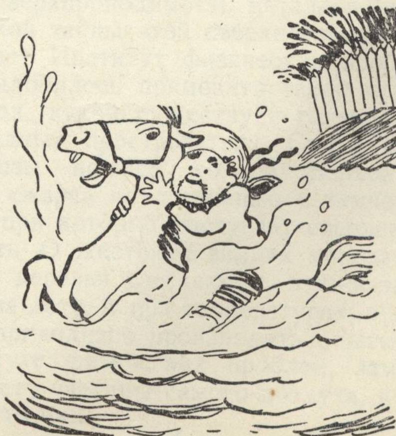


Проклятье! Как ее качало!
Меня мутило с самого начала,
И я не мог с ней справиться, когда
Она сама в канаву курс держала!
Верчу проклятый руль туда-сюда,
(К чертям четвероногие суда!)
И если б у нее хватило силы,
Клянусь, она б меня убила!
Мы не прошли и одного узла
(Что с нас возьмешь?), как вдруг моя кобыла
Упрямо закусила удила
И к пруду с пресною водою понесла.
Я спохватился, да не тут-то было:
Поводья натянув, я оборвал ремень
(До гроба буду помнить этот день!)



Что парню предпринять,
Когда в колодках ноги,
Держаться не за что,
Канавы вдоль дороги.

Осанку бодрую принять,
Смотреть бесстрашно и перед ненастьем
Проверить корпус корабля и снасти, —
Ну, словом, все, что встарь заведено,
Когда спускают на воду судно!
Я так и сделал, но колени ныли,
Канат мне ноги резал, и давно
Свело мне икры под кобыльим килем.
И вот, проплыв с полмили,
С моей кобылой я попал в беду.





Она остановилась на пруду
И стала пить.
Скажите, как тут быть?
Ее живот вздувался и вздувался,
Но такелаж держался,
И тут мне ноги выгнуло в дугу.
Казалось, что вот-вот кобыла рухнет,
Потонет мой корабль на берегу,
Проклятый корпус корабля все пухнет,
Я разорвусь, я больше не могу!

Кобыла напилась
И улеглась.
И так, от Хартфордшайра далеко,
Привязанный к кобыле я лежал,
И было некому подать сигнал
И выпутаться было нелегко.
Я в этот шторм совсем бы стал калекой,
Когда бы не увидел человека.
— Алло! Приятель, лезь-ка под корму! —
И тут свой нож я протянул ему.
Так я освободился от оков —
И был таков!
Кобылу на пруду как лодку бросил
Без паруса, без весел,
И провалиться мне — верхом не сяду я!..
Вот отчего я кривоног, друзья!



ТУРБИНКА АКАДЕМИКА КАПИЦЫ

О. Н. Писаржевский

Область „не знаю"

За Калужской заставой, в Москве, в течение 1936 года выросла группа невысоких строений. В жаркие летние дни на них отбрасывают тени столетние липы Центрального парка имени Горького.

Там, в новых зданиях, становилось все тише по мере того, как с площадки уходили строители и заканчивали работу монтажники, которые укладывали в маленьком помещении 18 километров электрических проводов и устанавливали большие машины.

Но как обманчиво это впечатление тишины и покоя! Можно ли говорить о «покое» на большом корабле, плывущем по океану?

А между тем именно с кораблем, отправившимся в дальний рейс, можно бы сравнить Институт физических проблем (это его лаборатории строились в 1936 году на Калужском шоссе). Со своим маленьким «экипажем» научных работников, механиков, электриков и со своим «капитаном» — академиком Петром Леонидовичем Капицей — этот Институт представляет собой одну из очень далеких экспедиций, посылаемых страной на разведки.

Одни экспедиции ищут залежи драгоценных ископаемых. Другие в открытом море разведывают ход течений. Третьи снимают на карту неведомые горные хребты.

Но та «экспедиция», о которой мы говорим, не выезжает за пределы здания на Калужском шоссе. И в то же время она забирается дальше чем многие иные.

Чего же эта экспедиция ищет? Где она находится сейчас? Что это за странный океан, который пересекает экспедиция, не переступая порога лаборатории?

Этот океан называется «Не знаю».

Если расположить известные, исследованные области науки на карте, края этой большой карты займут белые пятна. И если вы спросите у составителей этой карты — ученых — о любом из этих пятен: «Что это такое?», — они ответят: «Не знаем...»

«Пока не знаем, но хотим знать» — правильнее было бы назвать этот край. Человек сумел измерить и взвесить атомы, которых никогда не видел, и солнце, на котором никогда не был. Шаг за шагом мы проникаем в царство неизвестного, раздвигаем границы точной науки.

Область хорошо изученных явлений сейчас очень широка. В обыденной жизни мы почти никогда не выходим из нее и не соприкасаемся с областью неведомого.

Для путешествия в мир загадочных явлений природы нужна тщательно снаряженная научная экспедиция. Например, чтобы натолкнуться на одно из самых непонятных и крайне интересных явлений — на сверхпроводимость металлов (над разгадкой тайны этой сверхпроводимости работает Институт физических проблем), — понадобилось применить такой страшный холод, какой существует только в межзвездных пространствах. Самые суровые морозы полюса холода Верхоянска — это «жара» по сравнению с температурами, при которых наступает сверхпроводимость. О жестоких зимних морозах говорят: деревья трескаются, птицы замерзают на лету. А при температурах, с которыми приходится производить опыты в Институте физических проблем, замерзают на лету частицы самого воздуха, которым мы дышим.

Консервы из электричества

В комнате, где вы находитесь, или на улице в теплый летний день мельчайшие частицы — молекулы — воздуха движутся в среднем со скоростью пятьсот десять метров в секунду. Это самая приятная для наших ощущений скорость движения молекул (удары их мы и воспринимаем как ощущение тепла). Стоит молекулам совсем немного умерить быстроту своих движений, метров на десять—пятнадцать в секунду, и нам покажется, что ударил жестокий мороз.

Теперь представьте себе, что движение молекул воздуха ослабело, замедлилось настолько, что они уже не могут свободно летать. Газ превратится тогда в жидкость. Воздух потечет как вода. Температуру, при которой все это наступит, не в состоянии передать ни одно человеческое ощущение. Опустив на минуту палец в жидкий воздух, вы не успели бы почти ничего почувствовать: настолько быстро живая ткань превратилась бы в бесчувственную ледышку. Легким ударом безжизненный желтый предмет, бывший когда-то пальцем, можно отломить от руки.

Специальный незамерзающий термометр показывает в такой жидкости — 194° С.

Но сверхпроводимость металлов наступает при еще более низкой температуре. Столь низкой, что при ней все газы не будут даже и жидкостью: они затвердеют. Один лишь газ гелий останется еще жидкостью.

Почти тридцать лет назад голландец Камерлинг-Оннес открыл, что при температуре жидкого гелия ток в некоторых металлических проводниках может течь без потерь.

В 1912 году на заседание Лондонского научного общества с большими предосторожностями доставили из Лейдена (Голландия) сосуд с жидким гелием, в котором плавало «волшебное кольцо» из свинцовой проволоки.

К этому металлическому колечку, покрытому самой холодной на свете жидкостью — жидким гелием,—поднесли стрелку компаса. Игла, к величайшему изумлению всех наблюдателей, повернулась. Это могло значить только одно: в замкнутом кольце шел электрический ток. Не уменьшаясь и не ослабевая, ток, «пущенный», возбужденный в кольце еще в Голландии, непрерывно циркулировал, вертелся по кольцу. Это была невероятная вещь: в кольце исчезло сопротивление электрическому току!

И с того самого дня, как впервые было открыто загадочное явление сверхпроводимости, немало находилось горячих голов, предлагавших проекты сооружения «кабеля без потерь». Что и говорить, заманчивая мечта! По кабелю, в котором исчезло сопротивление электрическому току, можно было бы передавать электрическую энергию на любое расстояние. Сейчас ее так много тратится на преодоление этого сопротивления в обыкновенных проводах, что, пробежав по ним несколько сотен километров, ток уже не может совершать никакой работы: его энергия расходуется вся, и ток угасает. Вот почему линии электропередач, которые можно построить в настоящее время, все сравнительно коротки.

Но как построить «кабель без потерь»?

Сначала надо разгадать секрет металлического колечка, лежащего в жидком гелии. Почему в этом колечке электрический ток может течь не угасая? Почему исчезло тут сопротивление?

Какие особенные свойства придает кусочку металла глубокое охлаждение, делая его сверхпроводником?

Задав этот вопрос, мы с вами шагаем прямо в страну «Не знаю», в область белых пятен науки, туда, где работает «экспедиция» Института академика Капицы.

Быть может, когда она выяснит загадочные свойства сверхпроводников, удастся создать новые, не известные еще никому сверхэкономичные проводники, годные для употребления и при обычной температуре. Этого было бы достаточно, чтобы перевернуть всю современную технику.

Но «экспедиция» находится еще в самом начале своего пути. Какие и когда она сделает находки, — еще рано говорить.

А теперь, после того как вы узнали, в какой области работает наша «экспедиция», я хочу вам рассказать, что она уже нашла в заманчивой и загадочной стране низких температур.

Это будет рассказ о победоносном переходе границы области «Не знаю» и о том, как на одном из белых ее пятен был водружен советский флаг. Это будет рассказ о нашей победе над западноевропейской и американской техникой.

Покорение воздушного океана

Прозрачные газы, из которых состоит воздух, ничем как будто не напоминают о себе. Не имеет ни вкуса, ни запаха кислород, без которого мы не могли бы дышать, ни азот, десять тысяч литров которого мы без вреда для себя ежедневно пропускаем через легкие. Из этих двух газов в основном и состоит окружающий нас воздух. Мы дышим им и часто вовсе забываем о его существовании.

Но вот инженеры-химики, металлурги, сварщики, агрономы и газификаторы никогда не забывают о существовании этого огромного воздушного океана. Все они мечтают покорить этот необ'ятный океан. И при этом покорить не так, как делают летчики, прорезающие воздушные просторы самолетами, а как технологи, использующие силы и запасы природы для промышленности.

О тех, кто беспочвенно мечтает, говорят, что они строят «воздушные замки». Но к нашим инженерам это никак не применимо, хотя они мечтают если и не о «воздушных замках», то о «воздушных заводах». Дело в том, что их мечты не фантастические, а совершенно реальные. Ведь прогалины в лесах, площади и улицы в городах, любые куски «пустого» пространства — все это и впрямь неисчерпаемые летающие склады драгоценного сырья.

— Больше кислорода! — не устают твердить сварщики, «сваривающие» куски металла с помощью кислородного пламени. Большие морские суда делаются сейчас из сваренных друг с другом металлических листов. В Ленинграде, например, выстроен целый мост без единой заклепки.

— Больше кислорода! — требуют газификаторы, которым кислород нужен для того, чтобы превратить прямо под землей пласты угля в ценный газ, не поднимая угля на поверхность.

— Больше кислорода! — повторяют энергетики и металлурги. Топки котлов, доменные печи втягивают в себя во время работы сотни тысяч кубических метров воздуха. Но в этом воздухе меньше одной трети кислорода, который поддерживает горение. Остальное — азот. Для того чтобы ярче пылали топки и доменные печи выпускали больше чугуна, надо вдувать в них чистый кислород, без примеси азота.

— А нам нужен именно азот! Чистый азот без всякого кислорода, — заявляют в свою очередь химики и агрономы.

Полям и садам необходимы миллионы тонн азотистых удобрений. Они позволят намного повысить урожай. Азот нужен химической, оборонной промышленности.

Казалось бы, проще всего добыть и азот и кислород из воздуха. Для этого надо только отделить их друг от друга.

К сожалению, это очень нелегкая задача.

Практически разделить кислород и азот воздуха можно только в том случае, если смесь этих газов превратить в жидкость. А для этого нужны те очень низкие температуры, над получением которых работает Институт физических проблем.

Когда газы, составляющие воздух, превратятся в жидкость, их можно разделить примерно так же, как отделяется спирт от воды, бензин от нефти и т. д., то есть выпариванием.

Азот испаряется из жидкого воздуха легче чем кислород. Пользуясь этим, его «ловят» и собирают отдельно.

Весь этот процесс, который на словах кажется очень простым, на самом деле крайне сложен и стоит очень дорого. Настолько дорого, что чистый кислород, добываемый таким путем из воздуха, невыгодно даже применять, например, для питания топок котлов.

Есть много заманчивых технических идей, которые сами по себе осуществимы, но применять их невыгодно. Есть проект, например, добывать золото из морской воды. Но никому не придет в голову поступать так на практике: для добывания одной крупинки золота таким способом пришлось бы затратить целые горы денег!

Означает ли это, что нам так и не удастся широко использовать для нашей про-

мышленности гигантские воздушные запасы азота и кислорода?

Нет! Если существующие машины для разделения азота и кислорода работают дорого и медленно, — надо изобрести новые!

Так и поставил вопрос академик П. Л. Капица, когда он в Институте физических проблем занялся вопросом о добывании азота и кислорода из воздуха.

Но прежде чем придумывать новые способы и машины, надо было понять, чем плохи существующие.

На пути к изобретению

П. Л. Капица решил выяснить, какая часть всего процесса отделения кислорода воздуха от азота самая дорогая.

Оказалось, что труднее и дороже всего охладить воздух настолько, чтобы он стал жидким.

Для того чтобы воздух охладить, его заставляют работать. Воздух, предварительно сжатый, расширяясь, толкает поршень или вращает лопасти турбины. Эту работу воздух совершает за счет своего тепла и при этом охлаждается.

Турбины, казалось бы, удобнее всего применять в холодильных машинах. Однако, хотя это было известно давно, капиталистические фирмы на Западе стали делать так только недавно.

И странное дело! Турбины в холодильных машинах работали очень плохо. А такие же точно турбины, только приводимые в движение струей горячего пара, оказывались на электростанциях, на больших теплоходах гораздо лучше обычных паровых машин. В чем же дело? Почему же турбины начинали работать плохо, когда в них вместо пара циркулировал расширяющийся холодный газ?

Это казалось непонятным.

Фирмы, которые пытались использовать в холодильных машинах турбины, не публиковали о них подробных сведений. Самый ценный опыт — следы исканий, протоколы неудач — оставался неведомым.

Но ведь ученый — следопыт по самой своей природе.

Сначала Капица собрал все отрывочные и разрозненные факты, относившиеся к непонятному явлению—низкой производительности холодильных турбин.

Так начинается всякое исследование. Но когда собрано какое-то количество фактов и наблюдений, кажущихся непонятными и противоречивыми, исследователь на время прекращает дальнейшее их накопление.

Капица размышлял с карандашом в руках. Он заполнял формулами и вычислениями одну тетрадку за другой.

Утро часто заставало ученого в мастерской Института. Он приносил туда чертежи, иногда просто схемы, набросанные карандашом на обороте карты, на обложке журнала, смотря по тому, за каким делом его заставала внезапно мелькнувшая идея. Он работал над своим замыслом неотступно: за завтраком, и в автомобиле, за текущими экспериментами с жидким гелием, и в промежутке между двумя продиктованными письмами. Постепенно из беглых зарисовок отдельных мыслей возникали очертания будущей конструкции, а затем они воплощались в металл.

Капица с нетерпением следил, как из бесформенных кусков меди и стали постепенно появлялись контуры крошечной турбинки.

Забегая вперед, нужно сказать, что Капица разгадал причину всех прежних неудач применения турбины в холодильных машинах. Сложные расчеты, проделанные им, выяснили много интересного. Напрасно никто не обращал до сих пор внимания на то, что частицы холодного воздуха, проходящего через турбину, почти так же плотно сцеплены друг с другом, как частицы воды. В этом плотном воздухе под влиянием центробежной силы образовывались завихрения, они мешали работе обыкновенной турбины, рассчитанной на легкий, горячий пар.

Но если холодный воздух плотен почти как вода, может быть, можно заставить его работать не в газовой, а в водяной турбине, такой, как на гидростанциях?

Нет, водяная турбина здесь не поможет. Как ни плотен холодный воздух, но это все-таки еще газ, а не жидкость!

Как же быть?

Уж не приходится ли вообще отказаться от применения турбины в холодильных машинах?

Нет! Исчерпаны только возможности старых типов турбин. Нужно придумать новый тип.

В придуманной Капицей новой конструкции турбины холодный воздух, который не хотел служить только как газ или только как вода, должен был заработать одновременно и как газ и как вода!

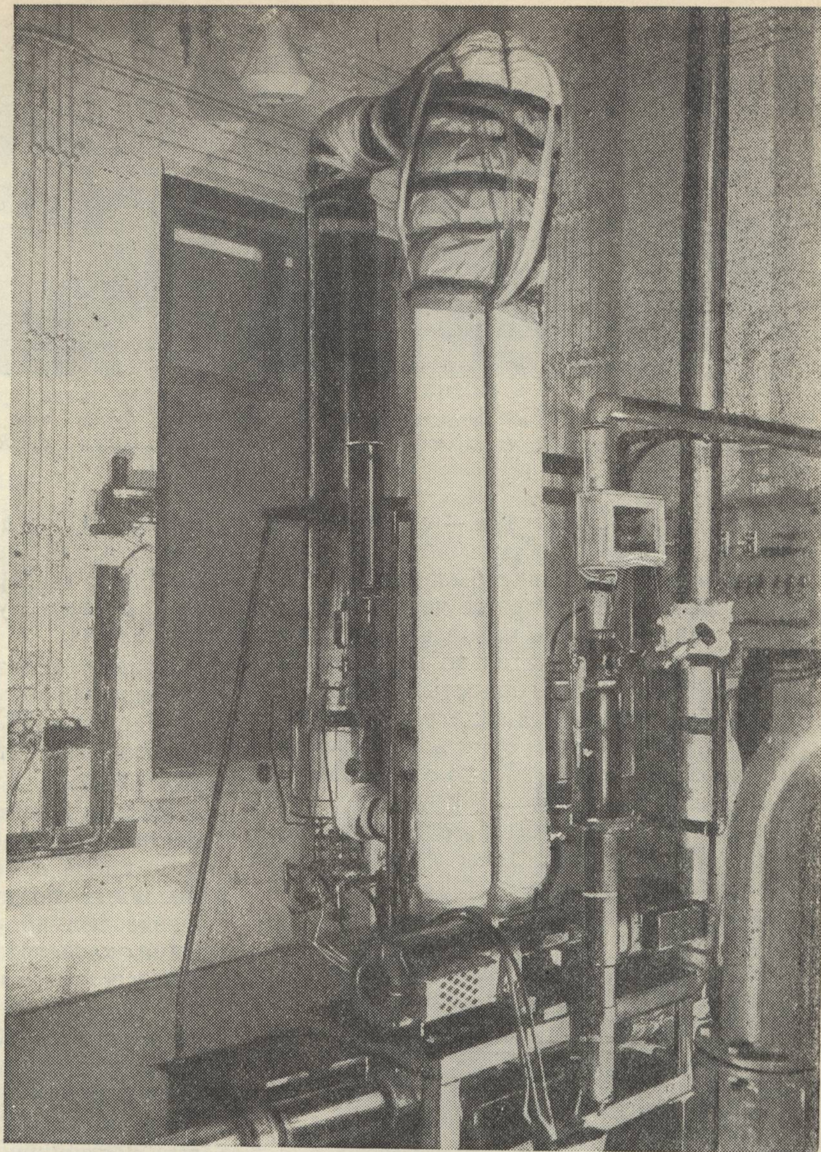
Но будет ли подобная машина работать так хорошо, как можно было ожидать на основании расчетов?

Ответить на это мог только опыт.

До постановки этого решающего, окончательного опыта Капица никому, кроме своих ближайших помощников, ничего не говорил о своих идеях. Да и то он разговаривал о них главным образом чертежами. Этот молчаливый разговор прекрасно понимали в мастерской Института, замечательной тем, что в ней можно сделать все, что вы хотите,— от часового механизма, если бы это понадобилось, до револьверного станка.

Скоро первый экспериментальный образец турбины был готов.

Это было в мае 1936 года.



Установка акад. П. Л. Капицы для получения жидкого воздуха. Обычная установка такой же производительности (30 литров жидкого воздуха в час) заняла бы целый цех большого завода.

Укрощенная ось

Старший механик, держа руку на пусковом рычаге, об'явил, что все готово и можно приступить к испытанию нового механизма.

— Пускайте! — скомандовал Капица.

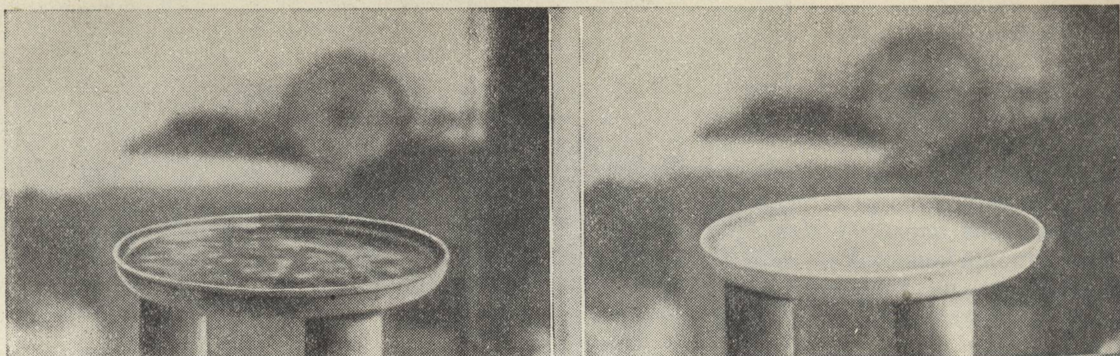
Рычаг был включен. Раздалось гудение. По мере того как турбинка ускоряла свое вращение, гудение переходило в свист, пронзительный, все более тонкий. Вот уже турбинка делает двести оборотов в секунду, двести пятьдесят...

И вдруг — трах!..

Короткий сухой удар — и турбинка останавливается.

Первый опыт, продолжавшийся восемьдесят секунд, окончился.

Капица с механиками склонились над столом в мастерской, где лежала турбинка. Да, все было ясно. Ротор — враща-



Жидкий воздух кипит в металлической тарелке более бурно чем вода на раскаленной плите. Он быстро испаряется, и на холодную тарелку густым инеем оседает влага из окружающего воздуха.

ющийся диск с лопатками — со страшной силой ударился о кожух.

Решили, что турбинка была плохо сбалансирована, т. е. не все ее части находились в равновесии. А на большой скорости равновесие окончательно нарушилось.

Профессиональная гордость и честь мастеров Института была задета таким предположением. Как! Не суметь сбалансировать механизм из одной оси с ротором на ней?

Вторая турбинка была отделана так, как не отделываются даже маятники для астрономических часов, даже образцы метра для Палаты мер и весов!

Это была замечательная машина! Жаль было на нее смотреть, когда она лежала распотрошенная на столе, как и первая, проработав на одну минуту больше.

Все произошло так, как будто бы на экране демонстрировался второй раз один и тот же фильм.

Снова Капица дал знак начинать испытания. Снова машина сначала взвыла, потом взвизгнула. Снова короткий удар на большом числе оборотов — и турбинка вышла из строя.

Нет, балансировка тут была не при чем.

По какой-то гораздо более сложной причине природа не пускала людей в область «Не знаю».

Прошло полгода. За это время Капица ухитрился подсмотреть, как ведет себя бешено вращающийся ротор внутри кожуха. Для этого он сделал очень простую модель турбинки. На оси, вращаемой моторчиком, он подвесил диск, а диск поместил в широкое медное кольцо. Если этот диск начать вращать, он доходит до определенного числа оборотов, а затем на глазах у всех начинает медленно раскачиваться! И вот диск касается кольца... Когда этот момент наступал в настоящей турбине, экспериментаторы и слышали звук рокового удара диска ротора о стенку кожуха.

Капица доказал, что ось всякого быстровращающегося механизма должна в определенный момент начать раскачиваться, двигаясь по сложному спиральному пути.

Но это опаснейшее раскачивание можно легко «погасить». Оно «погасает» и само собой в механизмах, работающих на масляных подшипниках. Здесь это движение оси по спирали, грозящее страшными катастрофами на больших турбинах, гасится слоем масла в подшипнике.

В шариковых подшипниках слоя масла нет. А следовательно, отсутствует и сила, противодействующая раскачиванию оси по спирали. Руководясь опытом, конструкторы не даром мало применяли шариковые подшипники (несмотря на их выгодность и экономичность) в некоторых областях машиностроения, занятых изготовлением быстровращающихся механизмов. Но только теперь стало ясно, в чем именно недостаток шариковых подшипников.

А как только стало это ясно, появилась и возможность устранить этот недостаток. Маленькая дополнительная нагрузка на ось «гасит» опасные силы, раскачивающие ротор. С этой дополнительной нагрузкой на оси шариковые подшипники могут теперь применяться повсюду.

Но это попутная находка «экспедиции» академика Капицы.

Для нашего же рассказа главное то, что холодильная турбина на шарикоподшипниках, снабженная устройством, гася-

щим силы «раскручивания по спирали», заработала.

Ротор ее делает сейчас сорок тысяч оборотов в минуту. Это значит, что за движением какой-либо точки на краю его диска было бы так же трудно уследить, как за полетом дробинки из охотничьего ружья. С такой скоростью край диска проносится на расстоянии 0,15 миллиметра от кожуха. Вы бы не просунули кончика иголки между ними, а за семьсот часов работы они не соприкоснулись ни разу и нигде!

Главные неприятности, таким образом, остались позади.

О второстепенных мы рассказывать не будем. Они тоже преодолены. Турбинка работает уже десять месяцев, и каждый раз, когда это нужно, непрерывная струя жидкого воздуха заполняет дюаровские сосуды с полыми стенками, в которых только и можно хранить жидкий воздух.

Воздушные склады

Турбинка окончательно доказала свои большие преимущества и ответила на все вопросы изобретателя безупречной работой.

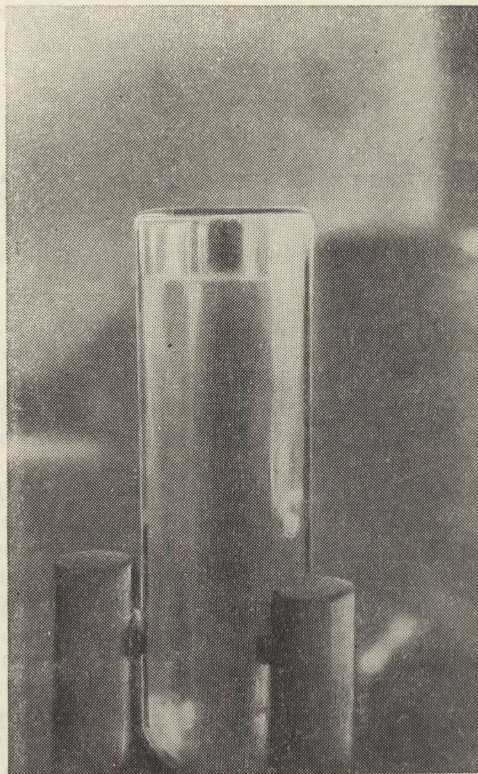
Она настолько производительнее всех прежних конструкций турбин, что успешно работает даже в том случае, если воздух, который в ней охлаждается, расширяясь, предварительно не очень сильно сжат. Это избавляет от чудовищных компрессоров (машин для сжатия воздуха), которые могут быть заменены маленькими турбовоздуходувками. Весь процесс упрощается. Не нужно предварительно осушать воздух, очищать его от загрязнений. Устроено так, что все эти примеси сами собой выдуваются из аппаратуры. В результате не на один процент, и не на десять даже, и не на сто, а в девять—десять раз сокращаются расходы на холодильные установки.

Значит, там, где раньше стояла только одна установка для получения жидкого воздуха, теперь можно поставить, истратив ту же сумму денег, десять установок, работающих по методу академика П. Л. Капицы.

Научившись с помощью турбинки академика Капицы легко получать жидкий воздух, наша промышленность сможет в изобилии добывать из него дешовый кислород и азот.

Это будет большим скачком вперед нашей техники, которая в этой области сразу обгонит Европу и Америку.

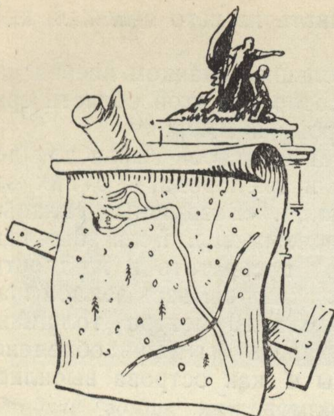
Что же касается запасов сырья для добывания азота и кислорода, — о них заботиться не надо. «Воздушные склады» этих газов неисчерпаемы. Если бы всю нашу атмосферу превратить в жидкость, жидкий воздух залил бы весь земной шар сплошным слоем в 10 метров толщины. Над ним вздымались бы лишь обледенелые небоскребы и как острова высились бы вершины холмов.



В этом прозрачном стеклянном сосуде с двойными стенками налит жидкий воздух. Здесь цариг такой же холод, как в самых верхних слоях земной атмосферы.

Каждый человек, живущий на Земле, имеет свой воздушный «пай» — несколько миллиардов кубических метров смеси кислорода и азота. Для того чтобы всю нашу промышленность насытить этим сырьем на долгое время, вполне достаточно воздушного пая одного из читателей «Пионера». А другие с ним поделятся. Не правда ли?

Строим город



Много ребят откликнулось на наше предложение построить город на Дальнем Востоке (читайте 3 и 4 номера журнала «Пионер»).

Они присылают нам свои планы, проекты, изобретения, рисунки. Самые интересные мы печатаем в журнале.

Город должны строить все наши читатели. Принимайте, ребята, участие в строительстве. Ждем ваших писем и посылок с макетами домов, моделями машин, рисунками фасадов зданий. (Срок присылки продлен до 1 августа).

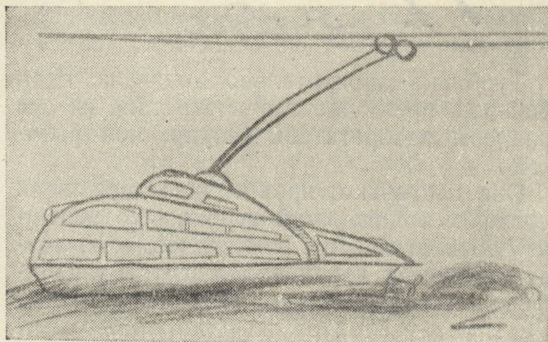
Водный троллейбус, подвесная электродорога

Два года работаю я на Московской детской технической станции и строю модели всяких машин для городского транспорта, которые движутся электричеством. Я уже построил модели водного троллейбуса и подвесной электрической железной дороги.

В городе, который мы строим на Дальнем Востоке, транспорту нужно уделить особое внимание. Он должен отличаться быстротой и быть удобным. По реке я предлагаю пустить водный троллейбус. Это катер обтекаемой формы, его винт двигает электромотор. Электричество подается троллейбусу через токоприемники, которые скользят по проводам, натянутым над рекой.

Зимой, когда река покрывается льдом, вместо водного троллейбуса будет ходить троллейбус на лыжах. Представьте себе обыкновенный троллейбус, у которого вместо колес лыжи. Эксплоатация нашей линии благодаря этим троллейбусам будет возможна почти круглый год.

Провода для троллейбуса могут быть натянуты двумя способами: если река широкая, то у берега будут стоять столбы, от которых отойдет боковая планка, эта планка будет висеть над рекой и к ней будут подвешены провода; если же река узкая, то от одного до другого берега будут натянуты тросы.



Кроме того я предлагаю построить в нашем городе подвесную электродорогу. Ведь выходные дни все городские жители любят проводить за городом. Подвесная электродорога быстро развезет пассажиров по дачным окрестностям.

Электровагон подвесной дороги будет иметь вид дирижабля, подвешенного на роликах к тросу. Позади вагона помещается трехлопастный винт, вращаемый электромотором. Трос, по которому будут бегать ролики вагона, подвешен на столбах. Над стальным тросом будет находиться медный провод, подающий вагону электрическую энергию.

Арон Кипнис

Город радости

Новый, социалистический город, который мы будем строить, должен быть городом радости. В нем должны быть широкие улицы, красивые дома, сады. Жителям этого города надо создать все условия для культурного и веселого отдыха, и поэтому необходимо построить много театров, кино и клубов. Обязательно нужен планетарий.

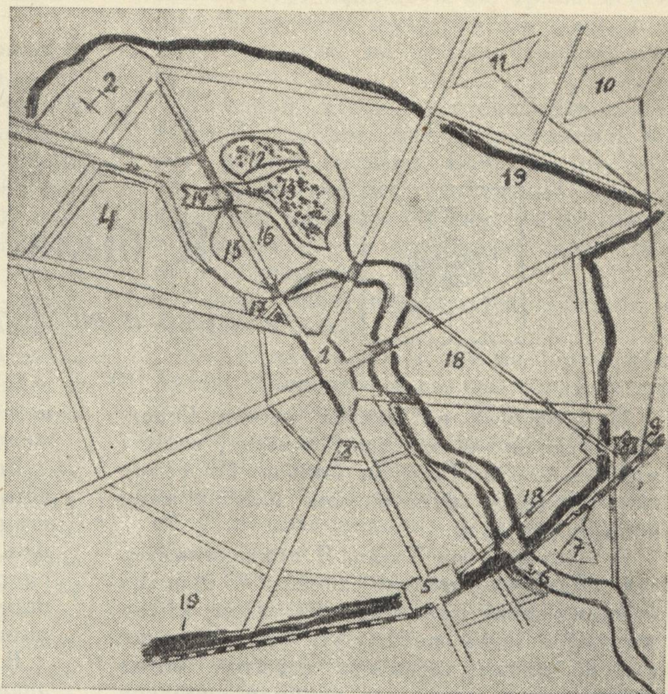
На островах, как на одном из лучших мест города, не удаленном от центра, расположатся парк культуры и отдыха, стадион и физкультурная площадка. В каждом районе будет свой Дом пионеров, а на одной из центральных площадей — общегородской.

Чтобы жители города затрачивали как можно меньше времени на переезд, основные учреждения будут расположены недалеко от центра.

В центре будет находиться большая площадь, на которой разместятся Дворец Советов и другие важнейшие здания. От центральной площади к окраинам города пройдут 8 основных магистралей. На расстоянии 4—5 кварталов от площади магистрали вливаются в широкую улицу, которая кольцом опоясывает центр города, образуя восьмиугольник. По окраинам проходит еще кольцо улиц, вдоль которого идет полоса леса, отделяющая город от заводов и фабрик. Предприятия местной промышленности и металлургический комбинат расположатся на северовосточной окраине города, чтобы господствующие северовосточные ветры относили от города дым и копоть.

Коксохимический комбинат будет построен в юговосточном углу, на реке, вблизи товарной железнодорожной станции.

Недалеко от нее будет находиться и тепловая электростанция, соединенная с рекой каналом.



1 — Центральная площадь. 2 — Аэродром. 3 — Центральный телеграф и почтамт. 4 — Район больниц и домов отдыха. 5 — Пассажирский вокзал и прилегающая к нему площадь с гостиницами. 6 — Порт. 7 — Коксохимический комбинат. 8 — Тепловая электростанция. 9 — Товарная ж.-д. станция. 10 — Металлургический комбинат. 11 — Предприятия местной промышленности. 12—13 — Парк культуры и отдыха. 14 — Стадион, водная станция, физкультурный городок. 15—16 — Зоопарк и заповедник. 17 — Театральная площадь. 18 — Канал, соединяющий реку с электростанцией. 19 — Полоса невырубленного леса.

В том месте, где река выходит за черту города, в нижней части ее течения, будет порт. Его удобно построить здесь потому, что это недалеко от железнодорожной магистрали и кроме того пароходам, которые будут подниматься вверх по реке, не нужно будет проходить через весь город.

В противоположном, югозападном углу города расположится аэродром. В западной части, на берегу реки,— больницы и дома однодневного отдыха.

Далее от города в этом направлении разместятся санатории и дачи.

Вл. Саппак, В. Амитин,
А. Баратов, Мурик Вакмауер



ПОЧТА



Я была у озера Хасан

Письмо и рисунки Нины Онегиной, Москва

Я была уже во многих местах Советского Союза. Жила на Камчатке, ездила в Алма-Ату, в Читу, на Кавказ. Но самое замечательное путешествие было у меня в прошлом году.

Я была у озера Хасан. Я познакомилась там с замечательными людьми — нашими бойцами-дальневосточниками. Они смело охраняют нашу родину. Я была там как раз во время хасанских событий, когда наши войска вдребезги разбили японские части, напавшие на советскую землю.

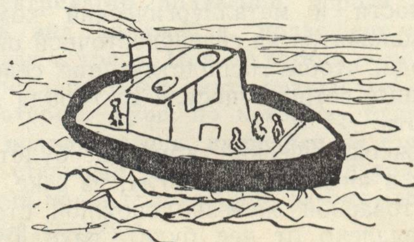
Наш квартет летом поехал на Дальний Восток, и мы давали концерты для красноармейцев и командиров. Однажды после концерта мы узнали, что японцы перешли границу и на сопке Заозерной завязался бой. Это было начало хасанских событий. Мы решили немедленно ехать туда и выступать перед бойцами, которые сражаются на передовых позициях. Нам разрешили. Мы тут же отправились.

Приехали на одну маленькую станцию. Нам указали квартиру, где мы можем остановиться. Было уже поздно, весь город спал, но около каждого дома стояли женщины. Они охраняли свои дома. Мы нашли тот дом, про который нам говорили. У ворот нас встретила молодая женщина. Она сказала, что не знает нас и, пока не будет распоряжения, не сможет впустить в дом. Мы сначала подумали, что она просто не поверила, что мы артисты, потому что с дороги у нас был скверный вид. У папы была грязная майка, мое платье тоже запылилось. Но оказалось, что это — такое правило. Как только из штаба прислали подтверждение, что мы артисты и нам разрешается жить в этом городе, женщина охотно впустила нас в комнату.

Вскоре мы убедились, что такая предосторожность необходима, потому что станция находится близко от границы. Ася, так звали эту молодую женщину, рассказала мне, как незадолго перед нашим приездом она задержала крупного шпиона.

В этом небольшом городке все жители знают друг друга в лицо. Вдруг появился человек, которого никто не знал. Он был одет в форму лейтенанта. «Лейтенанта» хотели задержать, спросить, откуда он прибыл, но он исчез, будто провалился сквозь землю. Нигде не могли сыскать его.

Ночью Ася дежурила около своего дома, вдруг она увидела, как в темноте мелькнуло что-то белое. Она стала всматриваться, увидела человека босого, в простой белой рубахе. Ася заговорила с ним. Он говорил по-русски довольно свободно, но с акцентом. Ася решила его задержать. Босяк оказался тем самым «лейтенантом», которого искали. Он переоделся оборванцем,



На таком катере мы плыли по Японскому морю. На море в это время был сильный шторм.

чтобы скрыться, но и этот маскарад ему не помог. После этого случая все женщины стали поочереди дежурить по ночам около своих домов.

В одной воинской части после нашего выступления к нам подошло несколько человек, они стали разговаривать с папой. Молодой лейтенант невысокого роста с перевязанной рукой назвал свою фамилию. Я вспомнила, что у Аси та же фамилия, оказалось, что это ее муж. Я просила его передать Асе привет, когда он приедет домой. Мне очень жалко, что я потеряла адрес Аси и не могу ей написать. Но я никогда не забуду эту замечательную комсомолку, одну из тех сильных и смелых женщин, которых так много в нашей стране и особенно на Дальнем Востоке.

Мы пробыли на Хасане две недели. Выступали в самых разных условиях, очень часто не на сцене, а прямо под открытым небом, иногда на грузовике, иногда прямо на поле. Один раз — даже на аэродроме. Мы выступали посредине аэродрома, а летчики стояли около своих машин. Они не могли отойти от самолетов. Каждую секунду могло придти приказание — вылететь. И действительно, в самый разгар концерта взлетела сигнальная ракета. Самолеты в один миг поднялись в воздух, эскадрилья полетела бомбить японцев. И здорово же досталось японцам от наших летчиков!

Когда мы приехали к сопке Заозерной, бои уже кончились, было заключено перемирие. Японцев выгнали с советской земли, они бежали без оглядки, бросая на ходу оружие.

Мы познакомились с капитаном Бочкаревым. С ним я переписываюсь и сейчас. Когда он был награжден орденом Ленина и приехал в Москву, он зашел к нам. Но он был в Москве очень недолго, и мы виделись всего несколько часов.

Бочкарева в его батальоне зовут Чапаем. Он и в самом деле похож на Чапаева и не только своей внешностью, но и делами. Смелый, решительный, как Чапаев, он всегда шел в атаку первым, никогда не отступал перед вражескими пулями.

Во время боев он не спал несколько суток подряд. Когда наступило перемирие, его батальон был совсем близко к японским окопам. Кто знает, что японцы затевают. Могут напасть и во время перемирия. И капитан Бочкарев сам остался дежурить ночью, не смыкая глаз седьмые сутки.

В одной атаке двое японцев хотели убить Бочкарева, уже приготовились бросить в него гранаты, Бочкарев не видел их, но, на счастье, это увидел младший командир Баринов. Он кинулся на японцев и заколол их. Он спас жизнь своего храброго командира.

Теперь капитан Бочкарев — Герой Советского Союза.

Как-то мы сидели с ним на берегу озера Хасан. Местность здесь вся изрыта ямами. Это следы от снарядов. Недалеко от нас, на сопке Заозерной, развевался яркий красный флаг. Мимо прошел взвод. У командира было смелое, мужественное лицо и твердая походка. Капитан Бочкарев сказал нам:

— Это замечательный герой. Во время боя он увидел, как упал раненый командир роты. Тогда он, хотя и был только младшим командиром, сам повел в бой всю роту. Он крикнул: «За родного Сталина!» Бойцы ринулись на штурм Заозерной и отбили японцев.

Бочкарев рассказал нам много случаев самоотверженности и героизма бойцов Красной Армии.

Когда я была на Хасане и видела, как дальневосточники храбро борются и побеждают врага, мне хотелось взять винтовку и встать в их ряды.

Однажды, когда бойцы рвали ветки и траву для маскировки своих окопов, я стала рвать вместе с ними. Трава и кустарник были колючие. Я исцарапала все руки, мне потом трудно было играть на баяне, но я была очень рада, что хоть немножко помогла бойцам.

Особенно я подружилась с капитаном Трофимовым. Мы с ним познакомились в поезде еще до событий на Хасане. Мы ехали во Владивосток. Я стояла у открытого окна и все глядела на новые, незнакомые мне места. Окно было открыто, и папа все время говорил: «Отойди от окна, простудишься». Но там такая интересная природа, что я ни за что не хотела отойти от окна. Вдруг я услышала, как кто-то говорит папины слова — «Отойди от окна,



простудишься»,— только голос был не папин. Я оглянулась, увидела военного, который стоял около меня и повторял: «Отойди от окна». Мы с ним разговорились и потом всю дорогу, а дорога была дальняя, ехали в одном купе, много разговаривали, играли в разные игры. Он рассказывал про себя, про то, как его отец погиб на фронте, как он остался сиротой и пошел на фронт. Жизнь у него раньше, видно, была тяжелая. Но он такой твердый и крепкий человек, что, по-моему, все может вынести, ничто его не сломит. Он очень веселый, все смеялся, что возьмет меня в дочки и увезет с собой. А когда я его спросила, куда же он меня повезет, он мне ничего не ответил.



Я и мама верхом на лошадях едем на концерт.

И вот позднее, когда мы ехали в одну часть, стоявшую у озера Хасан, нам сказали, что надо спросить капитана Трофимова. Это и был мой знакомый. У капитана Трофимова в части мы выступали много раз. Кроме нас сюда приехал духовой оркестр краснофлотцев, получилось большое хорошее представление. У Трофимова и без нас, конечно, было достаточно дел, и мы были очень тронуты, когда он принес нам в подарок красивые хасанские лилии — голубые и красные. Мы берегли их очень долго, пока они совсем не увяли.

Сколько мы ни выступали на разных концертах, у нас никогда не было такого сильного и бодрого настроения, как тогда, когда мы были на Хасане. Ведь мы выступали перед бойцами-героями, которые только что разбили врагов и разбили так, что и по сей день японцы помнят хасанский урок!

Москва

Стихи Вити Протопопова, Ст. Битицы

Москва, ты наше сердце!
Москва, ты наше знамя!
Москва, ты вечерами
Усеяна огнями.

Дома как великаны
В Москве стоят.
Красивые фонтаны
В садах шумят.

В дни праздничные Мая
Цветами убрана,
Всегда живешь ты с нами,
Веселая Москва.

Кипишь, Москва родная,
Шумна и весела.
А на Кремле большая
Горит твоя звезда.



Друзья-испанцы

Письмо Правды Чумак.
233-я школа, Москва

Лето 1937 года. Весь день в Бердянском лагере было волнение. Мы готовились к приему дорогих гостей — детей Басконии. В это время на их родине фашистские самолеты сбрасывали зажигательные бомбы над городами и деревнями, взрывали кварталы, убивали героических республиканцев, с неслыханной отвагой сражавшихся против ненавистных интервентов и предателей испанского народа. До нас дошло дыхание фронтов, газетные сводки превратились в животрепещущие донесения. Не было ни одного человека в лагере, который не жил бы предстоящей встречей с маленьким отрядом испанских детей. На экстренных сборах во всем лагере были выделены лучшие пионеры. Они вошли в делегацию, которую мы направили на вокзал для торжественной встречи испанских товарищей. Многие ребята вышивали на пионерских галстуках «Viva Stalin!», «Viva Dolores Jbarruri!»

Мы хотели подарить своим долгожданным друзьям самое лучшее, что было у нас. После ужина отряды построились у арки. На каждом из нас была испанская шапочка. Мы стояли с большими букетами цветов. Вдруг на повороте появились машины. Загремело «ура». Музыка перекрыла наши голоса, звуки медных труб слились с нашими радостными возгласами. Испанские ребята смотрели на нас широко раскрытыми глазами, не скрывая своей радости. Мы засыпали их цветами, обнимали их. Испанские и советские ребята соединились в одну пионерскую семью.

Сначала нам казалось странным, что испанцы не понимают русского языка, а мы не знаем испанского. Ведь мы же пионеры, все мы одинаковы. У нас должен быть общий язык. Мы не можем не понимать друг друга, мы не можем не говорить друг с другом. Но как начать? Мы решили спрашивать у испанских товарищей, как их зовут, но они не отвечали, потому что не понимали наших вопросов. Тогда мы собрались двумя небольшими группами: в одной мы, а в другой испанские ребята. Один из нас подходил к каждому советскому пионеру и спрашивал: «Как тебя зовут?». Мы громко называли свои имена. Испанцы очень быстро поняли, в чем дело, и сделали то же самое. Мы узнали, как сказать по-испански «Как тебя зовут?»

На другой день, после завтрака, мы вышли играть в волейбол. Испанские ребята стояли в стороне, не зная, как включиться в игру. Они сказали переводчице, что не умеют играть в волейбол. Но мы окружили их, показали, как надо играть, и через минуту они, вначале неловко, затем все лучше и лучше, стали перекидывать мяч и увлеклись игрой.

Испанские друзья жили в трех больших корпусах. Среди них были дети различного возраста: от одного года до четырнадцати — пятнадцати лет. Через несколько дней два звена нашего отряда устроили сбор, посвященный борьбе героической Испании. На этом сборе нам рассказали о том, какая замечательная страна Испания, какие там живут народы, какова их история, как прекрасны памятники старины, рассказали о великих людях Испании. Мы узнали о том великолепном мужестве, с которым испанский народ борется за свою любимую родину, за свою землю, за свое настоящее и будущее. Мы увидели на экране Мадрид, Барселону, Гренаду, Валенсию.

Многие из нас, если не все, с этого времени начали изучать испанский язык, ловя и запоминая каждое слово. У каждого появились блокноты с испанскими

словами и фразами. На этом сборе были наши испанские товарищи. Мы сидели на сцене, потому что туда не проникал дневной свет, а нам показывали цветные картины. На сцене оказалось мало стульев, и мы притащили туда небольшой диван. Между мной и моей подругой Галей сидела испанская девочка. Вскоре мы разговорились и узнали, что ее зовут Фелиса. С этих пор я, Галя и Фелиса подружились. Мы часто гуляли по дорожке, ведущей к морю, и знаками, а потом испанскими и русскими словами об'яснялись друг с другом. Наша дружба стала горячей и крепкой. Испанские ребята все время следили по газетам, что происходит в их стране. Когда мы получили известие о том, что столицу Басконии — Бильбао — взяли фашисты, то очень расстроились и решили пока не говорить об этом своим друзьям. Но они как-то узнали эту тяжелую весть, и в лагере началось неописуемое горе. Испанцы плакали, мы едва сдерживали свои переживания за испанский народ и за наших гостей. Нам хотелось, чтобы раны их родины не тревожили их здесь, в Советском Союзе. Мы бегали от одного к другому и утешали как только могли. Лагерь превратился во встревоженный муравейник. Многие из испанских ребят собрались у большого дерева, как бы на военный совет, и здесь они все поклялись до конца своей жизни бороться против фашизма, отомстить за свою родину, освободить ее и сделать счастливой и могучей. Потом мы узнали, что несколько испанских ребят отвязали ночью лодку и едва не ушли на ней в открытое море, но, к счастью, их задержали, а то они могли погибнуть в далеком пути к берегам Испании.

Когда нам показывали кинофильмы и на экране появлялся поп, офицер, генерал или кулак, в зале поднимался такой шум, что механик старался поскорее «прокрутить» эти кадры. Испанские ребята выражали свою ненависть к угнетателям — врагам народа. Мы говорили им, что это всего лишь артисты, но они яростно твердили: «Эсто фасисто». Мы хорошо понимали их переживания и горячо сочувствовали им.

В каждом отряде у нас была футбольная команда, и мы устраивали состязания. Особенными и незабываемыми матчами были советско-испанские. Случалось, что мы обыгрывали испанцев, но и нам от них доставалось. После матча мы собирались все вместе и пели.

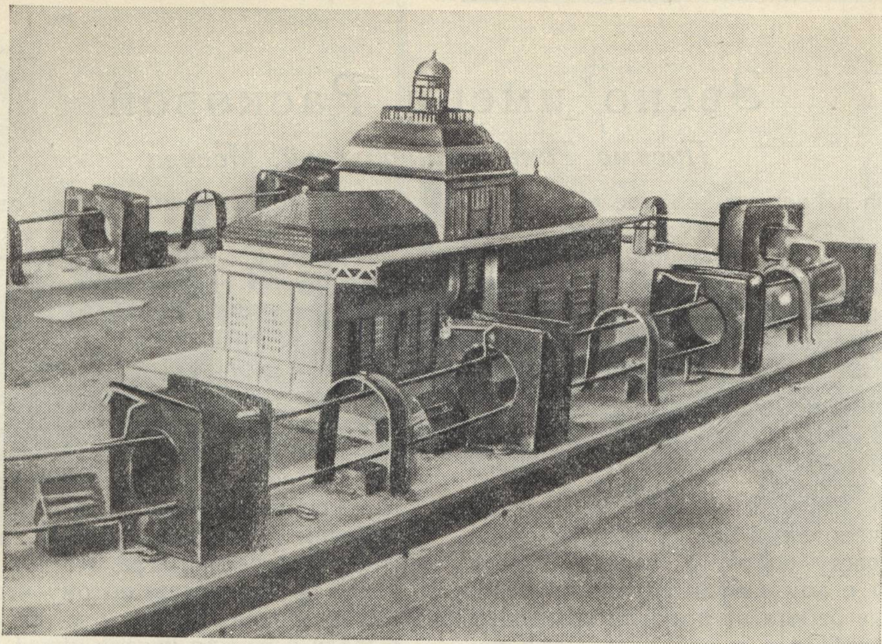
Наступил день нашего от'езда. Нам нужно было расставаться со своими друзьями. Мы выехали из лагеря рано утром, чтобы поспеть к поезду, и не будили своих друзей, но они нас догнали на грузовиках. На перроне мы столкнулись с вбежавшими испанскими ребятами. Скоро мы нашли Фелису, Феликса и Биктора. Мы ходили по перрону, обнявшись и не выпуская рук друг друга. Но скоро раздались звуки горна: мы должны были разойтись по своим вагонам. Я и Галя крепко обняли своих испанских друзей. Тронулся поезд. Нелегко было расставаться. Испанские ребята нашли в нашей стране свою вторую родину, и мы были их первыми друзьями.

Лесное озеро

Стихи Мориса Ваксмахера, Москва

Я лесом иду,
Глухою тропой,
Как змейка в траве она вьется;
Прохладно в лесу,
Пахнет смолой,
Трель голосистая льется.
Деревья стоят
Зеленой стеной...
Но вот впереди забелело:

Я вышел к опушке,
И здесь предо мной
Гладь озера вдруг заблестела.
Искрится вода
От солнца лучей,
Дикие утки взлетают;
Шепчется лес,
Все тихо кругом,
Ветер камыш чуть качает...



Модель соленоидной дороги.

Подарок юных техников московского Дома пионеров.



Иллюстрация к роману Н. Островского „Как закалялась сталь"

Подарок Шуры Дубинчик.

Звено имени Расковой

Письмо Тани Трайгальской, Москва

Я прочла в прошлом номере «Пионера» переписку двух вожатых звеньев. Я думаю, что будет очень хорошо, если будут переписываться все вожатые: мы тогда сможем рассказать друг другу, какие интересные дела бывают у нас в звене, и сможем посоветоваться друг с другом.

В прошлом номере Зоя Бушуева говорила, что у нее в звене одни девочки. Помоему, лучше, когда в звене и девочки и мальчики.

Нас 12 человек, и все 12 очень хорошо дружат между собой. У нас не бывает так, чтобы с кем-нибудь случилась беда, а остальные ребята не помогли товарищу. Однажды заболела у нас Валя Сафронова. Болезнь у нее, правда, была не очень тяжелая, но врач сказал, что ей придется недели две посидеть дома. А мы незадолго до ее болезни на звеньевом сборе решили добиться, чтобы ни у кого не было ни одной плохой отметки. Ну, а как же быть с Валей? Ведь она за две недели отстанет от ребят, ей будет трудно догонять нас. Мы поговорили между собой и решили, что все ребята будут заниматься с ней. Каждый вечер, после школы, кто-нибудь из пионеров нашего звена шел к Вале. И Валя нисколько не отстала от нас, а когда пришла в школу, то сказала, что она очень рада, что у нее есть хорошие, настоящие друзья.

Я думаю, что дружба очень помогает работе. Если ребята ссорятся друг с другом, то работа будет плохая, а в дружном звене ребята делат все с охотой.

У нас, например, никогда не бывает, чтобы ребята не остались на сбор. Я об'являю, что будет сбор, и все ребята остаются. А в других звеньях бывает так, что ребята хотят убежать со сбора, и вожатый чуть ли не ловит их, стоит у дверей и упрашивает:

— Ванечка, останься, пожалуйста.

По-моему, это не годится. Разве дело вожатого — упрашивать ребят остаться на сбор? Они пионеры — это их обязанность. Но вожатый должен сделать сборы интересными, чтобы все пионеры ждали своего сбора.

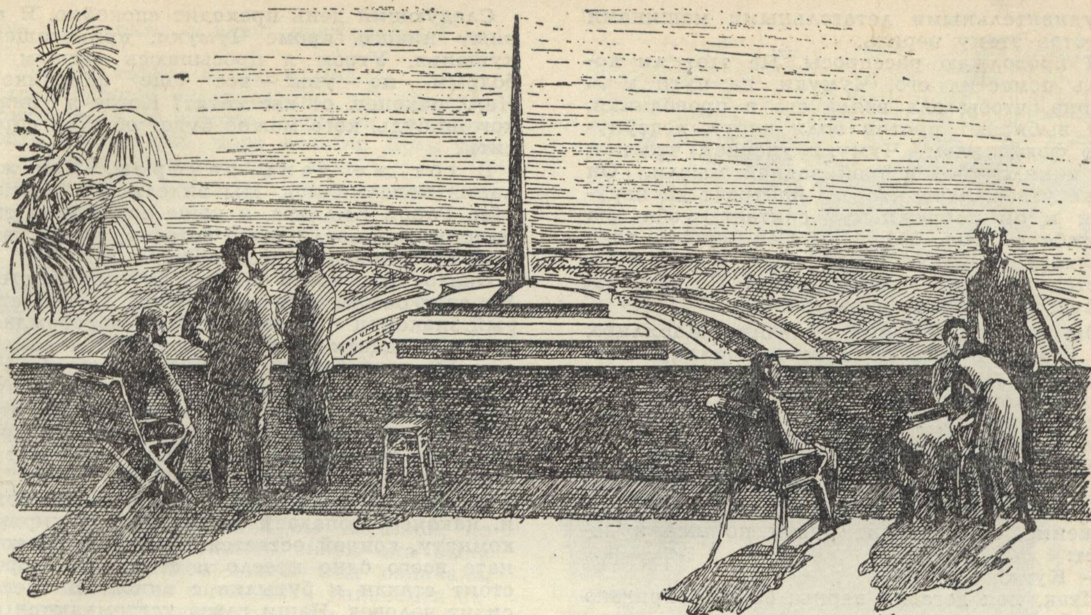
На наших сборах мы всегда поем, пляшем и играем. Одно время мы очень увлекались географической игрой. Сами придумали маршрут: Москва—Ленинград—Кировск — Игарка — Хабаровск — Владивосток — Комсомольск — Ташкент — Караганда — Таганрог — Москва. Каждый выбрал себе город и на сборе рассказывал про него. И так мы путешествовали по всем советским городам, и это была очень интересная игра. Но потом эта игра у нас прекратилась, потому что было мало материала: сами мы в тех городах не бывали и только читали книги. Если ребята этих городов захотят помочь нам, — пусть напишут про свои города, мы тогда будем опять играть.

Я уже писала, что мы решили учиться так, чтобы не было плохих отметок, поэтому очень много внимания мы уделяем учебе. Мы вывесили доску успеваемости нашего звена: у кого были лучшие отметки, тот был на первом месте, а на последнем месте были ребята с плохими отметками. Никому не хотелось быть на последнем месте — и все ребята стали заниматься очень серьезно. Надя Веселова плохо понимала физику, она один раз чего-то не выучила и с тех пор стала отставать. Надя попросила, чтобы мы об'яснили ей. Мы много занимались с Надей, и к концу четверти у нее было «хорошо».

У Мити Дичева в диктантах была уйма ошибок, он плохо знал грамматику и получал по русскому языку плохие отметки. Мы решили, что ему надо чаще писать диктанты. Митя нас послушался: мы диктовали ему, и он писал. Вскоре он избавился от плохой отметки.

Мы вызвали на соревнование звено 6-го отряда нашей школы и теперь соревнуемся с другим звеном.

Мы хотим на деле доказать, что наше звено имеет право носить имя замечательной героини Марины Расковой.



Жюль Верн

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

(Продолжение)

Перевод с французского А. Волкова

Рис. П. Митурича

III. Деспот

(Из записной книжки Амедея Флоранса)

26 марта. И вот я в тюрьме. Меня вводят в комнату с зарешеченным окном и закрывают за мной дверь тройным оборотом ключа. Комната обширна и хорошо проветрена. В ней стол с письменными принадлежностями, стул, чистая постель и все необходимое для туалета. К потолку прикреплена электрическая лампа. Я сажусь, закуриваю сигаретку и жду. Чего? Событий. Жду и рассуждаю о прелестях путешествий.

Два часа спустя меня отрывает от размышлений стук открываемой двери. Я вижу... Я вижу Чумуки, исчезнувшего с того дня, когда я в третий раз слышал таинственное гуденье. Сколько у него нахальства! Явиться ко мне после того, что он сделал с моими статьями! Чумуки, впрочем, готов к холодному приему. Прежде чем войти в комнату, он быстро оглядывается, как бы исследуя обстановку.

— Ага! Ты здесь, трижды мошенник! — кричу я, устремляясь к нему, чтобы дать ему заслуженную встряску, но натыкаюсь на дверь, быстро захлопнутую предателем. Тем лучше. Если я надеру ему уши, это только усложнит мое положение, которое и так не из веселых.

Чумуки, очевидно, разгадывает мои мирные рассуждения. Дверь приоткрывается вторично, и всклокоченная шевелюра негодяя показывается вновь. О! Теперь он может войти. Я занимаю свое место... и успокаиваюсь. Я повторяю тоном, в котором больше нет угрозы:

— Ага! Ты здесь, трижды мошенник! Что ты здесь собираешься делать?

— Я здесь слуга,— отвечает Чумуки, опустив глаза, и широко открывает дверь.

В коридоре еще два негра с кушаньями; Чумуки ставит блюда на стол. У меня текут слюнки, я только теперь чувствую, что умираю от голода.

Отбросив всякое беспокойство, я отдаю честь еде и расспрашиваю Чумуки. Он отвечает охотно. По его словам, я гость — невольный гость! — могущественного короля, его величества Гарри Киллера — скверное имячко! — и меня доставили в необычайный город, где «много большие дома» и «много хитрые выдумки тубабов», то есть много европейских изобретений. После знакомства

с удивительными летательными машинами я готов этому верить.

Я продолжаю расспросы. Не этот ли король поместил его, Чумуки, на пути м-ль Морна, чтобы она взяла его в проводники, как выбирают против воли карту, подсунутую фокусником? Чумуки уверяет, что нет: он нанялся без всякой задней мысли. Он даже утверждает, что его контракт не нарушен и он попрежнему считает себя на службе у м-ль Морна и Сен-Берена, пока его хозяева остаются в Африке. Уж не издевается ли надо мной Чумуки? Но нет, кажется, он говорит серьезно.

Он уверяет, что его соблазнил Морилирэ. Не довольствуясь подкупом, Морилирэ воспевал могущество и великодушие этого Гарри Киллера и обещал Чумуки легкую и веселую жизнь. Поэтому-то Чумуки и изменил нам.

Когда я спрашиваю, что случилось с его старым товарищем Тонганэ, противная физиономия Чумуки принимает свирепое выражение, он проводит рукой по шее и делает:

— Куик!

Итак, мои догадки верны: бедный Тонганэ погиб.

Чумуки продолжает свои излияния. Жужжанье, которое я слышал в день его исчезновения, было произведено летательной машиной, доставившей лейтенанта Лакура, или, вернее, капитана Эдуарда Руфуса, люди которого шли нам навстречу под начальством двух сержантов и для развлечения разоряли деревни на своем пути. Этим об'ясняется ободранный вид солдат и непогрешимая элегантность офицера; этим же об'ясняется ужас негра, раненого разрывной пулей, когда он узнал одного из громил, и его равнодушное отношение к так называемому лейтенанту, которого он никогда не видал. Он, Чумуки, был привезен той же машиной сюда, в... Чумуки произносит название, но страшно коверкает его. После размышлений я догадываюсь, что он хочет сказать «Блекланд», то есть «Черная страна». Название подходящее! Итак, мы в Блекланде, чудесном, по словам Чумуки, городе, абсолютно неизвестном самым осведомленным географам.

Пока негр сообщает мне эти сведения, я размышляю. Если он предал нас из-за выгоды, не заставит ли выгода его изменить и новым хозяевам? Я предлагаю Чумуки большую сумму, которая на всю жизнь обеспечит ему восхитительное ничегонеделание. Мошенник находит это предложение вполне естественным, но качает головой как человек, не видящий возможности «заработать».

— Нельзя убежать,— говорит он.— Здесь много солдаты, много хитрые выдумки тубабов, много большие стены...

Он прибавляет, что город окружен пустыней, которую невозможно перейти.

Неужели нам суждено остаться здесь до конца жизни?

Завтрак окончен. Чумуки удаляется, и я остаюсь один. Вечером мне подают обед, потом, когда мои часы показывают девять, лампочка внезапно тухнет. Я укладываюсь спать в потемках.

Следующий день проходит спокойно. Я не вижу никого, кроме Чумуки, приносящего кушанья. Утром я просыпаюсь свежим и бодрым, но — увы! — все еще пленником. Чего, наконец, от нас хотят? Когда я увижу кого-нибудь, кого можно будет об этом спросить?

В тот же день вечером. Мои желания исполнились. Мы видели его величество Гарри Киллера, и наше положение так изменилось после этой встречи, что я все еще взволнован и весь дрожу.

Около трех часов дня дверь открывается. На этот раз за ней оказывается другой старый знакомец — Морилирэ. Его сопровождает около двадцати негров, которыми он командует. За конвоирами я вижу моих товарищей, кроме Сен-Берена, который, по словам его юной тетки, все еще не может двигаться. Я присоединяюсь к ним, думая, что пришел наш последний час и что нас ведут к месту казни.

Ничего подобного. Мы идем по коридорам и, наконец, попадаем в довольно обширную комнату, конвой остается за дверью. В комнате всего одно кресло и стол, на котором стоит стакан и бутылка с вином. В кресле сидит человек. Наши глаза устремляются на него.

«Его величеству» Гарри Киллеру от сорока до сорока пяти лет. Он, повидимому, высокого роста, ширина плеч, огромные руки, могучие мускулы говорят о необыкновенной, геркулесовской силе.

Особенное внимание привлекает его голова. Гладкое лицо выражает одновременно силу воли и низость характера. Его венчает седеющая шевелюра, настоящая грива, к которой гребень, кажется, не прикасался с незапамятных времен. Лоб высок и показывает ум, но выдающиеся челюсти и тупой, квадратный подбородок обличают грубые, жестокие страсти. Впалые загорелые щеки усыпаны кровавокрасными прыщами. Губы толсты, нижняя немного отвисла, открывая зубы, сильные, здоровые, но желтые и плохо содержимые. Глаза, глубоко ушедшие в орбиты, горят под косматыми бровями необычайным, по временам невыносимым блеском.

Суб'ект не из банальных. Страсти, пороки, смелость — все собрано в нем одном. Он отвратителен и ужасен.

«Его величество» одет в охотничий костюм серого полотна, короткие панталоны, гамаши, все это засаленное, покрытое пятнами. На столе широкая фетровая шляпа, и около нее правая рука Киллера, потрясаемая постоянной дрожью. Уголком глаза доктор Шатоннэй показывает мне на эту дрожащую руку. Я понимаю: перед нами алкоголик, запойный пьяница.

Долгое время этот суб'ект молча смотрит на нас. Его глаза переходят от одного к другому. Мы терпеливо ждем.

— Мне говорили, что вас шестеро,— говорит он, наконец, по-французски с сильным английским акцентом, голосом важным, но хриплым.— А я вижу только пятерых. Почему?

— Один из нас болен из-за мучений, которым его подвергли ваши люди,— отвечает г. Барсак.

Новое молчание, и вдруг неожиданный вопрос:

— Что вы хотите делать у меня?

Вопрос брошен так внезапно, что мы едва удерживаемся от хохота несмотря на серьезность положения. Чорт возьми! Если мы и у него, то против нашей воли!

Киллер снова говорит с угрожающим видом:

— Шпионить, без сомнения!

— Простите, сударь...— начинает г. Барсак.

Но тот перебивает. Охваченный внезапной яростью, он ударяет кулаком по столу и кричит громовым голосом:

— Меня называют владыкой!

Барсак в эту минуту великолепен. Привычный оратор, он выпрямляется, кладет левую руку на сердце, а правой делает широкий жест.

— С 1789 года французы не имеют владыки! — торжественно заявляет он.

Где-нибудь в другом месте эта торжественность г. Барсака была бы смешной, но перед лицом этого дикого зверя она была благородной, честное слово! Она означала, что мы никогда не согласимся унизиться перед пьяным авантюристом. Мы все одобряем оратора, вплоть до г. Понсэна, который кричит в порыве энтузиазма:

— Лишите человека независимости, и вы отнимете у него свободу!

Храбрый г. Понсэн!

Гарри Киллер высоко поднимает плечи и осматривает нас снова, как будто он нас еще не видал. Его глаза перебегают от одного к другому с необычайной быстротой. Он останавливает их, наконец, на г. Барсаке и бросает на него ужасный взгляд. Г-н Барсак выдерживает, не моргнув глазом. Поздравляю! Этот сын юга не только болтлив: он смел и исполнен чувства собственного достоинства. Начальник экспедиции гигантски вырастает в моих глазах.

Гарри Киллеру удается овладеть собой, что, вероятно, с ним случается нечасто, и он вдруг спрашивает со спокойствием, столь же внезапным, сколь неожиданно было его бешенство:

— Вы говорите по-английски?

— Да,— отвечает г. Барсак.

— А ваши товарищи?

— Также.

— Хорошо,— одобряет Гарри Киллер и тем же хриплым голосом повторяет по-английски: — Что вы явились делать у меня?

— Это мы должны,— возражает г. Барсак,— спросить у вас: по какому праву вы привели нас сюда силой?

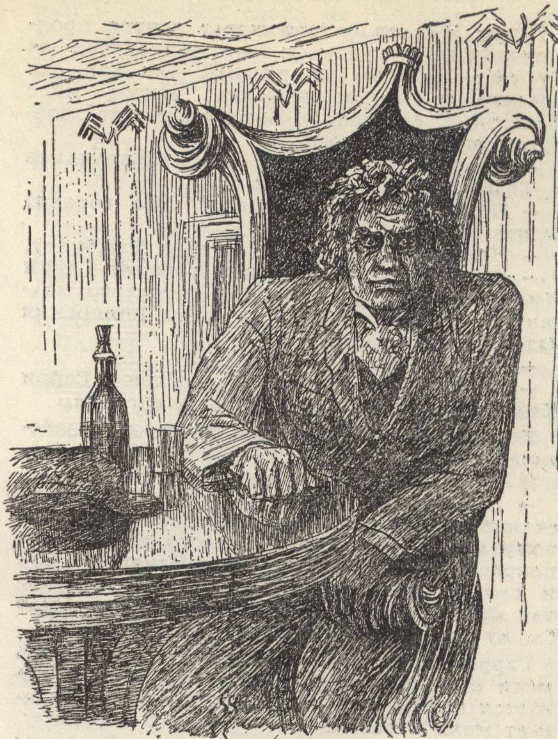
— По праву, которое мне принадлежит,— отрезает Гарри Киллер, сразу переходя к необузданному гневу.— Пока я жив, никто не приблизится к моей империи...

Его империя? Не понимаю.

Гарри Киллер встает. Обращаясь к г. Барсаку, он продолжает, колотя по столу огромным кулаком:

— Да, да, я знаю, ваши соотечественники в Тимбукту спускаются вниз, но они остановятся, или... И вот они осмеливаются подсылать шпионов... Я их разобью, ваших шпионов, как разбиваю этот стакан!

И Гарри Киллер, действительно, разбивает стакан.



Долгое время Гарри Киллер молча смотрит на нас.

Охваченный невероятной яростью, с пеной на губах, он страшен. Его нижняя челюсть, выдавшаяся вперед, придает ему вид дикого зверя, лицо побагровело, глаза налились кровью. Опершись на стол дрожащими руками, он снова наклоняется к неподвижному Барсаку и кричит, уставившись ему прямо в лицо:

— Разве я вас не предупреждал? История с дунг-коно, придуманная по моему приказу, была первым сигналом. Я поместил на вашем пути этого сочинителя историй, предсказания которого оправдались по вашей собственной вине. Я же вам подставил проводника, моего невольника Морилирэ, который пытался в Сикассо остановить вас в последний раз. Все бесполезно! Напрасно я лишил вас конвоя, напрасно изнурял вас голодом, вы упорно стремились к Нигеру... Ну что же! Вы его достигли, Нигера, вы даже перешли его и знаете то, что хотели знать... Вы далеко зашли! Но как вы расскажете виденное тем, кто вам платит?..

Охваченный необузданным возбуждением, Гарри Киллер ходит большими шагами. Без сомнения, это сумасшедший. Внезапно он останавливается, пораженный неожиданной мыслью.

— Но разве вашим местом назначения,— спрашивает он с удивительным спокойствием,— не был Сэй?

— Да,— отвечает г. Барсак.

— По какой же причине вы изменили направление? Что вы собирались делать в Кубо?

Гарри Киллер сопровождает вопрос пронзительным взглядом, и нам становится не по себе. Вопрос неприятный, так как мы условились не произносить имени мисс Бакстон. К счастью, г. Барсак находит удовлетворительный ответ.

— Брошенные конвоем, мы направлялись в Тимбукту,— говорит он.

— Почему не в Сикассо? Это гораздо ближе.

— Нам казалось лучше идти в Тимбукту.

— Гм...— с видом сомнения говорит Гарри Киллер и спрашивает после короткого молчания: — Значит, у вас не было намерения идти на восток, к Нигеру?

— Нет,— уверяет г. Барсак.

— Если бы я это знал,— сообщает Гарри Киллер,— вы не были бы здесь сегодня.

Хорошенькая шутка! Как будто он позаботился нас спросить!

Я беру слово.

— Простите, мой дорогой,— говорю я изысканно вежливо,— мне любопытно знать, почему нас привели сюда, вместо того чтобы попросту убить. Ваш капитан Эдуард Руфус и его люди могли это прекрасно сделать, так как мы их не остерегались, и это было бы лучшим способом избавиться от нас.

Гарри Киллер хмурит брови и смотрит на меня с презрением. Что за пигмей осмеливается с ним говорить? Однако он удостаивает меня ответом:

— Чтобы избежать розысков французских властей, которые вызвали бы истребление экспедиции.

Я не совсем удовлетворен и возражаю:

— Мне кажется, наше исчезновение будет иметь тот же результат.

— Очевидно,— соглашается Гарри Киллер.— Мне нужно было заставить вас отказаться от путешествия. Только ваше упрямство привело вас сюда.

Я спешу ухватиться за его слова:

— Все это можно устроить. Раз вы теперь знаете, что мы не хотели достигнуть Нигера, вам следует доставить нас туда, откуда взяли, и вопрос будет исчерпан.

— Чтобы вы повсюду рассказали о том, что видели? Чтобы вы разоблачили существование этого города, неизвестного миру! — с силой говорит Гарри Киллер.— Слишком поздно. Кто входит в Блекланд, тот никогда не выходит из него!

Чтоб ему надорваться! Я уже начинаю привыкать к его выходкам. Я не смущаюсь и настаиваю:

— А все-таки розыски будут?

— Вероятно,— отвечает Гарри Киллер, у которого стрелка барометра снова переходит на хорошую погоду,— но если я буду открыт и придется сражаться, у меня будет нечто большее, чем в том случае, если бы вы были убиты.

— Что же?

— Заложники.

Он не глуп, этот властитель. Он рассуждает здраво. Но и я прав, расспрашивая его, так как мне теперь ясно, что нас не хотят убить. Приятно!

Гарри Киллер снова садится в кресло. Непонятный суб'ект! Теперь он снова абсолютно спокоен и владеет собой.

— Рассмотрим положение,— говорит он ледяным тоном, новым для нас.— Вы в Блекланде, и вы из него не выйдете. Ваша судьба зависит от вас самих. Я могу держать вас в тюрьме, или убить, или дать вам свободу в пределах моей империи.

Он смеется над нами!

— Это зависит от вас,— продолжает Гарри Киллер, обращаясь преимущественно к г. Барсаку, которого рассматривает как нашего начальника.— Вы будете у меня заложниками или...

Гарри Киллер делает паузу. Барсак смотрит на него с удивлением. Кем же мы еще могли бы быть?

— Или сотрудниками,— холодно заканчивает Гарри Киллер.

Предложение Гарри Киллера приводит нас в величайшее изумление. А он продолжает тем же холодным тоном:

— Не думайте, что я ошибаюсь насчет движения французских войск. Если обо мне еще не знают, то все же, рано или поздно, я буду открыт. И тогда придется или воевать или торговать. Не думайте, что я боюсь битвы. Я в состоянии защищаться. Но война — не единственный выход. Колонизация Петли Нигера займет Францию на долгие годы. Какой ей интерес рисковать поражением, двигаясь против моей воли на восток, через песчаный океан, который только я могу превратить в плодородные равнины? Выгодная торговля может повести к союзу...

Он насквозь пропитан тщеславием, этот странный человек! И он не сомневается, что Французская республика войдет в союз с ним, с этим прыщеватым тираном!

— С вами? — восклицает остолбеневший г. Барсак, выражая общую нашу мысль.

— Вы не находите меня достойным? — краснеет Гарри Киллер.— Или надеетесь ускользнуть от меня? Вы не знаете моего могущества...— он встает и заканчивает угрожающим голосом: — Вы его узнаете.

По его зову входит конвой. Нас уводят. Мы подымаемся по бесконечным лестницам и проходим обширную террасу, за которой идут другие лестницы. Наконец, мы входим на платформу башни; там к нам присоединяется Гарри Киллер.

Этот человек изменчив, как волна. У него нет полутонов. Он мгновенно переходит от безумной ярости к ледяному спокойствию и обратно. Сейчас в нем нет и следа недавней злобы.

— Вы на высоте сорока метров,— говорит он тоном проводника.— Горизонт находится на расстоянии двадцати трех километров. Вы можете убедиться, что, насколько хватает взор, пустыня превращена в плодородные поля. Империя, властителем которой я являюсь, достигает трех тысяч квадратных километров. Такова работа, выполненная в десять лет.

Гарри Киллер на мгновение останавливается. Достаточно насытив свою гордость, на сей раз вполне законную, он продолжает:

— Если кто-нибудь попытается проникнуть в это пространство или уйти из него, я буду немедленно предупрежден тройным кольцом постов, устроенных в пустыне и соединенных телефоном с дворцом...

Вот об'яснение оазисов и телеграфных столбов, виденных мной. Но послушаем Гарри Киллера, который, показывая нам какой-то воздвигнутый на средине платформы стеклянный фонарь, похожий на фонарь маяка, но гораздо бо́льших размеров, продолжает тем же тоном:

— Никто не может пересечь против моей воли защитную зону шириной в километр, расположенную в пяти километрах от Блекланда, которую ночью освещают мощные прожекторы. Благодаря своему оптическому устройству этот инструмент, получивший название циклоскопа, выпрямляет по вертикали круговую полосу земли, все пункты которой, необычайно увеличенные, постоянно находятся перед глазами стража, находящегося в центре аппарата. Войдите в циклоскоп и убедитесь сами.

Наше любопытство страшно возбуждено; мы пользуемся разрешением и входим в фонарь через стеклянную дверку. Внешний мир тотчас меняет свой вид. Куда бы мы ни посмотрели, мы видим лишь вертикальную стенку, разделенную черной сеткой на множество квадратиков. Основание этой стенки отделено от нас темной бездной, а верх подымается на удивительную высоту. Стенка состоит из множества разноцветных пятен, некоторые двигаются. Внимательно вглядевшись, мы узнаем в этих пятнах деревья, поля, дороги и людей, работающих на полях.

— Вы видите этих негров,— говорит Гарри Киллер, указывая на два пятна, разделенные большим промежутком.— Предположим, что им пришла идея убежать. Смотрите, это не долго!

Он хватает трубку телефона.

— Сто одиннадцатый круг. Отделение тысяча пятьсот восемьдесят восьмое,— говорит он. Потом, беря вторую трубку, добавляет: — Четырнадцатый круг, отделение шесть тысяч четыреста второе.— Наконец, поворачивается к нам: — Смотрите хорошенько.

После нескольких минут ожидания одно из пятен внезапно скрывается за облачком дыма. Когда дым рассеивается, пятна уже нет: оно исчезло.

— Что стало с человеком, который там работал? — спрашивает м-ль Морна прерывающимся от волнения голосом.

— Он мертв,— хладнокровно отвечает Гарри Киллер.

— Мертв! — кричим мы.— Вы без всякого повода убили этого несчастного!

— Успокойтесь, это только негр,— спокойно отвечает Гарри Киллер.— Дешовый товар. Можно достать сколько угодно. Он уничтожен воздушной миной. Особый сорт ракеты, достающей на двадцать пять километров. Можете оценить ее скорость и точность!

Пока мы слушаем об'яснения, насколько позволяет нам волнение, вызванное этой отвратительной жестокостью, что-то появляется в нашем поле зрения, быстро поднимается по стене, и второе пятно также исчезает.

— А этот человек? — с трепетом спрашивает м-ль Морна.— Он тоже погиб?

— Нет,— отвечает Гарри Киллер.— Этот жив. Вы его сейчас увидите.

Он выходит, стража выталкивает вслед за ним и нас. Мы снова на площадке башни. Мы смотрим вокруг и видим приближающийся со скоростью метеора аппарат, подобный тем, которые привезли нас сюда. Под его нижней плоскостью мы различаем какой-то качающийся предмет.

— Вот планер,— говорит Гарри Киллер.— Менее чем через минуту вы узнаете, можно ли войти сюда или выйти против моей воли.

Планер быстро приближается. Он растет на глазах. Нас охватывает внезапная дрожь: предмет, качающийся внизу,— это негр, которого огромные клещи схватили поперек туловища.

Планер проходит над башней. Ужас! Клещи открываются, и несчастный негр разбивается у наших ног.

У нас вырывается крик негодования. М-ль Морна, бледная, со сверкающими глазами, с обескровленными губами, отталкивает удивленных стражников и бросается к Гарри Киллеру.

— Трус! Презренный убийца! — кричит она ему в лицо, и ее маленькие руки хватают бандита за горло.

Тот легко освобождается. Двое людей оттаскивают от него смелую девушку. Мы дрожим за ее судьбу. Увы! Мы не можем помочь ей. Стража схватила нас и держит.

К счастью, деспот в данный момент, кажется, не имеет намерения наказать нашу храбрую компаньонку. Рот его свирепо искажен, но какое-то выражение удовольствия мелькает в глазах, устремленных на дрожащую девушку.

— Эй! Эй! — говорит он довольно добродушно.— Решительная малютка! — потом отталкивает ногой останки несчастного негра: — Ну! Не стоит волноваться из-за пустяков, моя крошка.

Он спускается, нас тащат за ним и снова вводят в ту же комнату, мы прозвали ее «тронной залой». Гарри Киллер усаживается на своем «троне» и смотрит на нас. По правде говоря, он смотрит только на м-ль Морна. Он не спускает с нее своих ужасных глаз, в которых загорается скверный огонь.

— Вы теперь знаете мое могущество,— говорит он, наконец,— я вам доказал, что мои предложения нельзя презирать. Я их возобновляю в последний раз. Мне говорили, что среди вас есть депутат, доктор, журналист и два бездельника...

Что касается г. Понсэна, пусть! Но бедный Сен-Берен, какая несправедливость!

— Депутат в случае надобности будет торговать с Францией, для доктора я построю больницу, журналист станет работать в «Блекландском громе». Я посмотрю, как можно использовать двух остальных. Еще малютка. Она мне нравится... Я на ней женюсь.

Как гром, поражает нас это неожиданное заключение.

— Ничего этого не будет,— твердо заявляет г. Барсак.— Отвратительные преступления, свидетелями которых вы нас сделали, не поколебали нас, напротив. Мы вынесем насилие, если будет нужно, но, что бы ни случилось, мы останемся только вашими

пленниками или жертвами. Что же касается м-ль Морна...

— Ага! Так мою будущую жену зовут Морна? — перебивает Гарри Киллер.

— Морна меня зовут или иначе,— кричит наша компаньонка, обезумев от гнева,— знайте, что я смотрю на вас, как на дикого зверя, как на презренное и отвратительное существо и считаю ваше предложение самой гнусной обидой, самой постыдной, самой...

Слова останавливаются в горле м-ль Морна, и она разражается рыданиями. Гарри Киллер смеется.

— Хорошо! Хорошо! — говорит он.— Это не к спеху. Я даю вам месяц на размышление.

Но барометр внезапно падает, и хорошей погоде конец. Киллер поднимается и кричит громовым голосом:

— Увести их!

Барсак одно мгновение сопротивляется стражам и обращается к Гарри Киллеру:

— Что вы сделаете с нами через месяц?

Ветер опять поворачивается. Деспот больше не занимается нами, его дрожащая рука подносит к губам стакан с вином.

— Не знаю...— отвечает он на вопрос Барсака без всяких признаков злобы и поднимает глаза к потолку. — Может быть, просто прикажу вас повесить...

IV. От 26 марта до 8 апреля

Пять пленников вышли от Гарри Киллера, глубоко потрясенные смертью несчастных негров.

По окончании этого беспокойного свидания их ждал приятный сюрприз: двери их камер больше не закрывались, и они свободно могли гулять по галерее, которая стала общей комнатой. С одного конца галереи вела лестница на верхнюю площадку углового бастиона, в котором были расположены камеры. Им было разрешено пользоваться этой площадкой. Они с удовольствием проводили там вечера.

В таких условиях жизнь была не так уж тяжела. Камеры, галерея и терраса составляли настоящие обособленные аппартаменты, и ничто бы не напоминало тюрьмы, если бы не стража за запертой дверью галереи со стороны, противоположной лестнице. Домашние услуги нес Чумуки, проявлявший большое усердие. Но он появлялся только для уборки камер и подачи кушаний, в остальное время пленники были избавлены от присутствия негодяя, которому отчасти были обязаны своими несчастьями.

Днем они собирались вместе, гуляли по галерее, а на закате поднимались на платформу, куда Чумуки обычно подавал им обед.

Бастион занимал западный угол дворца и двумя сторонами возвышался над обширной террасой. Одна из двух других стен поднималась над эспланадой, расположенной между дворцом и заводом, другая отвесно спускалась в реку с высоты около тридцати метров.

Бегство отсюда было невозможно. Нечего было и думать ускользнуть от бдительности Гарри Киллера и выйти из дворца. Да если бы и удалось спуститься с бастиона на террасу, это не привело бы ни к чему: там беспрестанно сновали советники, Веселые парни и Черная стража. Не больше выиграли бы они, попав на эспланаду, окруженную со всех сторон неприступными стенами. Только Красная река могла послужить выходом, но пленники не владели ни лодкой, ни средством спуститься по вертикали с высоты тридцати метров.

С платформы они могли проследить взглядом течение реки. И вверх и вниз по течению она исчезала среди двух рядов деревьев, посаженных десять лет назад. За исключением Публичного парка, скрытого от них дворцом, весь Блекланд развертывался перед глазами пленников. Они видели его три секции, разделенные высокими стенами, его полукруглые концентрические улицы, восточный и западный кварталы с их немногочисленным белым населением и центр, где на рассвете, перед тем как рассеяться по полям, кишела многочисленная толпа негров.

Их взгляды устремлялись и на завод, но по виду его ничего нельзя было узнать об этом втором городе, заключенном в первом, с которым он, казалось, не имел никакого сообщения. Чумуки смог им сообщить только, что это действительно завод.

Наибольшей свободой среди пленников пользовалась Жанна Бакстон. По приказу Гарри Киллера, Чумуки об'явил, что она может без всяких ограничений ходить по дворцу и эспланаде. Ей только запрещено было переходить Красную реку. Бесполезно говорить, что молодая девушка не воспользовалась разрешением: судьба ее не должна была отличаться от судьбы ее товарищей по несчастью. И она оставалась пленницей, к великому изумлению Чумуки.

— Ты остаешься в тюрьме, нехорошо,— говорил он.— Когда ты женишься на Господине, хорошо. Освободишь тубабов.

Но Жанна Бакстон слушала его равнодушно.

Когда пленники не собирались на галерее или платформе бастиона, они занимались на досуге, кто чем хотел. Собираясь вместе, они обычно разговаривали о своем положении и о Гарри Киллере, который произвел на них неизгладимое впечатление.

— Кем мог бы быть этот суб'ект? — спросил однажды Барсак.

— Он англичанин,— ответила Жанна Бакстон.— Его акцент не позволяет в этом сомневаться.

— Пусть англичанин,— ответил Барсак,— но это ничего не об'ясняет. Во всяком случае, он человек необыкновенный. Создать такой город в десять лет, преобразить пустыню, привести воду туда, где ее не знали веками,— это доступно лишь гению, вооруженному обширными научными знаниями.

— По-моему, он сумасшедший,— сказал Амедей Флоранс.— Сейчас он о нас забыл, а, может быть, через пять минут прикажет казнить.

Но мрачные предположения Амедея Флоранса не оправдывались, и ближайшая неделя не принесла ничего нового. Зато 3 апреля произошли два события совершенно различного характера. Около трех часов дня пленники были внезапно обрадованы появ-

лением Малик. Негритянка бросилась к Жанне Бакстон радостная, взволнованная. Оказалось, что она только что прибыла с теми людьми из отряда Эдуарда Руфуса, которых не взяли планеры. Пленники не спрашивали ее о Тонганэ, так как, судя по ее печали, она не знала о нем ничего.

Два часа спустя после появления Малик произошло событие совсем другого характера. Около трех часов в галерею прибежал возбужденный Чумуки. Он об'явил, что его прислал Гарри Киллер с приказом привести к нему м-ль Морна, его будущую жену.

Пленники ответили отказом, и Чумуки пришлось ретироваться. Началось живое обсуждение странного приглашения Гарри Киллера. Все соглашались с тем, что Жанне не следовало ни под каким предлогом отделяться от них.

— Благодарю вас, друзья мои,— сказала Жанна Бакстон,—за смелое покровительство, но не думайте, что я буду беззащитна в присутствии этого животного. Вас обыскивали, но подобные предосторожности сочли излишними по отношению к женщине, и у меня осталось оружие,— Жанна Бакстон показала кинжал, найденный в могиле брата, который она носила за корсажем.— Будьте уверены,— заключила она,— в случае надобности я сумею им воспользоваться!

Едва она спрятала кинжал, как Чумуки возвратился совершенно растерянный. Гарри Киллер пришел в ярость, узнав ответ м-ль Морна, и потребовал, чтобы она явилась к нему немедленно. Если она не подчинится, все шесть пленников будут немедленно повешены.

Колебания были неуместны, и Жанна Бакстон решилась уступить несмотря на сопротивление товарищей. Они напрасно пытались задержать ее силой. На призыв Чумуки в галерею ворвались негры, схватили мужчин, и Жанна Бакстон исчезла. Она была в отсутствии три долгих часа, в течение которых ее товарищи и особенно несчастный Сен-Берен, плакавший горючими слезами, испытывали страшное беспокойство.

— Ну? — закричали все в один голос, увидев ее.

— Все кончилось хорошо,— ответила молодая девушка, еще дрожа.

— Чего он от вас хотел?

— Он просто желал меня видеть. Когда я пришла, он был уже полупьян. Он пригласил меня сесть и стал мне делать комплименты в своем духе. Он мне сказал, что я ему пришлась по вкусу, хвалился своим могуществом и богатством. Я слушала его спокойно, напомнив ему, что нам дан месяц на размышление, из которого прошла лишь неделя. Как ни странно, он не рассердился. Мне кажется, я имею на этого безумца некоторое влияние. Он меня уверил, что примет решение не раньше месяца, но при условии, что я буду посвящать ему послеобеденные часы...

— Так тебе придется туда возвращаться, моя бедная крошка? — вскричал в отчаянии Сен-Берен.

— Это неизбежно,— ответила Жанна Бакстон,— но я думаю, что не подвергаюсь большому риску, судя по первому дню. После семи часов он совершенно опьянел и моя роль состояла лишь в том, что я набивала ему трубку и наполняла стакан до момента, когда это животное начало храпеть, чем я и воспользовалась, чтобы вернуться к вам.

Начиная с этого дня Жанна Бакстон, действительно, ежедневно отправлялась в три часа к Гарри Киллеру и оставалась у него до восьми часов. Часы эти проходили всегда одинаково. Жанна заставала деспота в компании советников, которым он отдавал распоряжения, выказывая при этом блестящий ум. В его инструкциях не было ничего особенного: они относились к управлению городом или к сельским работам,— и управление Блекландом не имело бы ничего таинственного, если бы Гарри Киллер по временам не наклонялся к уху одного из своих советников, чтобы сделать какое-нибудь секретное распоряжение. Совет продолжался до четырех часов, потом все удалялись, а Жанна Бакстон оставалась с Гарри Киллером. В половине пятого он исчезал через маленькую дверь, ключа от которой никому не доверял. Куда он уходил, Жанна не знала.

Вскоре после ухода Гарри Киллера до слуха Жанны Бакстон начинали доноситься странные звуки, похожие на отдаленные стоны человека. Эти стоны продолжались четверть часа, потом прекращались, и Гарри Киллер возвращался в превосходном настроении. Жанна набивала ему трубку, наполняла стакан, и он пил до полного опьянения.

Через три дня она больше не могла выносить таинственных стонов и, чтобы не слышать их, гуляла в это время по дворцу, прислуга которого и дежурные Веселые парни начали к ней привыкать и даже оказывали ей некоторое почтение.

Каждый вечер приходил момент, когда опьянение отдавало Гарри Киллера в ее полную власть. Молодой девушке легко было убить пьяного тирана кинжалом. Но ей была противна мысль о нападении на беззащитного, да и кроме того какую пользу принесло бы это убийство?! После смерти Гарри Киллера останутся шайка негодяев, называемых советниками, полудикая Черная стража и весь подозрительный сброд, составляющий население Блекланда. Положение пленников не улучшилось бы, напротив, стало бы хуже после смерти, может быть, единственного человека в этом городе, который в свои светлые часы выказывал действительный ум и был способен понимать выгоды некоторого снисхождения к пленникам. Когда она посоветовалась с товарищами, они согласились с ней.

Но, раз Жанна пользовалась доверием деспота, нельзя ли завладеть его особой? Заложники в свою очередь получили бы заложника и могли бы договариваться на равных условиях.

К несчастью, этот проект наталкивался на большие трудности. Как овладеть Гарри Киллером, когда столько прислуги во дворце и у ворот галереи стража? Пусть даже пленники победят эту первую трудность, не случится ли, что население Блекланда, освобожденное от Гарри Киллера, откажется вступить в торг, где ставкой будет свобода деспота? И даже если мирный договор будет

заключен, как они смогут обеспечить его выполнение?

Помимо этих трудно осуществимых проектов Жанна Бакстон лелеяла еще один, которого не доверяла даже товарищам. Ее любопытство и сострадание были возбуждены постоянными отлучками Гарри Киллера и отдаленными стонами, которые всегда слышались в это время. Когда по вечерам Гарри Киллер, совершенно пьяный, был в ее власти, у нее не раз являлось желание украсть у него ключ и посмотреть, что скрывается за дверью. Но каждый раз у нее не хватало решимости.

Настало 8 апреля. В этот день, около девяти часов вечера, все пленники, включая Малик, собрались на платформе бастиона, расспрашивая Жанну Бакстон о событиях дня, который, впрочем, прошел, как и предыдущие.

Тяжелые тучи скоро должны были разразиться дождем, ночь была очень темной. На платформе царила глубокая тьма.

Вдруг что-то упало на плиты площадки. Пораженные, пленники прекратили разговор. Откуда к ним явился и каков мог быть предмет, которого они даже не различали в темноте? Амедей Флоранс первым пришел в себя. В несколько мгновений он разыскал таинственный снаряд. Это был камень с привязанной к нему бечовкой, другой конец которой, спускаясь через перила, должно быть, погружался в Красную реку.

Что это значило? Не скрывалась ли тут ловушка? Или пленники имели в Блекланде неведомого друга, посылавшего им весть? Чтобы это узнать, надо было только вытянуть бечовку. Но Амедею Флорансу пришлось прибегнуть к помощи доктора Шатоннэя. Тонкая бечовка скользила у него между пальцев, к ней было привязано что-то тяжелое. Когда ее вытянули, оказалось, что к ней прикреплена толстая веревка. Потянули и ее. Метров тридцать—тридцать пять вытянули легко, потом почувствовали сопротивление. На несколько мгновений пришло сомнение. Что делать?

— Привяжем веревку,— предложил Амедей Флоранс.— Тогда увидим, чего желает тот, кто ее послал.

Так и сделали. Веревка тотчас натянулась. Кто-то взбирался по ней, и пленники, наклонившись над перилами, пытались его рассмотреть. Скоро они различили фигуру человека. Мгновение спустя неизвестный вскарабкался на перила и прыгнул к остолбеневшим пленникам.

— Тонганэ!! — вскричали они заглушенными голосами.

V. Новая тюрьма

Тонганэ не только не был мертв, но, как выяснилось позже, не был даже ранен при неожиданном нападении в Кубо. Лучи прожектора его не захватили, и он незаметно скользнул под деревья.

Поступая так, Тонганэ не думал покинуть своих хозяев, тем более, что с ними была Малик. Наоборот, он хотел им помочь и справедливо решил, что для этого лучше находиться на свободе. Далекий от мысли бежать, он присоединился к похитителям. Он шел за ними по следу, ценой бесчисленных лишений пересек пустыню, живя лишь крохами, собираемыми на местах их остановок. Пеший, он не отставал от лошадей и ежедневно одолевал пятьдесят километров.

Он отстал от них лишь по приближении к Блекланду. Достигнув полей, он до утра скрывался в густом кустарнике. Потом смешался с толпой негров, работал вместе с ними и получал удары бича, на которые так щедры были надсмотрщики, а вечером вошел с толпой в центральный квартал, не обратив на себя ничьего внимания.

Через несколько дней он утащил из заброшенной хижины веревку. С ее помощью ему удалось пробраться через Гражданский корпус, достигнуть реки, где он в продолжение двух долгих дней скрывался в сточной трубе, выжидая благоприятного случая.

В продолжение этих двух дней он видел, как пленники по вечерам выходили на площадку бастиона, но напрасно пытался привлечь их внимание. Желанный случай представился лишь на третий день, 8 апреля.

Все эти об'яснения были даны позднее. В первый же момент Тонганэ лишь заявил, что все могут убежать той же дорогой, по которой он пришел. Внизу находилась лодка, которую ему удалось достать,— оставалось лишь спуститься в Красную реку.

Проект был принят без возражений. С четырьмя мужчинами на веслах можно было делать шесть миль в час вниз по течению. Отправившись в одиннадцать часов, до рассвета можно было сделать семьдесят пять километров, то есть миновать не только защитную зону, но и границу возделанных земель, может быть, даже последние посты среди песков. Днем можно будет скрываться от планеров в какой-нибудь расщелине. До Нигера — четыреста пятьдесят километров, это потребует четырех — пяти ночей плавания.

План был быстро обсужден и принят. Но, прежде чем его привести в исполнение, следовало отделаться от Чумуки. И нужно было действовать быстро.

Оставив Жанну Бакстон, бесполезного Понсэна и Тонганэ на площадке бастиона, другие пленники стали спускаться по лестнице. С первых ступенек они заметили Чумуки, лениво кончавшего дневную работу. Он не обратил на них никакого внимания.

Сен-Берен напал первым. Его сильные руки ухватили Чумуки за горло, и тот даже не успел крикнуть. Чумуки связали, ему заткнули рот, его заперли в камеру, и ключ бросили в Красную реку. Так замедлялось, насколько возможно, открытие бегства.

Покончив с этим делом, четыре европейца снова поднялись на платформу и попали под страшный ливень. С неба падали целые потоки воды, гонимые порывами ветра. Погода благоприятствовала беглецам: в двадцати метрах ничего не было видно.

Спуск начался немедленно и прошел благополучно. Один за другим беглецы соскользнули по веревке, нижний конец которой был укреплен в лодке. Тонганэ, прежде чем покинуть платформу, позаботился отвязать



Один за другим беглецы соскользнули по веревке, нижний конец которой был укреплен в лодке.

веревку от зубца стены, к которому она была привязана. Закинув веревку за зубец, он спустился, держа ее за оба конца, а потом стянул вниз; таким образом не осталось никаких следов бегства.

Якорь был поднят, и лодка двинулась по течению. Беглецы прятались за бортами. За весла они возьмутся, когда будут за городом.

Прошло несколько минут; вдруг лодка наткнулась на препятствие и остановилась. Беглецы с отчаянием убедились, что перед ними высокая железная решотка, покрытая сверху листами железа и уходящая глубоко в воду. Напрасно двигались они вдоль решотки: ее края были вделаны в стены набережных. Выхода не было.

Гарри Киллер был прав. Все предосторожности были им приняты: свободное днем, течение Красной реки ночью перегораживалось.

Много времени прошло, прежде чем потрясенные беглецы опомнились. Убитые горем, они даже не чувствовали грозы.

Нечего было и думать о том, чтобы провести лодку через преграду. А без лодки бежать невозможно. Если выйти на берег, слева завод, справа Веселые парни. Путь был закрыт со всех сторон.

— Не можем же мы здесь спать! — сказал Амедей Флоранс.

— А куда вы предлагаете направиться? — спросил обескураженный Барсак.

— Куда угодно, только не к его «величеству» Гарри Киллеру! — ответил репортер, — Раз у нас нет выбора, почему бы нам не устроиться в новом помещении, которое, кажется, называется заводом?

В самом деле, стоило попытаться. В этом маленьком мирке, отличном от всего города, они, может быть, найдут помощь. Хуже, во всяком случае, не будет.

Они поспешили к левому берегу и причалили около стены, в нижней части дороги для караула, окружавшей завод. Хотя рев стихий заглушал все звуки и все было закрыто пеленой дождя, они пробирались с осторожностью. На полпути была сделана остановка. Сквозь потоки дождя беглецы различали в двадцати метрах от себя угол западной и северной стен завода и не решились продолжать путь: около угла заводской стены они заметили караульную будку; очевидно, в ней скрывался от дождя часовой. После краткого совещания Амедей Флоранс, Сен-Берен и Тонганэ направились к будке и стремительно ворвались в нее. Там был Веселый парень. Захваченный внезапной атакой, он не успел пустить в ход оружие, а крик его был заглушен бурей. Тонганэ притащил из лодки веревку, и Веселый парень был основательно связан. Беглецы направились вдоль заводской стены. Пройдя полтораста метров, они заметили железную дверку. Как открыть ее? Как привлечь внимание обитателей завода, не привлекая в то же время внимания других часовых, без сомнения, находившихся поблизости?

После долгих колебаний беглецы решили было стучать в дверь кулаками и ногами, как вдруг со стороны эспланады показалась тень. Неясная среди потоков дождя, тень приближалась к ним. Беглецы притаились у стены, готовые прыгнуть на подходившего в удобный момент.

Но он беспечно приблизился, прошел, почти дотронувшись до них, и все же их не заметил. Пораженные такой необычайной рассеянностью незнакомца, беглецы пошли за ним. Он остановился перед дверью, и когда вставил ключ в замок, за ним стояло восемь внимательных зрителей, о существовании которых он даже не подозревал.

Дверь открылась. Бесцеремонно толкая того, кто открыл ее, беглецы устремились за ним, и последний из них толкнул дверь, закрывшуюся с глухим стуком.

Они очутились в глубокой тьме, слабый голос, выражавший некоторое удивление, произнес:

— Ну! Что это значит? Чего от меня хотят?

Внезапно блеснул слабый свет, показавшийся ослепительным среди тьмы. Это Жанна Морна зажгла свой электрический фонарь. В конусе света показались Тонганэ и перед ним хилый человек с белокурыми волосами, в одежде, с которой струилась вода.

Взглянув друг на друга, Тонганэ и белокурый незнакомец одновременно закричали.

— Сержант Тонганэ! — воскликнул незнакомец все тем же слабым голосом, в котором было некоторое удивление.

— Мусье Камарэ! — вскричал негр, выкатив испуганные глаза.

Камарэ! Жанна Бакстон задрожала, услышав это имя, которое она хорошо знала, имя старого товарища ее брата.

Амедей Флоранс счел удобным вмешаться: он сделал шаг вперед и вошел в конус света.

— Господин Камарэ! — сказал он. — Мои товарищи и я хотели бы с вами поговорить.

— Нет ничего проще, — ответил Камарэ, не двигаясь.

Он тронул кнопку, и электрические лампы засверкали под потолком. Беглецы находились в пустой сводчатой комнате, повидимому, передней.

Марсель Камарэ открыл дверь, за которой начиналась лестница, и, отойдя в сторону, сказал с удивительной простотой:

— Потрудитесь войти!

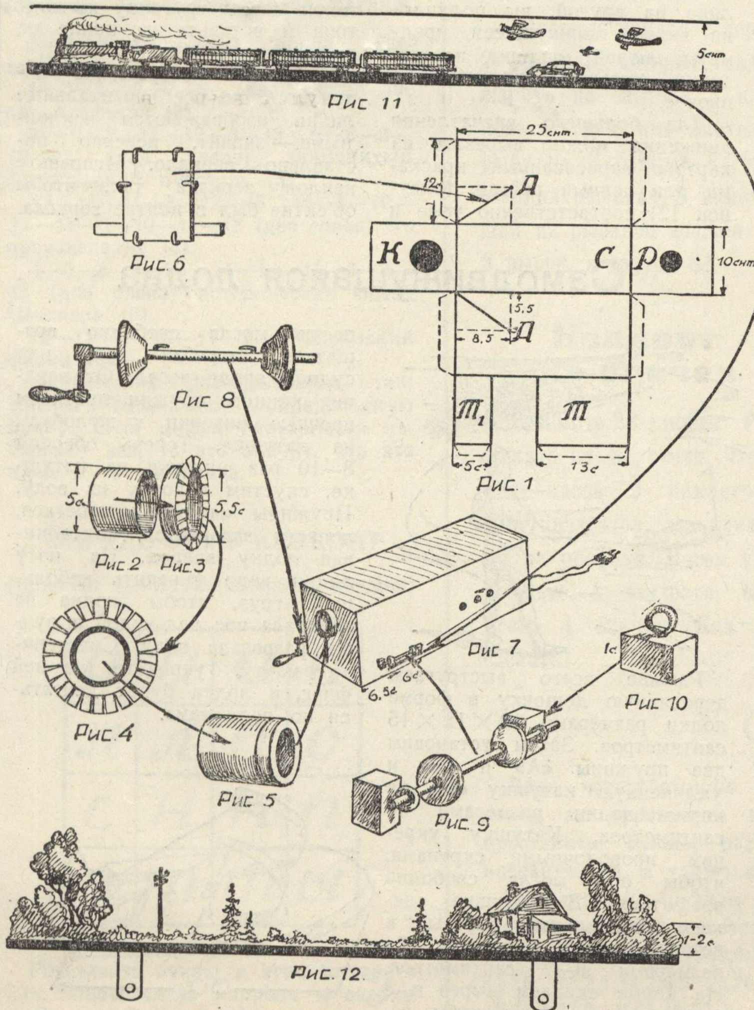
(Продолжение следует)

Динамо-эпидиоскоп

М. Филиппович

Эпидиоскоп — это проекционный фонарь, только в него вместо диапозитивов (рисунки и фото на стекле) вкладывается рисунок на бумаге: в красках, фотография, иллюстрации из книг, газет и т. д.— и на экране или белой стене получается такое же изображение, только большое. Как сделать эпидиоскоп, уже рассказывалось в № 7 «Пионера» за 1938 год. Сейчас я хочу рассказать вам, как сделать динамо-эпидиоскоп для показа движущихся рисунков.

На рисунке 1-м дан чертеж ящика эпидиоскопа. Это четырехугольная коробка из толстого картона, фанеры, досок. Верх коробки «КС» шириной 10 сантиметров. Боковые стенки «*А*» и «*А*». Общая высота коробки — 12 сантиметров, общая длина — 25 сантиметров. Дно «*Т*», «*Т1*» с вырезом. Длина «*Т1*» — 5 сантиметров и «*Т*» — 13 сантиметров. Передняя стенка «*К*» и задняя «*Р*». В передней стенке «*К*» сделайте круглое отверстие диаметром 5,5 сантиметра. Переднюю стенку лучше сделать двойной — поверх картона еще кусок обыкновенной фанеры — и в ней просверлить такое же круглое отверстие, как и в картоне.



Отверстие проделывается в середине передней стенки, отступя от ее верха на 1,5 сантиметра. Прежде чем окончательно укрепить переднюю стенку, сделайте из картона трубочку для об'ектива (линзы, передающей изображение). Трубочка (рисунок 3) должна выступать на 2 сантиметра от картонной передней стенки. На конце ее сделайте надрезы в 1 сантиметр длиной (кроме 2 сантиметров выступающей трубочки) и пропустите эти надрезы в отверстие картонной стенки, загните их, изнутри плотно прижмите надрезы фанерной стенкой и сбейте стенки из картона и фанеры вместе. Теперь возьмите линзу — увеличительное двустороннее стекло — диаметром в 5 сантиметров и сделайте из тонкого картона трубочку (рисунок 2), чтобы она могла вдвигаться в трубку, уже прикрепленную к ящику. Длина трубочки — 4 сантиметра. Положите в нее линзу. Чтобы она не выпадала, сделайте ободок из картона размером немного меньше диаметра линзы (рисунок 4), надрежьте его вокруг и наложите поверх линзы, а надрезы загните по трубочке и приклейте их. Поверх надрезов наклейте ободок — полоску бумаги. Об'ектив готов. Эту трубочку с линзой (рисунок 5) вдвигаете в неподвижную трубочку и, двигая линзу, вы находите наиболее четкое изображение на экране.

Для получения изображения надо вставить в ящик перед об'ективом зеркальце (высотой 10,5 сантиметра и шириной 6,5 сантиметра) наклонно к передней стенке и лицом ко дну «*Т*» и к отверстию в дне. Как найти наклон зеркала, указано на стенках «А», «*А*» (рисунок 1). Отмерьте по вертикали от верхней линии боковой стенки 5,5 сантиметра и от передней стенки по горизонтали 8,5 сантиметра, это будет точка «*А*» (рисунок 1). Проведите линию из точки «*А*» в верхний угол и получите линию наклона зеркала.

Укрепите его так: сделайте деревянную дощечку по размеру зеркальца (рисунок 6),

прибейте к ней палочку (9,9 сантиметра) так, чтобы дощечка находилась на одинаковых расстояниях от концов палочки, прикрепите крючки из проволоки, вставьте зеркальце и загните крепко крючки на краях зеркальца. Теперь вставьте все это с зеркальцем в ящик, чтобы палочка была поперек ящика и касалась его верха, установите зеркальце по линии наклона (рисунок 1) и прибейте концы палочки к боковым стенкам накрепко.

В задней стенке устройте электрическую лампочку, чем она сильнее, тем яснее видно изображение на экране. Лампочку установите так, чтобы наиболее сильно освещался положенный вами в прорез дна рисунок или фото.

Еще сделайте отдушины, для того чтобы уходили испарения из аппарата при накаливании лампочки, и прикройте их щитками.

Сделайте в боковых стенках ящика прорезы вдоль нижнего края стенок параллельно дну, от дна на высоте 1 сантиметра, длиною по 6 сантиметров. От передней стенки они должны начинаться на расстоянии 6,5 сантиметра (рисунок 7), в них должна свободно проходить полоска бумаги.

Над щелями, к стенкам снаружи, прикрепите валики (рисунки 8 и 9). Один из них с ручкой, чтобы легче и равномернее вертелся валик. Валики служат для сматывания ленты с рисунками с одного валика на другой, с одной боковой стенки на другую. Изготовить эти валики можно так: приготовьте две круглые деревянные тонкие палочки, толщиною как ручка для письма, одна длиной в 10 сантиметров, другая — 15 сантиметров, наденьте на них головки от катушек из-под ниток, сделайте на палочках крючочки из тонкой проволоки, чтобы прикреплять концы бумажной ленты с рисунками, на 15-сантиметровой палочке приделайте ручку (рисунок 8), сделайте из деревянных колодочек, размером 1,5 сантиметра, 4 стойки с петлями из проволоки (рисунок 10), вставьте в эти петли приготовленные уже валики и прибейте их над самыми щелями в боковых стенках (рисунок 7) так, чтобы валик с ручкой выдавался вперед и его можно было вертеть за ручку, и так, чтобы валики свободно вращались в петлях из проволоки в стойках (рисунок 9).

Нарисуйте на белой бумажной ленте (рисунок 11) различные фигурки на расстоянии 5—6 сантиметров одна от другой. Длина ленты зависит от количества рисунков-фигурок, ширина ее — около 5 сантиметров. Лента должна свободно входить в щели в стенках. Один конец ее укрепляете на валике без ручки на одной боковой стенке, пропускаете ленту в аппарат рисунками кверху и закрепляете начало ленты на валике с ручкой. Когда вы начнете вертеть ручку, то на экране появляются рисунки. Сматывая ленту с одного валика на другой, вы получите на экране движущиеся предметы; людей, машины, поезда, танки, самолеты, животных и прочее.

Для большего впечатления движения можно вырезать из картона нарисованный красками или черный пейзаж (рисунок 12) соответственно теме и его прикрепить неподвижно на дне «*Т*», а уже позади его пропускать ленту с фигурками. Конечно, пейзаж должен быть уже чем лента, чтобы он не заслонял фигурок.

Если почему-либо не будет получаться изображение на экране, когда вы все сделаете так, как я сказал, то у вас, значит, или стекло (линза) не то или зеркало поставлено криво: не в центре об'ектива.

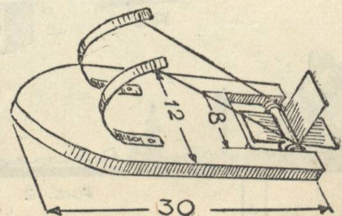
Если не та линза, то вы возьмите линзу и, не трогая аппарата со вложенным в нем рисунком, начните двигать ее взад и вперед, даже совсем выньте и подвигайте ее перед отверстием, пока не поймаете на экране четкого изображения. Поймав его, измерьте расстояние от линзы до передней стенки аппарата, сделайте такой длины трубочку из картона и вставьте на конце ее линзу.

Если же изображение получается, но все вертикальные линии изображаются наклонными,— значит, неверно поставлено зеркало. Исправьте наклон зеркала так, чтобы об'ектив был в центре зеркала.

Самодвижущаяся лодка



Раньше всего выстругаем деревянную дощечку в форме лодки размерами 30 × 12 × 15 сантиметров. Затем установим две пружины **«А»** и **«Б»** и удлиненную катушку **«В»** на корме лодки размерами 10 сантиметров. Катушку укрепим проволочными скрепами, чтобы она могла свободно вращаться. В катушке сделаем продольные вырезы и вставим в них 4 лопасти **«Г»** размерами 6—7 сантиметров. На корме сделаем вырез в 8 сантиметров с тем, чтобы лопасти могли свободно вращаться, загребая воду над судном вроде весел. От верхних концов пружин протянем прочные ниточки к желобкам на катушке. Теперь обернем 8—10 раз ниточки на катушке, спустим лодочку на воду. Пружины начнут разгибаться, лопасти завертятся, подталкивая лодку вперед. На носу лодки надо укрепить небольшой груз, чтобы лодка не задирала нос над водой и лучше разрезала воду. Смастерите мачту, укрепите на ней флаг, и лодка будет двигаться по воде сама.





Загадки

Арифмограф

(прислан Галей Бабиковой, Москва)

1—2—3—4—5—6—7 опера Бизе (1).

1—3—8 9—7—5 (два слова) балет Асафьева (2).

3—10—3—11—12—6—13 9—8—3—10—14 (два слова) знаменитый французский писатель (3).

12—14—11—8—12—15 16—5—10—17—15—5—10—11—15 (два слова) его произведение (4).

4—3—8—5—20 14—11—18—3—6—11 (два слова) историческая пьеса Шиллера (5).

15—12—6—13—11—3 итальянский физик (6).

Арифмограф разгадывается так: цифры обозначают определенную букву. Если цифра повторяется несколько раз, то это значит, что это одна и та же буква.

Загадочный квадрат

(прислал Сеня Ляховецкий, Москва)

а	а	а	а
л	л	о	о
с	н	н	п
п	т	т	ы

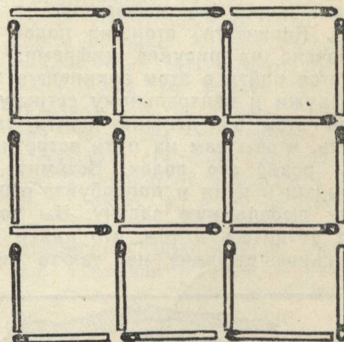
Расставьте буквы в этом квадрате так, чтобы слева направо и сверху вниз можно было прочесть одинаковые слова.

Завтрак охотника

Охотник сбился с дороги. Проголодавшийся, он набрел на 2 рыбаков, которые, сидя у костра, как раз собрались зажарить на завтрак 8 карасей. Охотник попросил рыбаков поделиться с ним завтраком. Они согласились и поделили рыбу на 3 равные части. С'ев свою долю, охотник, уходя, оставил рыбакам 8 монет по 20 копеек. Сколько монет каждый из рыбаков должен получить, если один из них поймал 3 рыбок, а другой 8?

Квадрат из спичек

Возьмите 24 спички. Разложите их на столе, чтобы получилось 9 симметричных квадратов, как показано на рисунке. Потом уничтожьте 4 квадрата, взяв всего 4 спички. Как это сделать?



Откуда?

Дано четверостишие известного стихотворения русского поэта, зашифрованное цифрами. Попробуйте вместо цифр проставить буквы, расшифровать стихотворение, указать название его, а также автора.

Одинаковым цифрам соответствуют одинаковые буквы. Последнее слово четверостишия — «печать».

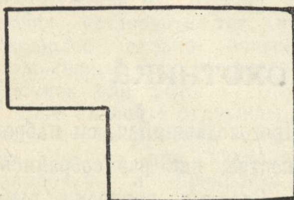
1,2,3,4,5,6,5,7 1,8,9,6,7 10,9,11,12,13,14 15,16,17,16,12.
12,16 18,2,1,11,2,8,2 19,20,17,21 7,3 4,15,21,19,20 15,18,7,22,19
15,16,8,23,2 9,24,18,22,3. 7. 19,16,17,16,12 7 12,2 9,17,19,2,14
16,24,4 15,16,10,2,19,20.

Три поезда

На участке идут 3 поезда: курьерский, пассажирский и товарный. Курьерский идет со скоростью на 50 процентов, а пассажирский—на 25 процентов больше товарного. Насколько скорость курьерского поезда больше пассажирского?

Сложите квадрат

Разрежьте эту фигуру на 3 куска и сложите их так, чтобы из них получился квадрат.



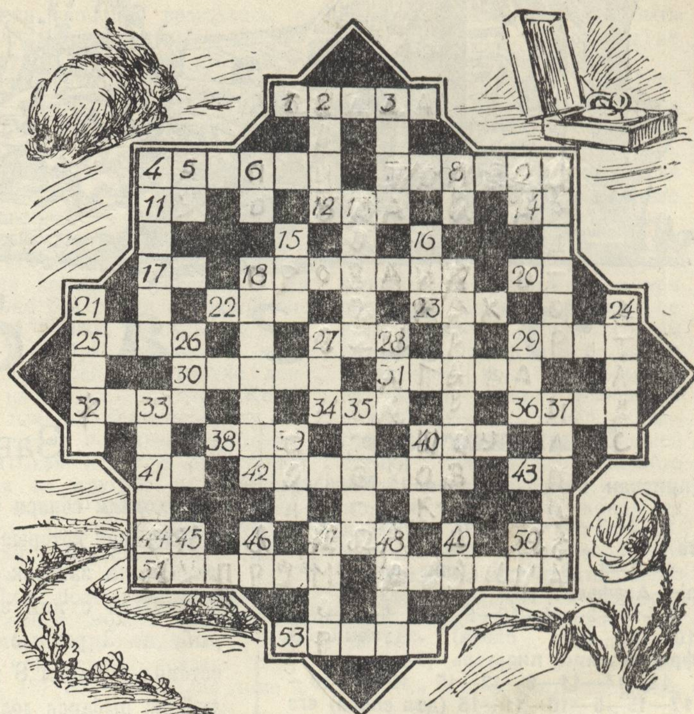
Лодки у островов

Перед вами карта архипелага (группа островов). Центральный остров в этом архипелаге оставлен белым, а все остальные заштрихованы. У островов и в проливах между ними стоят лодки (не показанные на карте). Количество стоящих лодок обозначено на рисунке цифрами. Требуется найти в этом архипелаге путь снаружи к центральному острову, но при этом вы должны найти такой путь, чтобы вам на пути встретилось бы ровно сто лодок. Возьмите карандаш в руки и попробуйте решить эту любопытную задачу. Вы тотчас же убедитесь в том, что найти правильное решение не так-то легко.



Кроссворд

(прислан Гришей Федюшиным из города Ворошиловска)



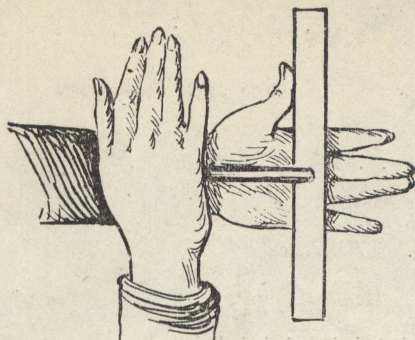
По горизонтали: 1. Древнее индийское божество. 4. Город в Индии. 7. Город в Испании. 11. Французский бактериолог. 12. Стенная лампа. 14. Мера площади. 17. Китайская мера длины. 18. Автор прозы. 20. Предлог. 22. Советский пианист. 23. Болезнь. 25. Большой сток воды. 27. Шум. 29. Глава заговора против Юлия Цезаря. 30. Французский мастер часового дела. 31. Южное растение. 32. Принадлежность мужского костюма XVIII века. 34. Часть реи. 36. Лекарство. 38. Часть лица. 40. Современный английский писатель. 41. Предлог. 42. Советский писатель. 43. Река в Европе. 44. Местоимение. 47. Волчок. 50. Страва. 51. Латинское название меди. 52. Обработанный каучук. 53. Злак.

По вертикали: 2. Индийский князь. 3. Растение. 4. Животное. 5. Крик в лесу. 6. Река в Европе. 8. Нота. 9. Утверждение. 10. Человек, владеющий даром слова. 13. Предмет наказания. 15. Город во Франции. 16. Река в Бельгии. 18. Музыкальный инструмент. 19. Народный артист Союза ССР. 21. Болезнь. 24. Горы в Африке. 26. Город в Финляндии. 27. Материальная основа явлений наследственности. 28. Растение. 29. Композитор. 33. Город в Индо-Китае. 35. Сияние. 37. Произведение Гомера. 39. Счет в спортивных играх. 40. Нервное потрясение. 45. Восклицание. 46. Овраг. 47. Разновидность смешного. 48. Бог войны у греков. 49. Буква славянского алфавита. 50. Мужское имя.

Поставьте знак

(прислали Рита Рудницкая и Октябрина Долгина, Харьков)

Какой знак, употребляющийся в арифметике, надо поставить между цифрами 2 и 3, чтобы получилось число больше 2, но меньше 3?



Вот так птица!

(прислал В. Пиоренов, Ташкент)

Возьмите птицу. Отнимите 2 буквы и получите реку. Затем отнимите 1 букву и прочитаете местоимение. Отнимите еще букву и вы получите предлог. И наконец, отнявши еще одну букву, увидите союз.

Магическая линейка

Став спиной к зрителям, положите на запястье левой руки обыкновенную рисовальную резинку и карандаш так, чтобы один конец карандаша был прижат резинкой к руке, а другой его конец лежал на ладони.

Положите правой рукой на левую ладонь небольшую линейку, подсуньте ее под свободный конец карандаша и покрепче прижмите правой рукой резинку, лежащую на запястье, поверх карандаша.

Стоя попрежнему спиной к зрителям и не отнимая правой руки от запястья левой, опустите левую руку вниз (тыльной стороной к зрителям) и широко растопырьте пальцы. К большому удивлению ваших зрителей линейка не упадет на пол.

Два поезда

Со станции отправились одновременно в разные стороны два поезда: товарный и пассажирский. Шли они с равномерными скоростями, причем пассажирский шел вдвое быстрее товарного.

Через некоторое время оказалось, что число минут хода товарного равняется числу километров, пройденных пассажирским. Определить скорости поездов.

Ответы на задачи № 3

Перестановка цифр

3	2	4	5	1
4	1	2	3	5
1	3	5	4	2
5	4	1	2	3
2	5	3	1	4

Имя девочки

Кира: 1) Каир, 2) раки, 3) арки, 4) икра, 5) Икар, 6) Ирак.

Слова-кубики

Первое слово — шашка; второе слово — коса.

Осмотр шахты

Начав обход с точки А, инженеру придется пройти всего 3600 метров, если он изберет следующий путь:

А,Б,Ж,З,В,Г,И,З,Н,О,И,К,П, О,У,Т,Н,М,Ж,Е,Л, М,С,Т,У,Ф,П, К,Д,Г,В,Б,А,Е,Л,Р,С.

Таким образом, инженеру приходится пройти между точками А и Б 2 раза, между В и Г — 2 раза, между Е и Л — 2 раза, между К и П — 2 раза, между Т и У — 2 раза. Всего придется сделать 5 лишних переходов (или повторений). Таким образом, 31 переход по 100 метров плюс 5 повторений по 100 метров равняются в общем 3600 метрам.

В классе

Задача сводится к нахождению такого числа, к которому если прибавить 13, то оно увеличится на 52 процента. Принимая неизвестное число за 100 процентов, найдем, что 13 составляют от него 52 процента. Значит, в классе было 13 : 0,52 = 25 мальчиков и 25 — 13 = 12 девочек.

Который час?

В момент, когда Алик взглянул на свои часы, они показывали 5 часов 34 минуты. Действительно, когда часы показывают без 12 минут 7, то минутная стрелка прошла 48 минутных делений после цифры 12, а часовая стрелка прошла в 12 раз меньше, то есть 4 минутных деления после цифры 5, другими словами — 34 минутных деления после цифры 12. Таким образом, в тот момент, когда Алик взглянул на свои часы (а это было вскоре после 5 часов), часы показывали 5 часов и 34 минуты.

Что же за число?

Это число — 12 345 679.

Буквенный ребус

Получается слово «тригонометрия».

19 верблюдов

Родственник сказал наследникам: «Чтоб уладить дело, я прибавлю еще одного своего старого, уже почти негодного верблюда к 19. Итого будет 20 верблюдов. И теперь старший получает половину — 10 верблюдов, средний — четверть, т. е. 5 верблюдов, и младший — одну пятую, т. е. 4 верблюда». Когда все взяли своих верблюдов, родственник сказал: «Так как вы все получили свое, а моего верблюда никто не взял, то я беру его обратно. И, следовательно, все в порядке».

Разделите 45

Четыре части, на которые надо разделить число 45, таковы: 8, 12, 5 и 20. Действительно:

8 плюс 2 равно 10;
12 минус 2 равно 10.

Поправка

В № 4 помещены ответы на задачи № 2, а не № 1, как ошибочно было напечатано.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОПРАВКА

В статье «Будем настоящими ленинцами», опубликованной на оборотной стороне обложки журнала № 5, по вине сотрудника редакции допущена ошибка. 7-ю строку сверху следует читать: «Конечно, 23 мая 1924 года»...

На виновного наложено взыскание.

На обложке картина художника Я. Титова: „Возвращение с первомайского парада"

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды" 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная.**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази**

Сдано в набор 4/IV—1939 г. Подписано к печати 10/V—1939 г. Изд. № 422

Уполномоченный Главлита № А—10 976. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Заказ 1065. Тираж 90 000 экз.